

**МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ**

Узбекистана

ТАШКЕНТ - 1988

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ МУЗЕЙИ

ЎЗБЕКИСТОН
ТАРИХИГА ОИД
МАТЕРИАЛЛАР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ • 1963

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

МУЗЕЙ ИСТОРИИ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ
УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ · 1963

В сборнике работ коллектива научных сотрудников Музея истории АН УзССР представлены результаты исследований ряда новых ценных документов, вещественных реликвий, историко-археологических материалов.

Большое внимание уделено истории Советского Узбекистана, в частности, некоторые статьи посвящены истории гражданской войны в Узбекистане, а также отдельным вопросам развития промышленности и сельского хозяйства в республике.

В небольшом хроникально-информационном разделе характеризуются архивные и фондовые материалы Музея.

Сборник рассчитан на широкий круг научных работников — историков, археологов, этнографов, нумизматов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов, а также всех интересующихся историей народов Советского Востока.

Ответственный редактор —
канд. ист. наук Л. М. ЛАНДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторический XXII съезд КПСС, приняв новую Программу партии, положил начало важнейшему этапу развития советского общества, этапу борьбы за непосредственное осуществление принципов коммунизма. Это вносит глубочайшие изменения во все сферы нашей жизни, в том числе и в идеологическую работу.

Решения партии и правительства об усилении культурно-просветительной работы и атеистической пропаганды, о воспитании подрастающего поколения в духе лучших революционных и трудовых традиций, задачи, поставленные новой Программой КПСС в деле формирования человека коммунистической морали, высокой духовной культуры, коммунистического отношения к труду и обществу, требуют коренной перестройки деятельности музеев.

К работникам идеологического фронта, в том числе и к работникам музеев, сейчас, более чем когда-либо, предъявляются очень высокие требования. Из решений XXII съезда и новой Программы партии вытекают совершенно определенные выводы о совершенствовании форм музейной работы.

Нисколько не отрицая необходимость изучения прошлого Узбекистана и показа его в музейной экспозиции, следует особо акцентировать внимание на вопросах изучения опыта социалистического и коммунистического строительства. Музеи должны на лучших образцах труда пропагандировать опыт передовых рабочих и колхозников с обязательным раскрытием общественного значения и движущих мотивов их трудового героизма.

Преодолевая последствия культа личности Сталина, следует шире освещать деятельность трудящихся масс, всего советского народа — подлинного творца новой жизни. Используя подлинный вещественный и документальный материал, нужно показать активных участников социалистическо-

го строительства, которые в период господства культа личности были незаслуженно забыты.

Оттого, насколько музеи сумеют разрешить проблемы, которые выдвигает наша действительность, будет зависеть действенность музейной пропаганды.

В период развернутого строительства коммунизма формируются общественные коммунистические отношения: сближение двух форм социалистической собственности, развитие ростков нового в характере труда и производственных взаимоотношениях, стирание различий между городом и деревней, сближение наций.

Показ ростков этих новых общественных отношений на музейных материалах должен быть убедительным, ярким и выразительным. Следует глубже присматриваться к росткам нового, находить в нашей действительности то, что рождается творчеством миллионов масс.

Претворяя в жизнь исторические решения XXII съезда КПСС, работники Музея истории АН УзССР главное внимание уделяют освещению успехов хозяйственного и культурного строительства в Узбекистане.

Советский раздел экспозиции Музея подвергся наиболее значительной реконструкции. В экспозицию его включены новые материалы о земельно-водной реформе, Великой Отечественной войне, промышленном развитии республики и выполнении семилетнего плана; созданы мемориальные уголки выдающихся деятелей Советского Узбекистана. Работниками Музея собраны новые материалы о современном этапе коммунистического строительства и созданы новые разделы экспозиции. Накануне XXII съезда КПСС экспонировалась выставка «Деятели науки и культуры Узбекистана — XXII съезду партии». Собраны интересные материалы о передовиках-механизаторах сельского хозяйства—Турсуной Ахуновой, Валентине Тюпко и др. Среди экспонатов имеется подлинник письма Н. С. Хрущева Т. Ахунзвой, в котором дается высокая оценка ее почину в развертывании движения женщин-механизаторов.

Музей организовал экспедицию в г. Чирчик, трудящиеся которого первыми в республике начали борьбу за звание города коммунистического труда и высокой культуры. Были получены интересные материалы о деятельности коммунистических бригад, работе народного театра, городской публичной библиотеки, которая первой в Узбекистане открыла читателям свободный доступ к книжным полкам и т. д. Эти материалы вошли в экспозицию выставки «Борьба Чирчика за звание города коммунистического труда и высокой культуры».

В Музее в канун XXII съезда партии проводились встречи передовиков производства с трудящимися Ташкента. Новые экспонаты Музея были показаны во многих промышленных центрах и колхозах республики.

Непрерывно расширяются формы научно-просветительной работы Музея. Наряду с постоянными экспозициями организуется ряд временных выставок. Так, были открыты выставки нумизматики, «Прикладное искусство Узбекистана конца XIX—начала XX веков», «Культурные связи Узбекистана с братскими республиками и зарубежными странами».

Трудящиеся столицы Узбекистана и ее гости проявляют большой интерес к Музею: только в течение 1962 г. здесь побывало более 120 тыс. человек (при годовом плане 70 тыс.). За это время сотрудниками Музея было проведено около 1055 экскурсий и свыше 145 лекций-маршрутов по Ташкенту.

Работники Музея поддерживают тесную связь со школами столицы и столичной области. Для школьников проводятся экскурсии по историческим и историко-революционным местам Ташкента, а преподаватели прослушали курс лекций по истории Узбекистана.

Приближение школы к жизни в преподавании истории означает систематическое ознакомление учащихся с историей, экономикой и культурой республики и изучение краеведческого материала. Некоторые школы организуют регулярные посещения Музея после разработки определенных тем. Материалы Музея входят в состав урока как постоянный компонент. В Музее проводится прием в пионеры под знаменами революционной славы, пионерские сборы, встречи школьников с ветеранами революции и социалистического строительства.

Сотрудники Музея проводят большую работу и среди студентов города. Так, в целях закрепления материала по истории КПСС для студентов ташкентских вузов (университета, политехнического и медицинского институтов) были прочитаны лекции «Первые шаги рабочего движения в Туркестане», «Октябрьская стачка 1905 года в Туркестане» и др.

Расширяя связи с трудящимися, Музей организовал «День открытых дверей для передовых бригад», провел ряд экскурсий с новоселами целинных земель Голодной степи. На предприятиях и во дворцах культуры было организовано чтение лекций и подготовлено шесть передвижных выставок. Большой популярностью пользовалась выставка «Навстречу XXII съезду КПСС», которую посетило свыше 75 тыс. чел.

Среди коллективов коммунистического труда, передовиков науки и производства республики была проведена собирательская работа по теме «Ростки коммунистического нового в экономике, науке и культуре Советского Узбекистана». На основе этих материалов подготовлена выставка «Ростки коммунизма в Узбекистане».

В сентябре — октябре 1961 г. комплексная экспедиция Музея собрала в Денауском и Сарыассийском районах Сурхандарьинской области этнографические материалы, характеризующие современный быт рабочего класса и колхозного крестьянства республики.

Наряду с собирательской, экспозиционной и пропагандистской деятельностью коллектив Музея проводит и научно-исследовательскую работу. Разработка ряда тем завершается не только созданием экспозиции, но и написанием научных статей и монографий. В 1961-1962 гг. сотрудниками Музея опубликованы три монографии, свыше 20 научных статей и сообщений. С целью создания музейных кадров высокой квалификации в 1961 г. при Музее создана аспирантура по специальностям: нумизматика, археология, этнография, история средневековья.

В настоящее время перед Музеем стоят большие задачи — глубокое изучение и освещение в экспозиции славных дел трудящихся Советского Узбекистана, усиление политико-массовой работы, пропаганда идей Программы КПСС и исторических решений XXII съезда партии.

Директор Музея истории АН УзССР
кандидат исторических наук
Н. Садыкова.

Н. САДЫКОВА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА МУЗЕЯ

Решения XXI съезда и Программа КПСС поставили перед работниками идеологического фронта важнейшие задачи в области культурного строительства, воспитания трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму.

Своими исследованиями советские ученые, в частности, историки призваны содействовать делу коммунистического воспитания трудящихся, показывая на конкретном историческом материале жизнеутверждающую силу советского строя, величие наших дел, мудрость партийного руководства, закономерность и неизбежность движения человечества к коммунизму.

Развитие Советского государства, подвиги рабочего класса в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма, трудовые успехи работников деревни, достижения в области науки и культуры — все эти темы требуют глубокого и яркого раскрытия.

Нельзя не учитывать, что пропаганда успехов коммунистического строительства в нашей стране, особенно в среднеазиатских республиках, представляет огромный международный интерес, так как к республикам Советского Востока прикованы взоры миллионов народных масс стран Азии и Африки, освободившихся от колониального ига и ставших на путь национального возрождения.

В идеологическом воспитании трудящихся музеям принадлежит важная роль благодаря своим возможностям предметно-наглядного показа результатов строительства коммунизма. Особенно возрастает значение советских отделов экспозиции.

Научными сотрудниками Музея истории АН УзССР проводится сбор материалов, освещающих события сегодняшнего дня, расширяются формы пропаганды наших достижений с привлечением всех средств предметно-наглядной агитации.

Среди множества задач по изучению истории Советского Узбекистана следует выделить несколько важных проблем в области собирательской, экспозиционной и научно-просветительской работы.

В области собирательской работы в настоящее время важное значение приобретают тщательно подготовленные комплексные экспедиции по сбору материалов, относящихся к истории Октябрьской революции и гражданской войны, построения социализма в Узбекистане, раскрывающих успехи коммунистического строительства, достижения в области промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры, элементы нового в труде и быту. Наряду с историческим анализом большое значение приобретает этнографическое изучение быта современного рабочего класса и колхозного крестьянства. Все это ставит перед работниками советских отделов новые большие задачи, заставляет расширять тематику научно-собирательской работы.

Остановимся кратко на работе Музея в этой области.

В 1959 г. труженики г. Чирчика первыми в республике стали бороться за звание города коммунистического труда и высокой культуры. Этот славный почин следовало изучить и пропагандировать. В марте 1961 г. была организована экспедиция в составе научных сотрудников Б. Джабарова и Ю. И. Гласс.

Участники экспедиции побывали на предприятиях и в общественных организациях города, знакомы с производством, бытом рабочих. Ими было собрано более 200 экспонатов-документов, вещественных реликвий, фотографий и т. п. Среди экспонатов, освещающих работу предприятий, большой интерес представляют социалистические обязательства коллективов электрохимкомбината, «Узбекхиммаша», «Чирчиксельмаша», «Электромаша», образцы их продукции.

Собраны экспонаты, освещающие работу передовых бригад. Бригада коммунистического труда «Узбекхиммаша» во главе с Турабэм Тумановым передала бригадный вымпел, образцы продукции, карточки личного учета.

Инициатор борьбы за коммунистический труд на электрохимкомбинате Зоя Ширшикова подарила фотографию участников Всесоюзного совещания ударников и бригад коммунистического труда, проходившего в мае 1960 г. в Москве.

Интересный материал собран об общественной жизни города: обращение к жителям города, рапорты комсомольских организаций первому городскому слету передовиков производства, мандат участника Всесоюзного совещания молодых строителей.

Тщательно подмечаются ростки коммунистического завтра: собраны экспонаты, рассказывающие о конструкторском бюро, работающем на общественных началах; библиотеке, первой в республике открывшей свободный доступ читателей к фондам; народном театре, кинотеатре без контролера. Весь собранный материал, показывающий самозотверженный труд советских людей, строителей коммунизма, был оформлен в виде выставки, которая экспонировалась в других промышленных центрах Узбекистана; часть материалов вошла в состав экспозиции «Семилетка в действии».

В 1962 г. была организована более значительная по масштабам экспедиция научных сотрудников в составе Б. Джабарова, А. Мирхаликова, Ш. Музапарова в города Ангрэн, Ахангаран, Алмалык и Беговат.

Перед участниками экспедиции стояла задача изучить историю промышленности этих городов, как росли и благоустраивались новые города и республики.

В Ангрэне, на комбинате «Узбекуголь», были собраны документы, вещественные реликвии-вымпелы и знамена передовых шахтерских бригад, рационализаторские предложения ударников коммунистического труда, панорама открытого угольного разреза ГРЭС, шахты № 9 и т. д.

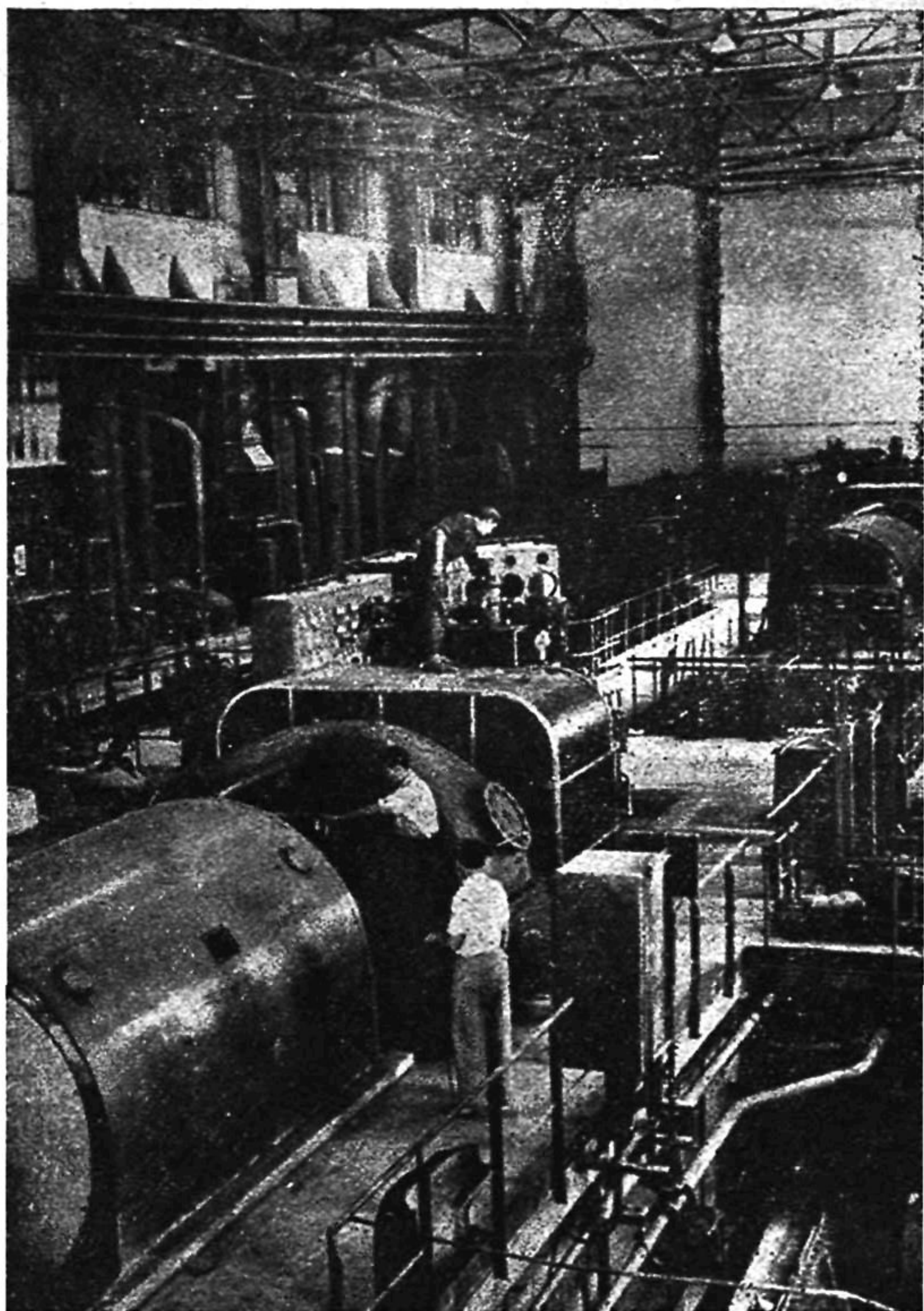
Интересен фотоматериал, показывающий облик нового города: новые улицы и дома, детские, школы.

В Ахангаране основным объектом служила ударная комсомольская стройка — Ахангаранский цементный завод, где были собраны ценные материалы, освещающие труд нашей молодежи.

Работа в Алмалыке и Беговате была посвящена изучению горнодобывающей и металлургической промышленности республики. Летопись строительства и панорама медной фабрики, образцы продукции, рапорты и обязательства, личные вещи, фото и награды передовиков производства, активных участников общественной жизни республики, делегатов XXII съезда КПСС, работницы свинцово-цинкового комбината Щербининой и мастера прокатного цеха Беговатского металлургического завода Нуритдинова и т. д.

Эти факты говорят о том, что сотрудники проделали определенную работу, однако использованы еще не все возможности.

Опыт других музеев показывает, что важным помощником музея в сборе материалов по промышленности является Совет народного хозяйства. Например, Брянский музей, установив тесную связь с отделом технической пропаганды, бюро технической информации совнархоза и ведущими предприя-

Машинное отделение Адылькской ТЭЦ.

тиями области, получил ряд ценных экспонатов и сам оказал им помощь в пропаганде технических достижений.

По просьбе Рязанского музея Совнархоз области неоднократно созывал совещания директоров и главных инженеров предприятий по поводу оказания помощи музею; с этой целью были выделены ответственные лица и консультанты, принявшие участие в организации экспозиции, отражающей достижения промышленности, технический прогресс, механизацию и автоматизацию производства.

Переняв опыт других музеев страны, Музей истории АН УзССР сможет значительно обогатить свои экспозиции, отражающие вдохновенный труд работников промышленности во имя торжества коммунизма.

Музей также освещает достижения сельского хозяйства, пропагандирует новые методы передовых коллективов. Наряду со сбором материала, характеризующего сельское хозяйство в целом, были выделены специальные темы: 1) «Новаторы-механизаторы сельского хозяйства», 2) «Наши маяки».

В 1961 г. научный сотрудник Б. Юсупов собрал интересные материалы о работе передовых механизаторов Турсуной Ахуновой, Валентина Тюпкэ, Меликузы Умурзакова. Среди экспонатов — вещественные реликвии, документы, фотографии. Интересным экспонатом является подлинник письма Н. С. Хрущева Т. Ахуновой, в котором дается высокая оценка ее почину в движении женщин-механизаторов.

В 1962 г. научные сотрудники Б. Юсупов и А. Хаиров собрали материал в Ташкентской области по теме «Наши маяки», посвященный истории передовых хозяйств. Сбор производился в колхозе «Шарк юлдузи» Янгиюльского района, которым руководит трижды Герой Социалистического Труда Х. Турсункулов, и в колхозе «Политотдел», руководимом Героем Социалистического Труда Хваном.

Колхоз «Шарк Юлдузи» — передовое многоотраслевое хозяйство, в нем основные трудовые процессы механизированы; на средства артели строится новый колхозный поселок городского типа.

Экспедицией собраны вещественные реликвии: переходящие Красные знамена колхоза, бригад, мандаты, награды, фотографии передовиков артели, обязательства и обращения колхозников, личные вещи. Имеются фото колхозного поселка, школы, клуба, интерната.

Колхоз «Политотдел» является одним из крупных производителей лубяных культур. Здесь собраны данные о росте экономики колхоза, интересные материалы о пребывании в

колхозе главы Советского правительства Н. С. Хрущева, иностранных делегаций, знакомящихся с колхозной жизнью и т. д.

Изучены методы работы знатной кукурузоводки Любови Ли, бригада которой одна из первых в республике специализировалась на выращивании ценной кормовой культуры. В 1961 г. бригада получила 1850 ц кормовой массы с каждого гектара. Собраны почетные грамоты ЦК ВЛКСМ, значок ЦК ВЛКСМ «Лучшему кукурузоводу» и другие экспонаты.

Собранные материалы имеют большое пропагандистское значение. Все они включены в выставку «Семилетка в действии».

Большое внимание в собирательской работе уделяется пропаганде успехов науки и культуры узбекского народа, особенно в период развернутого строительства коммунизма.

Здесь важно охватить весь комплекс: от школьного образования до последних достижений науки, от первых шагов театрального искусства до академических и народных театров. Культурные связи с братскими республиками и зарубежными странами, физкультура и здравоохранение — все эти разделы очень большой важности, находят свое отражение при разработке экспозиции раздела «Наука и культура УзССР в период развернутого построения коммунизма». В Музее накоплен большой материал по этой теме. Например, собраны вещественные реликвии и научные труды деятелей науки Узбекистана, обязательства ученых XXII съезду КПСС и т. д. Аналогичные материалы собраны и о работниках культуры и искусства — композиторах, артистах, драматургах, о театральных коллективах. В фондах Музея имеются материалы о работе школ республики, о съездах и совещаниях интеллигенции, культурных связях Узбекистана и т. д.

Этот ценный материал, характеризующий культурный уровень узбекского народа, также был оформлен в виде выставки, а затем часть его вошла в экспозицию «Семилетка в действии».

Очень важную роль в работе Музея играет этнографическое изучение современного рабочего класса и колхозного крестьянства, пути их формирования, изменения в архитектуре, быту и культуре.

В 1961 г. Музей начал изучение быта нефтяников Ферганской долины. Получены ценные данные о составе рабочих семей, о достижениях в области производства, повышении культурного уровня и т. д.

Интересный материал дала экспедиция по изучению быта колхозного крестьянства на примере колхозников Сурхан-

дарьинской области. Район этот был выбран неслучайно, так как изучен нами крайне слабо. Кроме того, здесь во многих районах имеются обособленные этнографические группы, сохранившие старое племенное деление и свой особый комплекс бытовых и производственных навыков.

В 1961 г. экспедиция Музея в составе сотрудников М. Султанова, Н. Мукаддамовой и Ш. Музапарова собрала интересный материал: образцы одежды, украшений, предметов производства. Полученные материалы экспонировались в виде специальной выставки, часть их входила в состав постоянной экспозиции.

Кроме научной и собирательской работы, научные сотрудники Музея непрестанно ищут все новые формы показа экспонатов, стремятся к тому, чтобы экспозиция Музея была яркой и многообразной.

Не секрет, что наши экспозиции еще не всегда представлены подлинными материалами, что в них преобладают плоскостные экспонаты, фотографии, фотокопии, фотодокументы и др. Все это делает экспозицию однообразной, маловыразительной, утомляет посетителя. Кроме того, жизнь республики стремительно идет вперед, а наши экспозиции советского отдела часто отражают вчерашний день, являются устаревшими.

Музей имеет очень ограниченную экспозиционную площадь, поэтому были использованы два вестибюльных зала, где развернуты временные выставки. Последовательно были показаны: «Прикладное искусство Узбекистана XIX и начала XX в.», нумизматическая выставка, выставки: «Ленин и Узбекистан», «Борьба Чирчика за звание города коммунистического труда и высокой культуры», «Новаторы-механизаторы сельского хозяйства», «Ученые XII съезду КПСС», «Культурные связи Узбекистана с братскими республиками и заграницей», «Этнографические материалы Сурхандарьинской области». В настоящее время создана выставка «Семилетка в действии».

Мы должны сделать нашу экспозицию более объемной, интересной, доходчивой. Необходимо шире использовать подлинные материалы: документы, грамоты, знамена, карточки личного учета, образцы продукции, объемные экспонаты, вещественные реликвии и т. д.

Музей истории начал постоянно вводить эти экспонаты в постоянную экспозицию и во временные выставки. Например, на выставке «Семилетка в действии» показаны образцы продукции, социалистические обязательства, обращения, альбо-

мы, свидетельства, знамена и вымпелы, книга почета, газета и стенгазеты, награды, почетные грамоты, памятники искусств, научные труды, макеты, панорамы и т. д.

Известно, что разделы советского периода были засорены экспонатами, прославлявшими культ личности Сталина. Мы провели большую работу по ликвидации вредных последствий культа личности, восстановлению объективного освещения истории республики.

Но пропаганда не должна ограничиваться построением экспозиции. Необходимо расширить формы научно-просветительной работы организацией временных выставок, лекций-маршрутов, тематических вечеров, встреч и т. д.

Передвижные выставки были и раньше, но в основном в черте города. Начиная с 1961 г. наряду с выставками в Ташкенте, организованы выставки в Ангрене, в Алмалыке. Выставки способствовали пропаганде успехов промышленности и одновременно помогли сбору нового материала.

В залах Музея были проведены встречи бригад коммунистического труда промышленных предприятий с ветеранами революции и гражданской войны, учеными, деятелями искусства. Здесь выступала Т. Ханум с воспоминаниями о Х. Хаким-Заде; В. А. Шишкин рассказал о раскопках Варахши; О. Д. Чехович — о рукописях; Чернышев, Устабаев, Желтиков поделились воспоминаниями о гражданской войне и о встречах с В. И. Лениным.

Наряду с тематическими лекциями, в залах Музея проводились приемы в пионеры и комсомол под знаменами революционной славы, с напутствиями ветеранов революции и участников гражданской войны.

По инициативе Музея в лекционном зале Республиканского общества по распространению политических и научных знаний проведен ряд краеведческих вечеров с показом музейного материала. Аналогичные вечера проводились и в колхозах.

В настоящее время создаются музеи на предприятиях. Подобные музеи будут играть большую роль, способствовать сбору материалов по истории фабрик и заводов (на важность их изучения указывал еще А. М. Горький), развивать интерес рабочих к истории своего предприятия и истории вообще. За самодеятельными музеями большое будущее, поэтому мы должны оказать необходимую помощь в их создании.

Ю. И. ГЛАСС

В БОРЬБЕ ЗА ГОРОД КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

(по материалам экспедиции Музея истории АН УзССР
в Чирчик)¹.

Первенец социалистической индустриализации Узбекистана Чирчик — город славных трудовых традиций рабочего класса — был заложен в 1932 г. Своим развитием город обязан строительству одного из крупнейших в стране предприятий — электрохимического комбината.

В годы Великой Отечественной войны мирная промышленность Чирчика перестроилась на нужды обороны. Сюда прибыл ряд эвакуированных предприятий, на базе которых впоследствии были созданы заводы по выпуску химического и сельскохозяйственного оборудования.

В послевоенные годы Чирчик превратился в крупный промышленный центр республики. Здесь расположены предприя-

---

¹ Научная экспедиция Музея истории находилась в г. Чирчике 6—20 марта 1961 г. в составе научных сотрудников Ю. Гласса и Б. Джаббарова. В работе экспедиции участвовала научный сотрудник Чирчикского городского музея Л. Е. Лашина. Экспедицией Музея собрано около 200 подлинных вещественных и документальных материалов, характеризующих новый, высший этап социалистического соревнования. Объектами сбора явились такие крупные промышленные предприятия, как Чирчикский электрохимический комбинат, заводы «Узбекхиммаш», «Чирчиксельмаш», «Электромаш», Узбекский комбинат жаропрочных и твердых сплавов.

Среди собранных материалов: свидетельство №1 от 17 июня 1959 г. о присвоении бригаде Зои Ширшиковой звания бригады коммунистического труда, социалистическое обязательство комсомольско-молодежной бригады №3 (химкомбинат); вымпел бригады коммунистического труда Тураба Туманова, его спецовка, личные карточки учета соцсоревнования этой бригады, протоколы заседаний заводского комитета о присвоении званий ударников и бригад коммунистического труда (завод «Узбекхиммаш»); обязательство первой бригады, соревнующейся за звание бригады коммунистического труда (1958 г.), рапорты комитета комсомола Чирчикскому горкому комсомола, фотографии передовиков производства («Чирчиксельмаш»). Собран материал, раскрывающий черты нового, пробивающего себе дорогу в повседневной жизни: эскизы постановок народного театра, фотография здания городского кинотеатра, перешедшего на работу без контролера, программы трех народных университетов культуры и др.

тия союзного и республиканского значения: ордена Трудового Красного Знамени электрохимический комбинат, заводы «Узбекхиммаш», «Чирчиксельмаш», «Электромаш», Узбекский комбинат жаропрочных и твердых сплавов. В городе находится каскад Чирчикских ГЭС, входящих в Ташкентский энергетический узел.

От других городов Узбекистана Чирчик отличается своим стремительным ростом и более однородным профессиональным составом населения, которое в основном состоит из химиков, машиностроителей, энергетиков и строителей².

Промышленные предприятия Чирчика еще сравнительно молоды. Они оснащены новейшей отечественной техникой, что обуславливает скорейшее внедрение автоматизации производственных процессов, ведет к резкому подъему производственной культуры и производительности труда. Молодой социалистический город Чирчик приобрел необходимую внутреннюю компактность. Жилой фонд, развитая сеть культурно-просветительных, учебных и медицинских учреждений создают необходимые условия для удовлетворения бытовых и культурных потребностей трудящихся города.

Еще в первые годы строительства химкомбината и города чирчикстрэвцы проявили исключительный трудовой героизм. В 1934 г. на стройке было 1142 ударника; в ноябре 1935 г. каменщик Л. И. Астафьев установил всесоюзный рекорд кладки кирпича: при норме 800 шт. он выложил за рабочий день 8600 кирпичей³.

В послевоенные годы на электрохимкомбинате зародилось движение за отличное ведение технологического процесса, которое распространилось на предприятиях химической промышленности страны⁴.

В знаменательные дни подготовки к XXI съезду КПСС в стране возникло движение бригад коммунистического труда. Оно зародилось 17 октября 1958 г. в депо Москва-Сортировочная, где еще в 1919 г. был организован первый коммунистический субботник, названный В. И. Лениным «великим почином». Главной особенностью этого движения, провозгласившего лозунг «Жить и работать по-коммунистически», является то, что в нем «органически сочетается борьба за достижение на основе новейшей науки и техники наивысшей производительности труда и воспитание нового человека —

² Ш. Зухритдинов, Из истории возникновения социалистического города Чирчика, Труды САГУ им. В. И. Ленина, новая серия вып. 142, исторические науки, кн. 30, Ташкент, 1958.

³ Ш. Зухритдинов, указ. соч., стр. 148—150.

⁴ История Узбекской ССР, т. 2, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1957, стр. 469.

хозяина своей страны, который постоянно смотрит вперед дерзает, думает, творит»⁵.

В ноябре 1958 г. бригада токарей-расточников второго механического цеха завода «Узбекхиммаш» во главе с Турабом Тумановым первой взяла обязательство бороться за звание бригады коммунистического труда⁶. В дальнейшем такие бригады были созданы на электрохимкомбинате и на заводе «Чирчиксельмаш». Бригада формовщиков литейного цеха завода «Чирчиксельмаш» во главе с комсомольцем Н. Кусковым взяла конкретные обязательства: за счет улучшения организации труда и совершенствования своей квалификации добиться выполнения сменного задания на 150%, снизить брак до 3%, помогать товарищам по труду, передавать свой опыт друг другу; быть примером для всей молодежи не только в труде, но и в быту, образцом высокой культуры поведения на улице, в семье⁷.

Чирчикский горком комсомола, подводя итоги работы первых бригад, в марте 1959 г. разработал три условия соревнования за звание бригад коммунистического труда. Первое условие сводилось к тому, что каждая соревнующаяся бригада должна выполнять производственное задание не менее чем на 120%, применять наиболее современные методы организации труда, новую технику, новейшие инструменты и приспособления, внедрить до конца года не менее двух рационализаторских предложения. По второму условию каждый член бригады должен учиться в специальных высших или средних учебных заведениях, либо заниматься в политкружках, вечернем университете марксизма-ленинизма, в университете культуры. Перед каждым членом бригады ставится задача освоить не менее одной смежной профессии. Третье условие связано с морально-этическими нормами поведения членов бригад коммунистического труда: быть образцом нежного и внимательного отношения к родителям, по-настоящему заботиться друг о друге, исключить грубые и вульгарные слова из своей речи; нетерпимо относиться к употреблению спиртных напитков, нарушениям общественного порядка, активно участвовать в общественных мероприятиях⁸.

⁵ Приветствие ЦК КПСС участникам Всесоюзного совещания передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда, «Правда», 28 мая 1960 г.

⁶ Отчет о работе экспедиции Музея истории АН УзССР в г. Чирчике, 1961, Архив Музея истории, отд. II, п. д. 41, 56, инв. 2879, стр. 5.

⁷ Архив Музея истории АН УзССР, отд. II, п. д. 41, 47, инв. 2785, стр. 6.

⁸ Архив Музея истории АН УзССР, отд. II, п. д. 41, 44, инв. 2782, стр. 6.

25 марта 1959 г. V пленум Чирчикского горкома комсомола, обсудив вопрос «Об итогах работы внеочередного XXI съезда КПСС и задачах городской комсомольской организации», решил расширить замечательное движение за право называться бригадами и ударниками коммунистического труда. Пленум принял также решение провести с 25 марта по 10 апреля фестиваль молодежи под девизом: «Учиться, жить и работать по-коммунистически»⁹.

В апреле 1959 г. комитет комсомола завода «Чирчиксельмаш» присвоил бригаде инструментальщиков Алексея Самбулова звание коммунистической. Это была первая коммунистическая бригада в Чирчике.

Алексей Самбулов со своими товарищами Исаткиным, А. Борисовым, М. Галимовым, А. Журавлевым с честью выполнили взятые на себя обязательства¹⁰. Вскоре в нее вступили еще четыре производственника — В. Махотин, Х. Мусанов, А. Девятко, Г. Гадиева. В среднем бригада выполняла плановое задание на 301%. Такие высокие показатели в бригаде сложились за счет улучшения технологии обработки при изготовлении режущего инструмента. Например, Самбулов впервые применил двойные резцы для фрезерования наборных фрез, а Махотин и Девятко стали обрабатывать метчики не в центрах, а в патроне. Это позволило увеличить производительность труда сокращением времени на их установку. Росту производительности труда способствовало также уплотнение рабочего времени.

В ноябре 1959 г. бригада перешла на выпуск режущего инструмента без проверки контролеров из отдела технического контроля.

Вслед за бригадой А. Самбулова звание бригады коммунистического труда было присвоено бригадам З. Ширшиковой (электрохимкомбинат), Н. Кускова («Чирчиксельмаш»), Т. Туманова («Узбекхиммаш»). Показательной во всех отношениях была бригада Тураба Туманова. Интернациональная по составу (1 узбек, 1 русский, 3 татарина, 3 украинца), эта бригада славилась своей сплоченностью, крепкой дружбой¹¹. Все члены бригады — общественники: Э. Абдуваллиев и Г. Велиуллаев — агитаторы цеха, Петр Анищенко — редактор цеховой газеты «Комсомолец» и одновременно руководитель художественной самодеятельности. И. Кисельников

⁹ Архив Музея истории АН УзССР, отд. II, п. д. 41, 43, инв. 2781

¹⁰ Архив Ташоблсозпрофа. Отдел труда и зарплаты, дело №11. Материалы по соревнованию бригад и ударников коммунистического труда, 1959.

¹¹ Архив Музея истории, АН УзССР, отд. II, п. д. 41, 58, инв. 2881

и Н. Тур были избраны в состав комсомольского цехового бюро, Шамиль Гатаулин — секретарем цеховой комсомольской организации и заместителем секретаря заводского комитета комсомола. Все члены бригады учатся. Бригада шефствовала над 9-й школой. Совместно со школьниками выпускали стенгазету, на страницах которой учащиеся и рабочие делились своими успехами, вскрывали недостатки в работе и учебе. Свой досуг члены бригады обычно проводили вместе.

В первый год семилетки соревнование за звание бригад и ударников коммунистического труда охватило все предприятия города.

26 мая 1960 г. в Москве открылось Всесоюзное совещание бригад и ударников коммунистического труда, в котором приняли участие посланцы Чирчика — Тураб Туманов и Зоя Ширшикова. Совещание продемонстрировало мощный размах патриотического движения, показало, что это движение закономерно, оно подготовлено всем ходом развития социалистического общества. На совещании выступил Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, который дал высокую оценку этому неодолимо движению современности. «Пионерами будущего» назвал Н. С. Хрущев бригады и ударников коммунистического труда¹².

Июльский (1960 г.) Пленум ЦК КПСС, обсудивший ход выполнения решений XXI съезда КПСС о развитии промышленности, транспорта и внедрения в производство новейших достижений науки и техники, особо подчеркнул значение движения за коммунистический труд в период развернутого строительства коммунизма. «Необходимо проявить постоянную заботу,—записано в резолюции Пленума ЦК КПСС,—о дальнейшем развитии движения коллективов и ударников коммунистического труда, множить ряды его участников, сделать это замечательное движение подлинно всенародным»¹³.

Первые итоги движения ударников и бригад коммунистического труда были подведены на республиканском совещании, которое открылось в Ташкенте 22 июля. К этому времени в республике насчитывалось 1080 бригад коммунистического труда.

---

¹² Н. С. Хрущев, Созидательным трудом крепить дело мира, обеспечить победу в экономическом соревновании с капитализмом. Выступление на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда 28 мая 1960 г., М., Госполитиздат, 1960, стр. 7.

¹³ «Правда Востока», 18 июля 1960 г.

На совещании выступил начальник смены Чирчикского электрохимического комбината С. Ишматов. Он рассказал о том, как производственные коллективы гиганта химической индустрии соревнуются за почетное звание коммунистических¹⁴. Семимесячный план выпуска промышленной продукции предприятиями города был выполнен на 113,3%. Условный экономический эффект от внедрения рационализаторских предложений составил около 7 млрд. руб. В соревнование за звание бригад, смен, цехов и предприятий коммунистического труда вступило свыше 20 тыс. человек. 27 бригадам и сменам было присвоено звание коммунистических¹⁵.

В первые ряды тружеников за досрочное выполнение семилетнего плана вышел многотысячный коллектив орденосного электрохимического комбината. Химики выполнили полугодовой государственный план 1960 г. по выпуску продукции на 106%, себестоимость продукции снизилась за второй квартал на 1,9%, производительность труда на комбинате за 6 месяцев возросла на 13,8%¹⁶.

На комбинате появились смены и цеха коммунистического труда. В смене, которой руководит Усманали Дадабаев, четко организован технологический процесс, бережно расходуется электроэнергия. За семь месяцев 1960 г. смена сэкономила свыше 2 млн. квт. ч. энергии¹⁷.

В ходе обсуждения решений июльского Пленума ЦК КПСС рабочие и служащие комбината решили еще раз пересмотреть свои социалистические обязательства и изыскать дополнительные возможности для выполнения заданий семилетнего плана в сжатые сроки. 25 июля на общем собрании коллектива электрохимкомбината было принято обязательство бороться за звание предприятия коммунистического труда. Химики обязались:

1. Выполнить годовой план по валу к 18 декабря и выдать продукцию сверх задания.
2. Выработать дополнительно к плану не менее 22 эшелонов минеральных удобрений.
3. Добиться сверхплановой экономии от снижения себестоимости на 3 млн. руб.
4. Обеспечить достижение намеченного на конец семилетки уровня роста выработки аммиака, снижения себестоимости

---

¹⁴ Работать и жить по-коммунистически, «Ташкентская правда», 24 июля 1960 г.

¹⁵ Чирчик будет городом коммунистического труда, «Партийная жизнь», Ташкент, 1960, № 9.

¹⁶ «Социалистический Чирчик», 28 июля 1960 г.

¹⁷ «Партийная жизнь», Ташкент, 1960, № 9, стр. 45.

мости продукции и повышения производительности труда в 1963 г.¹⁸

Таким образом, химики поставили перед собой главную задачу—выполнить задание первой семилетки за пять лет.

Следующие пункты обязательства касались внедрения в производство новой техники, усовершенствования технологии. Так, химики решили внедрить новые установки в цехе серочистки и сдать в эксплуатацию пятифорсуночный аппарат, автоматизировать контроль производственного процесса в цехе конверсии метана. В целях оживления творческой работы по реконструкции и усовершенствованию технологического процесса было решено создать на комбинате общественный конструкторский отдел. Химики решили внедрить в течение года рационализаторские предложения с общим экономическим эффектом 4,5 млн. руб.

В обязательстве имеется специальный пункт, который предусматривал обучение производственным процессам не менее 200 рабочих, 180 работников охватить производственно-техническими курсами, 60 человек подготовить в школах передовых методов труда. Химики решили вести «непримиримую борьбу против пережитков прошлого, против всего того, что мешает на славном пути к коммунизму».

На собрании было принято обращение «К труженикам предприятий,строек, организаций и учреждений, ко всем жителям Чирчика» с призывом «жить и работать по-коммунистически».

«Дорогие товарищи чирчиковцы!— говорилось в обращении.— Давайте же рука об руку, плечо к плечу, бороться за то, чтобы наш родной город стал городом высоких коммунистических идеалов — глубокой сознательности его граждан, высокой культуры, подлинного коммунистического труда»¹⁹.

Призыв рабочих электрохимкомбината был подхвачен коллективами комбината жаропрочных и твердых сплавов, заводов «Узбекхиммаш», «Чирчиксельмаш», «Электромаш», каскада Чирчикских ГЭС, треста № 160 и ряда других организаций и предприятий.

Так от бригад и ударников коммунистического труда чирчиковцы перешли к соревнованию за звание предприятий коммунистического труда.

18 августа 1960 г. состоялось городское собрание партийного актива, обсудившее итоги июльского Пленума ЦК КПСС и задачи городской партийной организации. Собрание одоб-

¹⁸ Архив Музея истории АН УзССР, отд. 11, п. д. 42, 31, инв. 3030.

¹⁹ «Социалистический Чирчик», 28 мая 1960 г.

рило почин химиков и обязало коммунистов возглавить соревнование за превращение Чирчика в город коммунистического труда и коммунистической культуры.

26 августа участники городского митинга приняли обращение ко всем труженикам Узбекистана: «Мы, трудящиеся и все жители Чирчика, вступаем в соревнование за город коммунистического труда и коммунистической культуры... Мы твердо верим в успех своего дела. Чирчик социалистический станет Чирчиком коммунистическим... Подсчитав свои возможности, мы ставим перед собой задачу достичь уровня производительности труда, запланированного на конец семилетки, в 1963 году. В этом будет главное направление нашей трудовой жизни. Пусть лозунг «Жить и работать по-коммунистически» станет отныне девизом: «Шире шаг к коммунизму!»²⁰.

Участники митинга возложили руководство соревнования и контроль за выполнением принятых обязательств на штаб коммунистического соревнования, который был создан при городском комитете партии.

Так открылась новая знаменательная страница в истории Чирчика, в летописи трудящихся города за приближение коммунистического будущего.

Славный почин чирчиковцев был одобрен Центральным Комитетом Коммунистической партии Узбекистана²¹. Президиум Узсовпрофа предложил профсоюзным организациям республики поддержать патриотическое начинание трудящихся города Чирчика и широко развернуть борьбу за превращение городов и сел Узбекистана в города и села коммунистического труда и коммунистической культуры²².

Взяв обязательство, выполни его, — учит партия. У чирчиковцев слова не расходятся с делом. Предприятия города досрочно, к 27 декабря, завершили годовой план по выпуску валовой продукции. Только за два года семилетки было внедрено 3361 рационализаторское предложение с условным экономическим эффектом 23 780 руб.

Общественные начала все шире проникают в сферу производства. Общественно-конструкторское бюро на заводе «Чирчиксельмаш», созданное в октябре 1960 г.²³ провело большую работу по улучшению эксплуатационных качеств машин «КС-48» и «КЗУ-0,3 Б». Общественно-конструкторская бригада Чирчикского филиала Государственного научно-ис-

²⁰ «Социалистический Чирчик», 28 августа 1960 г.

²¹ «Правда Востока», 5 сентября 1960 г.

²² Архив Ташоблсовпрофа, отдел труда и зарплаты, д. 11.

²³ Х. Ким, Рабочие создают машины, «Партийная жизнь», Ташкент, 1961, № 4.

следовательского и проектного института азотной промышленности и продуктов органического синтеза (ГИАП) по просьбе спортсменов города разработало проект спортивного зала, по которому в настоящее время молодежь города возводит спортивное сооружение. На механическом заводе электрохимкомбината организовано общественное бюро по экономическому анализу производства. С патриотическим почином выступил инженер «Чирчиксельмаша» П. Я. Михайлов, решивший обучать студентов-практикантов на общественных началах²⁴.

Огромный творческий подъем вызвало решение январского (1961 г.) Пленума ЦК КПСС о созыве очередного XXII съезда КПСС. Трудящиеся Чирчика взяли повышенные обязательства в честь предстоящего съезда партии и успешно выполнили их.

В соревнование за коммунистический труд вступило большинство предприятий города. За достигнутые успехи 63 коллективам бригад, участков, смен, в которых работает более 1000 человек, присвоено звание коммунистических. Почетного звания ударников коммунистического труда удостоились 207 передовиков производства. Во главе этого движения идут коммунисты и комсомольцы, инициаторы многих замечательных дел. Много умения и находчивости вложили комсомольцы Чирчика, чтобы каждый прожитый день сделать творческим и содержательным.

В традицию комсомольцев вошло проведение слетов передовиков производства, где принимаются рапорты комсомольских организаций. В дни, предшествующие XXII съезду КПСС, горком комсомола вел эстафету хороших дел. Это — журнал, где лучшие ударники и коллективы коммунистического труда рассказывали, какие производственные подарки они готовят XXII съезду. Итоги эстафеты были подведены 2 октября в 41 годовщину речи В. И. Ленина на III съезде комсомола.

Первую запись в эстафету хороших дел сделал Тураб Туманов, бригадир прославленной в Чирчике бригады коммунистического труда: «На третьем городском слете нам вручено знамя горкома комсомола. Всей бригадой приняли участие в озеленении территории завода. Высокому мастерству токарей-револьверщиков обучили трех молодых рабочих. Теперь они работают самостоятельно»²⁵.

Следующую запись сделала Зоя Ширшикова: «Комсомол Чирчика поддержал почин московских комсомольцев — встре-

²⁴ «Социалистический Чирчик», 26 мая 1961 г.

²⁵ «Социалистический Чирчик», 24 мая 1961 г.

тить XXII съезд родной партии индивидуальными подарками. Молодые строители треста № 160 взяли почетное обязательство — ко дню открытия съезда сдать в эксплуатацию домо-строительный комбинат. Комсомольско-молодежная смена цеха минеральных удобрений электрохимкомбината решила выработать эшелон сверхплановых удобрений»²⁶.

В Чирчике также широко прививаются и черты коммунистического быта. В 1959 г. по инициативе общественности был открыт Чирчикский городской краеведческий музей. Впервые в практике республиканских музеев здесь была отменена плата за вход. Центральная городская библиотека первая в республике перешла на открытый доступ читателей к книжным полкам.

В Чирчике создана самодеятельная киностудия, три университета культуры. Пенсионеры труда организуют различные шефские комиссии, проводят лекции, создают кружки художественной самодеятельности, передвижные библиотеки. О культурном росте трудящихся города свидетельствует то, что каждый третий житель Чирчика учится. Наряду с общеобразовательными школами в Чирчике имеются вечерний политехнический институт, индустриальный техникум, школы рабочей молодежи.

Социалистическое соревнование за коммунистический город проникло во все сферы городской жизни и наложило свой благородный отпечаток на культуру и быт Чирчика. В ноябре 1960 г. городской кинотеатр им. А. Навои перешел на работу без контролеров, а освобожденные контролеры стали кассирами передвижных билетных касс. Следуя примеру Центральной городской библиотеки, на открытый доступ читателей к книжным фондам перешли все библиотеки города. Получила широкое распространение такая форма обслуживания читателей, как организация передвижных библиотек непосредственно на предприятиях и строительных участках. Библиотека при клубе завода «Узбекхиммаш» организовала передвижные библиотеки в цехах. Библиотека в первом цехе насчитывает 1500 томов, в литейном — 800, в первом котельном — 100. Должности библиотекарей на общественных началах исполняют сами рабочие.

В августе 1960 г. во Дворце культуры химиков открылся народный театр. Звание народного театра было присвоено старейшему коллективу художественной самодеятельности за спектакли «Пять ветров», «Любовь, а не березка», «Дети

---

²⁶ «Социалистический Чирчик», 24 мая 1961 г.

Ванюшина». Труппу театра составляют в основном рабочие и служащие электрохимкомбината.

За общественным порядком в городе следят более 30 народных дружин, в которых состоят 1057 человек.

Бороться за коммунистический быт каждого дома — с такой инициативой выступили в марте 1961 г. жители домов второго Заха²⁷ и поселка металлургов. Они обязались строго соблюдать общественный порядок, воспитывать каждого жителя в духе коммунистической морали и активного участия в решении общественных дел, как можно лучше украсить свою улицу, свой дом, организовать во дворовых лекториях показ научно-популярных и художественных фильмов²⁸.

Так пробивает дорогу в коммунистическое завтра Чирчик, трудящиеся которого первыми в республике стали бороться за город коммунистического труда и коммунистической культуры.

На примере города Чирчика видно, что движение за коммунистический труд неодолимо. Это движение, являясь творчеством народных масс, зиждется на прочных основах социалистической системы. Оно вобрало в себя предшествующий опыт социалистического строительства и стало одной из характерных черт эпохи развернутого строительства коммунизма.

---

²⁷ Жилой район комбината тугоплавких и жаропрочных металлов.

²⁸ «Социалистический Чирчик», 24 марта 1961 г.

Э. Ю. БУРЯКОВА

УЗБЕКСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД им. В. И. ЛЕНИНА

(краткий исторический очерк)

Для всестороннего освещения истории социалистического Узбекистана важную роль играет изучение роста его промышленного развития, главным образом тяжелой индустрии.

Ценный материал для этого представляет монографическое изучение истории фабрик и заводов, отдельных крупных промышленных предприятий, играющих большую роль в народном хозяйстве.

Индустриализация Узбекистана в целом освещается в ряде монографий, однако даже в специальных работах Беговатскому металлургическому заводу им. В. И. Ленина — одному из крупнейших промышленных предприятий республики — отводится мало места¹.

В настоящей статье использованы материалы архивов ЦГА УзССР и Музея истории АН УзССР, а также ценные вещественные и архивные материалы, которые были собраны на заводе старшим научным сотрудником музея канд. ист. наук Л. М. Ланда в 1955 г. и автором настоящей статьи в 1956 г. Широко использованы материалы периодической печати, главным образом заводской многотиражной газеты «За металл».

Курс на индустриализацию страны и особенно отсталых окраин, в том числе и Узбекистана, стал генеральной линией экономической политики Коммунистической партии с первых лет Советской власти. Еще в восстановительный период Президиум ЦИК СССР в постановлении по докладу Ю. Ахунбабаева отмечал, что одной из первоочередных задач Узбекистана является работа по восстановлению хозяйства на основе общих задач всего Союза ССР по

---

¹ С. Зиядуллаев, И. Манохин, Социалистическая промышленность Советского Узбекистана, Ташкент, Узгосиздат, 1949; Б. А. Десятчиков, Промышленность Узбекистана за 30 лет, Ташкент, Узгосиздат, 1955.

индустриализации страны в борьбе за экономическую независимость Союза ССР.²

В результате ввода в строй в годы первых пятилеток предприятий тяжелой промышленности³ Узбекистан превратился в индустриально-аграрную республику с развитой машиностроительной и металлообрабатывающей промышленностью. В 1940 г., например, валовая продукция тяжелой промышленности выросла по сравнению с 1913 г. почти в 50 раз.

Рост промышленности способствовал в значительной степени механизации сельского хозяйства республики, являющейся основной хлопковой базой страны. Однако отсутствие в Узбекистане собственной металлургии сдерживало развитие машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, работавшей на привозном металле.

В резолюции XVIII съезда партии по третьему пятилетнему плану указывалось, что «в размещении нового строительства... необходимо исходить из приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, а также — дальнейшего подъема в прошлом экономически отсталых районов СССР»⁴. В связи с этим было обращено особое внимание на создание местной металлургической промышленности. В отчетном докладе Центрального Комитета КПУз IX съезду КП Узбекистана была отмечена недостаточность геологоразведочных работ по изысканию полезных ископаемых для развития тяжелой промышленности. «Наша задача в области промышленности, — говорилось в докладе, — заключается в том, чтобы всемерно развернуть геологоразведочные работы и обеспечить быструю подготовку к эксплуатации выявленных месторождений полезных ископаемых»⁵.

Одновременно, ввиду острой нужды в металле и отсутствия необходимых руд, Советское правительство в июне 1941 г. приняло решение о строительстве передельного⁶ металлургического завода в Узбекистане.

² История Узбекской ССР, т. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 408.

³ В годы первых двух пятилеток в Узбекистане было построено 59 крупных промышленных предприятий.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов, ЦК, изд. 7, ч. III, М., Госполитиздат, 1953, стр. 354—355.

⁵ Отчетный доклад о работе ЦК КП(б)Уз IX съезду КП Уз, 12 марта 1940 г., Ташкент, 1940.

⁶ Передельный завод — завод с неполным металлургическим циклом (без доменных печей), работающий на готовом чугуна и металломе.

Проектирование и строительство завода проходило в тяжелой обстановке военного времени. Решено было построить завод в Беговате. Выбор места определялся наличием здесь удобных для завода площадей, близостью железной дороги, богатых залежей естественных стройматериалов (щебень, песок) и, наконец, возможностью снабжения дешевой электроэнергией, так как недалеко проектировалось строительство крупнейшей в Средней Азии Фархадской ГЭС.

Уже осенью 1942 г. на строительные площадки прибыли первые группы рабочих, а всего на стройку приехало 13 тыс. строителей. Руководителем был назначен опытный инженер коммунист Ф. Ф. Рязанов. Стройка стала великой школой воспитания квалифицированных кадров. Вчерашние колхозники Ферганы, Самарканда, Каракалпакии в короткий срок осваивали строительные профессии. Прекрасными монтажниками стали ферганский колхозник Н. Ли, каракалпак Тогаев, молдаванин Скрыпкин⁷. Строители завода вместе со всем советским народом прилагали все усилия, чтобы приблизить час победы над фашизмом. Каждый чувствовал себя, как в бою.

О героическом труде рассказывают скупые строки кратких, как военные рапорты, статей многотиражки «За металл». С января 1943 г. дорожная бригада Абдурахмана Авазова давала не менее 150% нормы, а после присуждения переходящего Красного знамени средняя выработка бригады достигала 175—200%⁸.

Наряду с мужчинами все тяготы напряженного труда переносили женщины и подростки. Так, коллектив рабочих во главе с мастером Блинкиным выполнял ответственную работу по установке мощного оборудования ремонтно-механического цеха, который должен был ускорить механизацию оборудования завода, а в дальнейшем обеспечить ремонт оборудования. Все работы по монтажу подстанции этого цеха были выполнены бригадой подростков. Монтаж был произведен в короткий срок, бригада показала образцы дисциплинированности и сознательности⁹.

Парторганизация широко развернула пропагандистскую работу среди строителей. Ценной формой массовой работы были митинги, посвященные победам на фронтах. Они вдохновляли рабочих на новые трудовые подвиги. Так, на ми-

⁷ «За металл», 30 августа 1946 г.

⁸ «За металл», 6 июня 1943 г.

⁹ «За металл», 6 августа 1943 г.

тинге, посвященном освобождению Харькова, начальник строительства Айтметов взял обязательство выполнить план на 150—200%. Мастер скоростной кладки кирпича А. Волков обязался выполнить не менее трех норм. Обязательство свое он выполнил, причем весь заработок сверх нормы передал в фонд помощи Советской Армии¹⁰.

В первом полугодии 1943 г. было закончено проектирование промплощадки, а вскоре начали вступать в строй вспомогательные цеха. Перевыполняя план, коллектив в то же время ускорил темпы строительства проведением массовых субботников. Только на одном из субботников участвовало более 1000 человек, было выполнено 1118 м³ земляных работ¹¹. Таким образом, значительно ускорилось строительство железнодорожной ветки, которая должна была доставлять различные грузы для строительства.

Всеобщий размах приобрело социалистическое соревнование на строительстве основных сооружений в предоктябрьские дни 1943 г. По 2—3 нормы в день выполняли бригады каменщиков; трубопрокладчики завершили в восемнадцать дней работу, рассчитанную на 55 дней. За два месяца предоктябрьского соревнования было смонтировано около 1000 т металлических конструкций, более 1000 м³ кирпичной и около 500 м³ бетонной кладки. Были сданы в эксплуатацию электромеханический цех, компрессорная, мазутохранилище, склады сыпучих тел, завершены основные строительные работы по ТЭЦ и литейному цеху.

За успехи в предоктябрьском соревновании коллективу строителей металлургического завода было присуждено переходящее Красное знамя ЦК КПУз и СНК УзССР. В ответ строители обязались работать еще лучше. Особенно напряженная борьба развернулась за быстрейший ввод мартеновских печей. На кладке первой печи особенно отличились строительные бригады Пагудина, Каландарова, Журавлева, Исакова; плотников Лосиченко, Шурбинова и другие. 5 февраля 1944 г. мартеновская печь № 1 была поставлена на сушку, а 5 марта дала первую плавку, которая была проведена бригадой Алексея Штырева. Этот день стал днем рождения узбекского металлургического завода. ЦК партии и Совнарком СССР горячо поздравили строителей, монтажников и металлургов с успешным строительством металлургического завода.¹² Это была трудовая победа не только тружеников Узбекистана, но и многих братских республик,

¹⁰ «За металл», 28 августа 1943 г.

¹¹ «За металл», 6 июля 1943 г.

¹² «Правда Востока», 10 марта 1944 г.

готовивших оборудование для завода. Например, Кузнецкий металлургический завод изготовил каркас, заслонки мартеновских печей, лабораторное оборудование; плиты были присланы Магнитогорским заводом, изложницы — Гурьевским.

Таким образом, с конца 1944 г. Узбекистан стал получать свой металл. В декабре 1944 г. вступил в строй чугунолитейный цех, 20 февраля 1945 г. — вторая мартеновская печь, также построенные в сокращенные сроки. Успешно трудились на стройке Халим Юсупов, выполнявший план на 420%, каменщик Железняков — 317—330, арматурщик Шуров — 340%. Первая плавка была проведена комсомольской бригадой инженера М. Шголя.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны партия поставила перед советским народом важнейшую задачу: в кратчайший срок залечить раны, нанесенные врагом нашей стране, и восстановить довоенный уровень развития народного хозяйства с тем, чтобы значительно превзойти в ближайшее время этот уровень, повысить материальное благосостояние народа и еще больше укрепить экономическую мощь Советского государства.

Как и весь советский народ, узбекские металлурги активно включились в борьбу за скорейшее осуществление четвертой пятилетки. За пять лет намечалось закончить полностью строительство завода, обеспечить работу всех мартеновских печей с полностью механизированными рабочими процессами, пустить в эксплуатацию прокатный цех с сортопрокатными и листопрокатными станами¹³. Предполагалось выпускать несколько тысяч тонн листового железа в год. ТЭЦ должна была обеспечить электроэнергией все цеха завода. Планировалось создать цех огнеупоров и кислородный цех. Полностью должны были вступить в строй все вспомогательные цеха завода: ремонтно-механический, кузнечно-котельный, деревообделочный, электропрокатный и железнодорожный.

В мае 1946 г. были смонтированы два первых котла и турбогенератор ЦЭС, 30 августа пущен прокатный стан «300»¹⁴, что позволило начать производство проката различных профилей и сортового железа. С августа 1946 г. Узбекский металлургический завод полностью вошел в строй действующих предприятий страны. Работали мартеновский, прокатный, литейный, энергосиловой, электроремонтный цехи и ТЭЦ. В приветствии ЦК партии, присланном в связи с пуском завода, указывалось: «Теперь Узбекистан имеет

¹³ «За металл», 1 мая 1946 г.

¹⁴ «За металл», 3 сентября 1946 г.

свою сталь, свой прокат, необходимый для дальнейшего развития народного хозяйства республики»¹⁵. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1946 г. в связи с пуском завода большая группа металлургов и строителей была награждена орденами и медалями¹⁶.

Проектная мощность завода была полностью освоена к концу четвертой пятилетки, а пятилетний план по производству стали и проката перевыполнен. В 1950 г. съем стали металлурги увеличили по сравнению с 1945 г. более чем в три раза. Продолжительность плавки сократилась почти в 1,6 раза. Выплавка стали на одного рабочего за это же время повысилась в 4,5 раза. В целом после освоения проектной мощности мартеновский цех завода к концу пятилетки давал стали по сравнению с первым пусковым годом свыше десятигодовых норм. Такое увеличение выплавки стали было достигнуто благодаря вводу в строй новых объектов, модернизации и реконструкции старых, полной механизации процесса завалки, росту квалификации рабочих и развертыванию социалистического соревнования. Большие успехи были достигнуты также в работе прокатного цеха металлургического завода. Производительность труда рабочих прокатного цеха в 1950 г. по сравнению с пусковым годом выросла в 2,4 раза. В 1953 г. производительность труда по сравнению с 1950 г. выросла на 42,8%, а себестоимость продукции снизилась на 26,3%.

Из 18 тыс. строителей завода большинство было выходцами из колхозного крестьянства. Первой школой подготовки квалифицированных кадров стала сама стройка, где приобретались многие специальности. Так, колхозник Мусаев, приехавший в первые же дни строительства, приобрел специальности каменщика, бетонщика, мостовщика, штукатура¹⁷. К строительству основных цехов коллектив подошел уже полностью подготовленным. Значительно сложнее было освоить плавку металла, что явилось новым делом для Узбекистана. В решении этой важной проблемы с особой силой сказалась дружба народов нашей страны, их сотрудничество и взаимопомощь.

В Узбекистан приехали опытные металлурги Белорецкого, Гурьевского, Макеевского и других заводов страны: начальник мартеновского цеха Костяной, обер-мастер Шелованов, инженер-металлург Терехов, обер-мастер канавы Калинин,

¹⁵ «Правда Востока», 10 марта 1944 г.

¹⁶ «За металл», 28 ноября 1946 г.

¹⁷ «За металл», 6 июня 1943 г.

мастер Лукьянчиков, сталевары Штыров, Жилыев¹⁸. Благодаря их усилиям была подготовлена большая группа металлургов. Кроме того, 800 юношей-узбеков на металлургических заводах Урала и Сибири учились у прославленных мастеров варить сталь и прокатывать металл¹⁹. Широко известными всей стране стали имена металлургов Беговатского завода Ганиева, Мирзаматова, Заматаева, Громова, Нурматова, Юсупова. Вот производственная биография Хафиза Ганиева. Сын колхозника, он решил освоить профессию сталевара. Его послали на Алапаевский металлургический завод. Возвратившись на родной завод, Х. Ганиев стал мастером скоростных плавок. За самоотверженный труд он награжден орденом Ленина, орденом «Красная Звезда» и медалью «За трудовое отличие». Х. Ганиев был избран депутатом Верховного Совета УзССР и членом ЦК КПУз.

На Кувшинском металлургическом заводе учился Анвар Ташпулатов. Поработав заправщиком и подручным, он в 1946 г. стал варить сталь самостоятельно. Успешная работа А. Ташпулатова была отмечена медалью «За трудовое отличие». На родном заводе освоил трудное мастерство сталевара Шерали Хамракулов.

Следует отметить, что воспитанию кадров завод уделял огромное внимание. Некоторые показатели по подготовке и повышению квалификации рабочих за 1950—1954 гг. приведены в таблице.

Т а б л и ц а

Год	Набор новых рабочих			Повышение квалификации		
	план	фактически	местных национальностей	план	фактически	рабочих местных национальностей
1950	220	295	67	350	440	109
1951	150	164	36	350	447	111
1952	150	160	59	350	474	132
1953	200	200	49	500	561	168
1954	195	196	77	480	564	137

Огромную роль в повышении производительности труда сыграла правильная организация социалистического соревнования за снижение себестоимости продукции, механизацию труда и автоматизацию производства, за внедрение ско-

¹⁸ Архив Музея истории АН УзССР, отд. 11, н. д. 20, 29, инв. 1723.

¹⁹ Там же.

ростных методов труда, экономию металла, выпуск продукции высокого качества. Было специально учреждено звание «Бригада высокого качества».

Социалистическое соревнование на заводе приобрело всеобщий размах. Итоги работы бригад, коллективов станков и печей регулярно подводились на расширенных заседаниях цехкомов; достижения пропагандировались в стенной печати и заводской многотиражке, в молниях, информациях, на сменно-встречных собраниях. О массовости соревнования говорит тот факт, что только в 1956 г. на Доску почета было занесено 112 передовиков²⁰.

Как пример роста производительности труда можно привести технико-экономические показатели мартеновского цеха:

	1945 г.	1948 г.	1950 г.	1954 г.
Съем стали с одного м ² площади пода печи, т	1,13	2,65	3,80	6,68
Средний вес одной плавки, т	38,4	49,9	50,9	62,2
Средняя продолжительность плавки, час	13,46	6,58	9,23	7,47
Себестоимость тонны стали, руб	1002	514,5	658,9	502,5

Первое место по мартеновскому цеху в 1954 г. заняла бригада № 2 (начальник смены А. К. Омаров, мастер М. Р. Харченко и мастер канавы Б. Тургунов).

Эта бригада сварила сверх плана 3075 т стали, провела 680 скоростных плавок и добилась съема с каждого квадратного метра пода печи 6,85 т при плане 6,47 т. Интересны годовые показатели передовиков этой бригады: сталевары Жилев — 125,8%, Джалилов — 125,3, Мирзаматов — 125,3, Власин — 126,3%; старший мастер канавы Иргашев — 134,1%, заведующий машинным отделением Акбаров — 124,3%.

Многие бригады мартеновского цеха включились во всесоюзное социалистическое соревнование мастеров и коллективов скоростных плавок. Особенно больших успехов коллектив добился в 1955 и 1956 гг. В частности, в 1955 г. цех взял обязательство добиться улучшения качества продукции, повысить производительность труда на 1,23% больше, чем предусматривалось планом, и поднять выработку в 2,4 раза. Обязательство было выполнено досрочно. Успехи некоторых бригад прогремели на всю страну.

В 1956 г. Министерство черной металлургии СССР и ЦК профсоюза присвоили звание лучшего мастера мартенов-

²⁰ Архив Узбекского металлургического завода. Отчет за 1956 г.

ского цеха М. Р. Харченко — победителю всесоюзного соревнования мастеров предприятий черной металлургии. При плане с одного квадратного метра пода печи 7,83 т он снял 8,68 т и снизил на 18 кг расход топлива на выплавку одной тонны стали. Отмечена была также хорошая работа сталеваров А. Джалилова, Зяблева, Ташпулатова, Краси, Шиляева, мастера Х. Ганиева²¹.

По инициативе Беговатского металлургического завода было начато социалистическое соревнование с металлургами Казахстана. Обмен производственным опытом проводился еще в 1943 г. По примеру узбекских литейщиков казахские металлурги получили большую экономию от увеличения разливочных ковшей, в свою очередь на Беговате были внедрены тридцатидвухместные поддоны по типу казахских, построен грейфер²². Хорошие результаты дало соревнование между узбеком Хафизом Ганиевым и казахом Алтынбеком Дарыбаевым, между комсомольско-молодежными сменами Шлязетдинова (Беговат) и Сосина (Темир-Тау). Обмен опытом обобщался в газетах «Темир-тауский рабочий» и «За металл», которые способствовали расширению соревнования, пропагандировали рационализаторские предложения и т. п. Другой формой обмена опытом между соревнующимися являлось непосредственное изучение методов работы на каждом производстве. Так, в 1954 г. в Темир-Тау побывали старейший мастер мартеновского цеха Шелованов, мастер ОТК Натанзон, сталевар Мирзаматов и другие. Изучая опыт металлургов Темир-Тау, Алатауского и Верх-Исетского заводов, они предложили ряд технических усовершенствований, что принесло заводу большую экономию.

Большой эффект дало соревнование за сокращение продолжительности плавки и увеличение их веса. Если первые плавки находились в печи до 16 час. и выдавалось 15 т, то в 1954 г. средняя продолжительность плавки дошла до 7 час., а вес плавки — до 63 т, себестоимость продукции снизилась почти вдвое. Большое значение имели организованные на заводе школы и кружки по изучению передового опыта. Мирзаматов, дававший ежегодно до 150 скоростных плавки, обучил 33 сталевара. Показатели энтузиаста скоростного сталеварения А. Джалилова, на счету которого сотни тонн сверхплановой стали, были перекрыты его учеником Мурджурой Мирзатулягановым.

---

²¹ «За металл», 8 марта 1957 г.

²² «Правда Востока», 29 апреля 1949 г. Грейфер — механически управляемое грузозахватывающее устройство.

В 1957 г. коллектив завода, включившись во всенародное соревнование в честь 40-й годовщины Октябрьской революции, взял на себя новые трудовые обязательства: досрочно выполнить годовой план 1957 г. и выдать сверх плана стали — 2350 т, проката — 2350 т, повысить производительность труда на 1% против 1956 г., внедрить 200 рационализаторских предложений, достигнуть общей экономии в 1,4 млн. руб.²³, подготовить 700 новых рабочих, открыть 9 школ передового опыта, освоить смежные профессии.

По инициативе инженера Винокурова и техника Шагалова было начато изучение и обобщение опыта передовиков, издание плакатов с описанием методов труда новаторов, организованы вечера обмена опытом. Большой вклад в повышение производительности труда, совершенствование технологии, рациональное использование производственных площадей внесли рационализаторы и изобретатели. Так, с начала 1956 г. было внесено 407 предложений; внедрение только части их дало заводу свыше одного миллиона рублей экономии. Например, механик мартеновского цеха Маловстин и конструктор Дербишев предложили устроить отводку на линии «300» для прокатки тяжелых кругов. Внедрение этого предложения сэкономило в год 86 тыс. руб. Только одно из многочисленных рационализаторских предложений инженера Натанзона — увеличение насадки мартеновских печей — дало возможность значительно поднять коэффициент использования тепла печей, способствовало ускорению плавок и помогло сэкономить 66 тыс. руб.²⁴

Рост творческой активности трудящихся в большой степени зависит от уровня технической квалификации рабочих. Поэтому партийные и комсомольские организации уделяют большое внимание технической учебе. С первых же дней строительства здесь организовались школы рабочей молодежи.

Огромная работа по механизации трудоемких процессов была проведена в прокатном цехе завода. Работа у прокатчиков нелегкая: болванки, прежде чем попасть в прокатный стан, нагреваются в мазутных печах до 1300°; раскаленные полосы железа идут в клетки сортового и листопрокатных станов и постепенно сжимаются до определенного размера. Для облегчения труда вальцовщиков были устроены обводные приспособления — направленные желоба, по которым скользят накалинные полосы, что позволило намного увеличить выпуск проката. Кроме того, в цехе была уста-

²³ В старом масштабе цен.

²⁴ «Правда Востока», 1 декабря 1956 г.

новлена сортировальная машина, механизирована сортировка сортопроката, подача сутунки — раскаленных листов стали к рабочим клетям, оборудованы толкатели, внедрена новая калибровка отжимной линии. Цех освоил 57 профилей металла²⁵.

В результате прокатный цех выпустил сверх плана 675 т проката и стал победителем в соревновании цехов в честь 40-й годовщины Октября²⁶. А в ноябре завод облетела весть о новом трудовом успехе прокатчиков. 18 ноября бригада сортостана мастера А. Бездека, работая на прокате трудоемкого профиля, добилась невиданной прежде выработки на горячий час. За смену было прокатано 927 слитков и выдано дополнительно к заданию 103 т проката²⁷. И это не единственный рекорд. Только в 1957 г. от внедрения 127 рационализаторских предложений было сэкономлено около 1 млн. руб. в год. План на заводе в 1957 г. был перевыполнен.

В 1958 г. на заводе разворачивается движение последователей Н. Мамаея — инициатора патриотического начинания по ежемесячному выпуску сверхплановой продукции. План первого полугодия был выполнен на 103%, а себестоимость продукции снижена против плановой на 538 тыс. руб., сэкономлено 3600 т чугуна, 522 т металла, освоено производство низколегированной стали. Около 70% плавки мартеновцы сварили скоростными и тяжеловесными. Передовая мартеновская бригада № 3 мастера Убайдуллаева (сталевары Б. Мирзаматов, А. Алиев, Х. Хайдаров) выполнила план на 106,4%, добившись съема стали 9,39 т с 1 м² пода печи при общей экономии чугуна и топлива. Среди прокатчиков лучших успехов добились бригады № 2 и № 3 мастеров К. Ташматова и Б. Грошева (вальцовщики Климов, Грошев, Кучеров, Луковенко), выполнившие план на 105%²⁸.

За успехи в развитии металлургии в июле 1958 г. помощнику ст. мастера Х. Ганиеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Орденами и медалями была награждена большая группа работников завода. План 1958 г. по выплавке стали был выполнен на 102,7%, а по производству проката на 103,9%.

Какие изменения произошли за 15 послевоенных лет со времени пуска первой печи завода? Первая плавка длилась более 18 час., средняя продолжительность плавки 1944 г. была 10 час., съем стали с 1 м² печи не превышал трех тонн.

²⁵ «Правда Востока», 8 августа 1957 г.

²⁶ «За металл», 5 ноября 1957 г.

²⁷ «За металл», 22 ноября 1957 г.

²⁸ «За металл», 18 июля 1958 г.

Все работы от погрузки в печь металла до плавки производились вручную. Для распыления мазута в печи были приспособлены два паровоза. Раньше в цехе не было ни одного мастера и сталевара местной национальности, а теперь здесь трудятся замечательные металлурги — Х. Ганиев, П. Убайдуллаев, Б. Тургунов, Б. Мирзаматов, Ш. Хайракулов и другие. Построены прокатные цеха; резко поднялась производительность мартеновских печей, средняя продолжительность плавки — 6 час. 51 мин., 80% плавков было скоростными и тяжеловесными; большинство процессов плавки и проката механизировано.

Строительство металлургического завода сыграло большую роль в промышленном развитии республики и позволило расширить базу для роста машиностроительных предприятий²⁹. Сталь Беговата идет на изготовление хлопкоуборочных и текстильных машин, кровлю и листовый материал. Беговатский завод поставляет металл не только предприятиям Узбекистана, но и ряда братских республик. Только за 15 дней июля 1956 г. сталь завода была направлена более чем в сто адресов, среди них — Ангрен и Новотроицк, Алма-Ата и Усть-Каменогорск, Душанбе и многие другие. Получены заказы на металл из Ирана, Афганистана и других стран Востока.

Вместе с металлургическим заводом вырос и расцвел новый социалистический город металлургов — Беговат. До революции кишлак Бек-Абад, расположенный на границе Голодной степи, был маленьким селением с глинобитными лачугами и служил пристанищем для проходящих караванов. Основным занятием жителей являлось земледелие с использованием вод Сыр-Дарьи. В 1918 г. начинается строительство Хилковского цементного завода³⁰, на базе которого вырос еще один завод — асботрубный. Со строительством металлургического завода и Фархадской ГЭС (неподалеку от Беговата) Беговат превратился в крупный промышленный центр республики. В 1939 г. его население составляло 8,3 тыс. человек, а через 20 лет — 60 тыс. В 1958 г. в городе действовало 11 промышленных предприятий. Для трудящихся построены благоустроенные дома. Только за 1946—1956 гг. (кроме индивидуального строительства) введено в строй 19 тыс. м² жилой площади. Построено 10 кинотеатров.

²⁹ В 1950 г. в Узбекистане насчитывалось более 450 машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий.

³⁰ Пущен в эксплуатацию в 1926 г.

и клубов, 12 школ, 12 детских яслей и садов. В городе издается 4 газеты, библиотеки насчитывают несколько сот тысяч томов.

За годы семилетки выплавка стали на Беговатском металлургическом заводе увеличится на 13%, а производство проката на 32%. Завод должен перейти на газовое питание, закончить автоматизацию производственного цикла.

Широко развернулось на заводе соревнование за звание коллективов коммунистического труда. Первыми завоевали это высокое звание передовые бригады С. С. Нуритдинова и Б. Грошева. На предприятии была объявлена борьба за технический прогресс по всем показателям. Металлурги решили выполнить план 1965 г. по выплавке стали в 1962 г., а по производству проката — в 1963 г.

Большую роль в подъеме производства играет непрерывная рационализация и внедрение новой техники и прогрессивной технологии. В 1959 г. была введена новая сталеразливочная с ковшом повышенной емкости, что увеличило средний вес плавки на четыре тонны. Установка качающегося стола за первой клетью линии сортового стана «420» освободила четырех вальцовщиков и дало около 85 тыс. руб. экономии.

Только за первое полугодие 1959 г. рационализаторы завода внесли около 200 предложений, внедрение которых дало заводу 300 тыс. руб. экономии. Наиболее ценные усовершенствования были введены Бойцовым, Терещенковым, Бурнашевым, Юлдашевым. До конца года было дано сверх плана 8 тыс. т стали и столько же проката. Съем стали с 1 м² пода был доведен до 8,66 т, а сталевар-скоростник Б. Мирзаматов провел 117 скоростных плавов, снимая с 1 м² пода по 8,96 т стали³¹.

В 1960 г. было начато строительство непрерывной линии разлива стали, позволившей освободить 100—120 человек от работы в тяжелых условиях и сэкономить 14—15 млн. руб. в год. Движение скоростников во втором году семилетки стало еще более массовым. Прокатчики установили 30 новых рекордов по скоростной прокатке металла, сталевары провели сотни скоростных плавов. Бригада мастера С. Нуритдинова обязалась, например, выдать во втором году семилетки 500 т проката вместо 400 т по плану.

---

³¹ И. Ф. Мухаммедов, Вклад металлургов в народное хозяйство Узбекистана, «Народное хозяйство Узбекистана», 1960, № 1.

В третьем году семилетки автоматизация производства продолжена, проводится механизация погрузки доломита³² на карьере, перевод скатов завалочных машин с подшипников скольжения на подшипники качения и ряд других мероприятий.

Большой вклад в деле обеспечения завода сырьем вносят наши разведчики недр. Главный геолог Главного Управления геологии и охраны недр при Совете Министров УзССР В. Г. Гарьковец рассказывает: «Геологи уже выявили три мощных железорудных района с общими перспективными запасами в 650—700 млн. т. Месторождение как бы охватывает железным кольцом районы металлургического завода им. Ленина, на базе которого целесообразнее всего организовать доменное производство. Выявленных запасов руды хватит для того, чтобы вырабатывать не менее двух миллионов тонн чугуна в год. По мощности это равно первенцу индийской черной металлургии в Бхилаи»³³.

«Железное кольцо» расположено на территории Узбекистана, Южного Казахстана и Таджикистана. В него органически влетается открытое геологом Е. А. Коченевым на Киргизской части Ферганской долины Узгенское месторождение коксующихся углей, запасы которого исчисляются миллионами тонн. В связи с этим интересно вспомнить слова известного исследователя профессора В. Вебера, который, незадолго до революции писал, что Средняя Азия не может рассчитывать на создание собственной черной металлургии, так как здесь нет железа и коксующихся углей. Ныне это мнение опровергнуто. Абаильское месторождение руды, расположенное в Южно-Казахстанской области близ Чимкента, обладает запасами в 34 млн. т.

В легкодоступных и экономически освоенных районах размещаются Сусангенское и Ирисуйское месторождения, общие запасы железной руды которых превышают 200 млн. т.

Интересные данные внесли узбекские геофизики Ф. Г. Решетов и В. В. Кузнецов, проводившие недавно аэромагнитометрическую разведку над Кызылкумами. В районе Кенеса на сравнительно небольшой глубине, под покровом наносных отложений они обнаружили залежи железной руды с перспективным запасом 330 млн. т. В настоящее время узбекские геологи в тесном содружестве с казахскими и таджикскими коллегами продолжают изучение рудных месторожде-

³² Доломит — распространенный породообразующий минерал из группы карбонатов. В черной металлургии употребляется в качестве флюса.

³³ «Правда Востока», 24 мая 1960 г.

ний в Ирису, Кенесе и Чок-Адамбулаке, готова серьезную базу для будущего доменного производства. Особый интерес в этом отношении представляет Чок-Адамбулакское месторождение в Таджикистане. Оно залегает всего в 60 км от Узбекского металлургического завода.

Таким образом, есть все данные для того, чтобы в скором будущем Беговатский передельный металлургический завод им. В. И. Ленина стал заводом объединенного цикла и работал на своих рудах.

Б. ДЖАБАРОВ

ГЕНЕРАЛ САБИР РАХИМОВ

(материалы к биографии)

Имя первого узбекского генерала Сабира Рахимова пользуется заслуженной любовью узбекского народа. Именем героя названы школы, улицы в городах и кишлаках республики.

Биография С. Рахимова еще мало изучена, немногочисленная литература о Сабире Рахимове¹ освещает лишь отдельные эпизоды из его боевой жизни и не дает полного представления о многогранной деятельности узбекского генерала за время его службы в Советской Армии. За последние годы фонды Музея истории пополнились ранее неизвестными материалами, характеризующими некоторые стороны жизни и деятельности генерала Сабира Рахимова.

В 1956 и 1959 г. от жены генерала М. Рахимовой поступили личные вещи Рахимова, удостоверения, письма, фотографии и другие материалы. Коллекция содержит 40 наименований. Подавляющее большинство материалов относится к периоду Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), в ходе которой С. Рахимов овладел военным искусством и стал боевым генералом Советской Армии. Немногочисленные разрозненные документы периода военной службы С. Рахимова в Бакинской кавалерийской горной школе и Отдельной узбекской сводной бригаде имеют также немаловажное значение. Следует особенно отметить два ценных источника: автобиографии, написанные в 1937 г. С. Рахимовым на русском и узбекском языках (арабским шрифтом)². Обе автобиографии С. Рахимов писал в связи с вступлением в Коммунистическую партию.

---

¹ М. Меленковская, С. Рахимов — первый узбекский генерал. «Звезда Востока», 1946, № 1—2; Л. И. Батов, Достойный сын узбекского народа, «Звезда Востока», 1946, № 6; Ш. Булатов, Четыре встречи (из воспоминаний фронтовика), «Правда Востока», 8 мая 1960 г.; И. И. Федюнинский, Славный сын узбекского народа, «Правда Востока», 18 июня 1961 г.

² Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 2354, шифр 11/30, л. 12, 23.

Рахимов Сабир Умар Оглы родился в 1902 г. в старгородской части Ташкента, в махалле Тахтапуль. Рано лишившись отца, Сабир с пятнадцатилетнего возраста начи-

Генерал-майор С. Рахимов. 1943 г.

нает трудовую жизнь. В 1920 г. он поступает рабочим в ткацкую мастерскую в Ташкенте, а в следующем году — на подготовительный курс узбекского Института просвещения.

В августе 1922 г. он едет в Баку, где поступает в кавалерийскую школу. С этого года судьба С. Рахимова неразрывно связана с Советской Армией.

В 1923 г. С. Рахимов вступает в ряды Ленинского комсомола. Об этом свидетельствует временное удостоверение за № 489, выданное горкомом комсомола г. Баку. Он принимает активное участие в общественной жизни школы, избирается делегатом на Бакинскую городскую и районную комсомольскую конференцию. 10 февраля 1925 г. общее собрание коллектива коммунистов Азербайджанской военной школы принимает его кандидатом в члены Коммунистической партии³.

7 августа 1925 г., как видно из личного учетного листа, С. Рахимов заканчивает Азербайджанскую кавалерийскую школу и получает назначение в Самарканд в горно-кавалерийский полк 19-й горно-кавалерийской дивизии.

Командир взвода С. Рахимов получает первое боевое крещение в сражении с бандами курбаши Дадхо. Затем он принимает участие в боевой операции по разгрому остатков банд Джунаид-хана, Умара Эфенди, Машан Фараба. В период разгрома контрреволюционного басмачества происходит большое событие в жизни С. Рахимова — 10 октября 1928 г. Партийная комиссия Отдельной узбекской сводной бригады принимает его в члены Коммунистической партии⁴.

В 1931 г. за мужество, проявленное при ликвидации басмачей и поимке Ибрагимбека в Таджикистане⁵, отважный командир был награжден орденом Красной Звезды⁶.

В частях Туркестанского военного округа С. Рахимов приобрел командирские навыки, и это оказало ему большую помощь в воспитании советских воинов. Взвод Рахимова был лучшим в подразделении 42-го горно-кавалерийского полка 19-й узбекской ордена Ленина горно-кавалерийской дивизии, известной своими боевыми качествами, стойкостью и высокой дисциплиной. С. Рахимов всегда чутко относился к своим подчиненным, часто беседовал с каждым из них в отдельности, но вместе с тем был требовательным к себе и к солдатам.

В 1934 г. он был назначен начальником школы младших командиров, а в 1939 г. — начальником отдела боевой подготовки Узбекского Совета Осовнахима. На этом ответственном посту раскрылись организаторские способности Рахи-

---

³ Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 2354, шифр, 11/30, л. 2, 3, 12, 14, 18.

⁴ Там же, шифр 11/305, 5, л. 19.

⁵ Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 2354, шифр 11/30, л. 19.

⁶ «Правда Востока», 28 мая 1945 г.

мова. Благодаря его неутомимой энергии в республике резко улучшилась оборонная работа среди населения.

Таковы немногочисленные документы, скупое повествующие об отдельных эпизодах жизненного пути С. Рахимова до Отечественной войны.

Начало Великой Отечественной войны застаёт С. Рахимова кадровым командиром Советской Армии. Первый бой С. Рахимов — заместитель командира мотополка танковой дивизии — принял под Ельней. В сентябре 1941 г. он уже самостоятельно командует стрелковым полком⁷. Полк, которым командовал Рахимов, был первой красноармейской частью, ворвавшейся в г. Ростов.

Вскоре С. Рахимов назначается командиром 37-й стрелковой дивизии, которая сражалась на Дону, Кубани и в отрогах Кавказских гор. В течение трехмесячных боев на Кавказе дивизия С. Рахимова уничтожила 8 тыс. вражеских солдат и офицеров, большое количество боевой техники⁸.

10 февраля 1942 г. С. Рахимову присваивается звание подполковника⁹, а через 6 месяцев Маршал Советского Союза С. М. Буденный, в то время заместитель Народного комиссара обороны СССР, издает приказ о присвоении очередного воинского звания полковника командиру 37-й стрелковой дивизии¹⁰.

Решительность, инициативу и смекалку проявил командир дивизии С. Рахимов при взятии Краснодара. Сюда, в столицу освобожденной Кубани, пришла С. Рахимову награда за ратные подвиги — орден Суворова II степени и звание генерал-майора¹¹.

В коллекции материалов о С. Рахимове хранится подлинное письмо Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина, датированное 17 апреля 1943 г.: «Не имея возможности лично вручить Вам орден Суворова II степени, которым Вы награждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1943 г., посылаю его Вам с настоящим письмом. Поздравляю Вас с заслуженной наградой и шлю пожелания дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни»¹².

⁷ «Правда Востока», 8 апреля 1961 г.

⁸ Боевой путь войск Туркестанского военного округа, М., Воениздат, 1959, стр. 232.

⁹ Архив Музея истории АН УзССР, инв. №2352, шифр 11/30.3.

¹⁰ Архив Музея истории АН УзССР, инв. №2553.

¹¹ «Правда Востока», 25 мая, 1945 г.

¹² Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 1552, шифр 13/2, 62.

Летом 1943 г. Главное командование направляет С. Рахимова для повышения военных знаний на учебу в Москву в Военную Академию. О том, с каким упорством С. Рахимов овладевал военной теорией и полководческим искусством, рассказывает письмо жене, написанное им 1 октября 1943 г.: «В течение десяти дней не мог написать письмо, потому что у нас были зачеты. Можешь меня поздравить, все зачеты сдал на оценку «хорошо». Откровенно говоря, в первые дни я боялся, что не справлюсь. Наконец, переломил себя, стал заниматься день и ночь; сплю всего два часа в сутки, овладеваю теоретическими знаниями»¹³.

После окончания учебы С. Рахимов возвращается в свою дивизию. Прославленная дивизия генерала Рахимова с войсками 1-го и 2-го Белорусских фронтов проходит боевой путь от Барановичей до Белостока; дивизия первой вошла с боями в Барановичи, Слоним, Белосток, Грауденц.

Генерал Батов вспоминает о последнем роковом дне в жизни узбекского генерала: «На левом крыле наступали гвардейские полки генерала Рахимова. Как всегда, я доверял ему наиболее ответственный участок. Передовой полк Рахимова вступил в Бринтау, до Данцига осталось 3 км. «Вышел на опушку леса, виден город, возьмем его сегодня», так передавал Рахимов в эфир. Но штурмовать Данциг С. Рахимов не смог... В день штурма, 26 марта, он был сражен вражеским снарядом»¹⁴. В Музее хранится пробитая осколками шуба С. Рахимова, в которой он погиб.

Материалы, полученные Музеем, характеризуют С. Рахимова не только как отважного генерала, но и как человека большой душевной теплоты и сердечности. Сохранилась фотография, на которой С. Рахимов заснят с его воспитанниками Геннадием Суворовым, Василием Куркиным и Евгением Тимченко. Судьба этих детей такова. В 1942 г. на станции Дабальцево С. Рахимов встретил 12-летнего Геннадия Суворова, не отрывающего взгляда от виселицы, на которой качался труп его отца, шахтера-партизана, повешенного фашистами. Командир по-отечески обнял мальчугана и расспросил его обо всем, а затем посадил к себе на коня. Геннадий стал бессменным адъютантом генерала¹⁵. В дивизии также служили пятнадцатилетний Василий Куркин, у которого фашисты замучили отца и мать, и двенадцати-

¹³ Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 1552, шифр 13/2, 62.

¹⁴ П. П. Батов, Достойный сын узбекского народа (воспоминания), ж. «Звезда Востока», 1946, № 9.

¹⁵ «Правда Востока», 25 мая 1945 г.

летний Евгений Тимченко¹⁶. Постепенно в соединении собралось много подростков. Из них впоследствии вышли разведчики, снайперы, кавалеристы, получившие образцовую выучку, и о каждом из них лично помнил и заботился генерал Рахимов.

Золотые часы С. Рахимова — подарок узбекского народа, 1943 г.

Немалое значение в изучении биографии С. Рахимова имеют его письма к родным. К сожалению, сохранилось только три письма, адресованные М. Рахимовой. Эти письма проникнуты горячей любовью к родине, ненавистью к фашистским захватчикам. «Я жив, здоров, работаю на прежнем месте. — сообщает о себе С. Рахимов 1 октября 1944 г. — Скоро завершим окончательную ликвидацию и докажем всему миру силу прославленного советского оружия»¹⁷.

¹⁶ М. Меленковская, С. Рахимов — первый узбекский генерал, стр. 129.

¹⁷ Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 1552, шифр 13/2, 62.

«Я очень прошу тебя, — обращаясь к жене, пишет С. Рахимов 23 декабря 1944 г., — не ругай меня за продолжительное молчание. Мы все время движемся вперед, гоним врага на Запад, на его собственную территорию»¹⁸.

Материалы о первом узбекском генерале, собранные в Музее истории, помогают глубже осветить деятельность отважного сына узбекского народа и могут служить одним из источников для создания более полной биографии С. Рахимова.

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ
ДОКУМЕНТОВ, ВЕЩЕСТВЕННЫХ РЕЛИКВИЙ И ФОТО,
ПРИНАДЛЕЖАВШИХ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ САБИРУ РАХИМОВУ

Вещественные реликвии

1. Шуба генеральская, пробитая осколком, 1945 г., инв. № 582.
2. Фуражка С. Рахимова, инв. № 563.
3. Сабля, инв. № 580/1944 г.
4. Золотые часы фирмы „Мозер“, на задней крышке с наружной стороны подпись: „Генерал-майору Сабиру Рахимову от узбекского народа“, г. Ташкент, 7 мая 1943 г.

Документы

1. отд. 11 п. д.
30, 2 инв.
№ 2351   Приказ 42 Узбекскому полку по конно-спортивному состязанию к 19-й годовщине РККА, 22 февраля 1937 г.
2. отд. 11 п. д.
30, 1 инв.
№ 2550   Личная фотокарточка Рахимова (Рахимова Сабира Умар Оглы). 42-й Узбекский горно-кавалерийский полк 19-й Узбекской горно-кавалерийской ордена Ленина дивизии.
3. отд. 11
п. д. 30, 5
инв. № 2354   Личное дело С. Рахимова (25 лист., подлинник).
4. отд. 11
п. д. 30, 3
инв. № 2352   Справка, выданная С. Рахимову о присвоении ему звания подполковника.
5. отд. 11
п. д. 30, 11
инв. № 2353   Выписка из приказа НКО СССР № 02708/110 о присвоении звания полковника.

Фото

1. шк. 11
п. 1, 32   Боевые друзья: Тимченко Е. — разведчик, Суворов Г. — командир, Куркин В. — снайпер.

¹⁸ Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 1552, шифр 13/2, 62.

Продолжение

2. шк. 11
п. 1,32   Сабир Рахимов за объяснением боевой задачи, 1943 г.
3. шк. 11
п. 1,32   Генерал-майор Сабир Рахимов.
4. шк. 11
п. 1,32   С. Рахимов среди офицеров своей дивизии.
5. шк. 11
п. 1,32   Сабир Рахимов с офицерами Управления дивизии.
6. шк. 11
п. 1,32   Приказ Верховного главнокомандующего от 6 марта 1945 г.
7. шк. 11
п. 1,32   Приказ Верховного главнокомандующего командиру войсками 2-го Белорусского фронта от 30 марта 1945 г.
8. шк. 11
п. 1,32   Гвардии генерал-майор Сабир Рахимов на КПН дивизии под городом Грауденц.
9. шк. 11
п. 1,32   Приказ Верховного главнокомандующего командиру войсками 2-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза Рокоссовскому, начальнику штаба фронта генерал-полковнику Боголюбову, 7 марта 1945 г.
10. шк. 11
п. 1,32   Приказ Верховного главнокомандующего командиру войсками 2-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза Рокоссовскому, начальнику штаба фронта генерал-полковнику Боголюбову, 19 января 1945 г.
11. шк. 11
п. 1,32   Сабир Рахимов на переправе под г. Мариенвердом
12. шк. 11
п. 1,32   Генерал-майор С. Рахимов и его воспитанник Рахимов Гулям.
13. шк. 11
п. 1,32   Северный фронт, С. Рахимов и его воинская часть на марше.
14. шк. 11
п. 1,32   Генерал-майор Сабир Рахимов на командирском наблюдательном пункте под г. Данцигом (Гданск), 1945.

К а р т а

15. шк. 11
п. 1,32   Схема, решение, боевой план о наступлении 37-й стрелковой дивизии.
-

Л. М. ЛАНДА

ИЗ ИСТОРИИ ПРОФДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

За последние годы истории Октябрьской революции и гражданской войны в Туркестане было посвящено немало научных трудов. Вышли в свет монографии, статьи, популярные очерки и брошюры; в пятитомной «Истории гражданской войны в СССР» борьбе с контрреволюцией в Средней Азии уделено несколько глав.

Тем не менее отдельные вопросы истории Узбекистана, в частности профдвижения периода иностранной военной интервенции и гражданской войны, освещены все еще недостаточно.

Не претендуя на всестороннее исследование указанной темы, автор пытался в предлагаемой статье осветить некоторые особенности профстроительства в Туркеспублике, преимущественно в ее узбекских районах, участие профсоюзов в создании вооруженных сил и мобилизации хозяйственных ресурсов для обороны республики в условиях вражеского окружения.

* * *

После победы Великой Октябрьской социалистической революции свергнутые эксплуататорские классы в союзе с иностранными империалистами навязали трудящемуся Узбекистана, как и всей Советской стране, длительную гражданскую войну.

Немало замечательных страниц в славную летопись борьбы узбекского народа и других народов Советского Туркестана против объединенных сил интервентов, белогвардейцев и басмачества вписали профессиональные союзы Узбекистана.

Создание советских вооруженных сил, мобилизация всех хозяйственных ресурсов на дело обороны социалистическо-

го отечества, развитие советской культуры и воспитание масс в духе социалистической идеологии, борьба за продовольствие, топливо, за дисциплину и организованность, формирование трудовых резервов — все эти и многие другие важнейшие вопросы решались Коммунистической партией и Советским государством при непосредственной и активной помощи профессиональных союзов.

Коммунистическая партия Туркестана в этот период ведет упорную борьбу за руководящую роль в профессиональном движении, уделяет много внимания правильной организации профсоюзов, мобилизации профсоюзных масс на отпор врагу, на четкую и организованную работу тыла.

Второй съезд КПТ, состоявшийся в декабре 1918 г., принял специальную резолюцию «Об отношении к профессиональным союзам». Называя рабочие профсоюзы «опорой РКП», съезд призвал все партийные организации на местах «напрячь все внимание на создание сильных количеством, организованностью и самосознанием профессиональных союзов». В резолюции указывалось, что «ни один член партии не может не быть членом того или иного союза». Съезд призвал членов партии бороться внутри профсоюзов с мелкобуржуазными тенденциями рвачества. «Считая, что профсоюзы, — говорилось в решении, — в настоящий момент, когда у власти находятся сами рабочие, не могут оставаться только экономическими органами и мало-помалу делаются пособниками Советской власти в ее социалистическом строительстве, съезд высказывается за наибольшее привлечение профессиональных организаций к повседневной работе нового строительства...»¹.

Уже первые выступления внутренней контрреволюции в ноябре 1917—марте 1918 г. — образование «кокандской автономии», антисоветский мятеж белоказаков, контрреволюционная провокация бухарского эмира — потребовали создания революционной армии в Туркестане, которое, по опыту РСФСР, было начато с организации вооруженных рабочих отрядов, явившихся основным ядром Красной Армии Туркестанской республики. Запись в отряды производилась по рекомендациям профсоюзных организаций.

Осуществляя на деле ленинский декрет от 15 января 1918 г. об организации Красной Армии, Совнарком края приступил к формированию отрядов Туркестанской Красной Армии на принципах добровольности и ассигновал на ее организацию один миллион рублей. Советское правительст-

---

¹ «Наша газета», 31 декабря 1918 г.

во Туркестана обратилось 31 января ко «всем партийным, профессиональным организациям, железнодорожным союзам, фабрично-заводским комитетам» с призывом организовать запись «в ряды новой рабоче-крестьянской армии, армии-освободительницы», памятуя, что «дело освобождения рабочих — дело их рук».²

В ответ на этот призыв профсоюзы посылают в отряды Красной Гвардии и Красной Армии свои лучшие кадры. Решающую роль в разгроме автономистов и белоказаков сыграли ташкентские, самаркандские и ферганские рабочие отряды Красной Гвардии. Среди них особо отличились ташкентские железнодорожники и горняки Ферганской долины. «Наша газета» в апреле 1918 г. отмечала, что Ташкентская и Среднеазиатская железные дороги «дали 8000 вооруженных рабочих, что составляет большую часть Красной Гвардии Туркестанского края»³.

Профсоюз строительных рабочих Ташкента открыл 4 марта запись добровольцев в Красную Армию. Такое же решение было принято на общем собрании профсоюзов рабочих-узбеков старгородской части Ташкента⁴. В Андижане основным ядром Красной Гвардии был отряд рабочих хлопкоочистительного завода «Беш-бош» во главе с кадровым рабочим С. И. Кузыхмедовым. Были сформированы отряды в Самарканде, Коканде, на нефтепромысле «Чимшон», в Скобелеве (Фергане). Всего по Туркестану в отрядах Красной Гвардии в 1918 г. насчитывалось до 12 тыс. бойцов⁵.

Летом 1918 г. Советский Туркестан оказался во вражеском окружении. На Закаспийском, Оренбургском, Семиреченском и Ферганском фронтах рабочий класс был главной силой в рядах защитников Советской власти, основным ядром Красной Армии. В среднем рабочих в советских войсках Туркестанской республики было больше, чем по стране в целом. Так, по данным переписи 1920 г. рабочих в армии и флоте в среднем по всей стране было 14,9%, а в Туркестане — 19,7%⁶. Наряду с русскими рабочими в отряды Красной Гвардии и Красной Армии вступали рабочие местных национальностей. Так, например, осенью 1918 г. рабочие-узбеки Ташкента с участием Наркомнаца Туркеспублики сформировали «Первый Ташкентский мусульманский стрелковый

² «Наша газета», 8 марта 1918 г.

³ «Наша газета», 26 апреля 1918 г.

⁴ «Наша газета», 8 марта 1918 г.

⁵ См. А. И. Зевелев, Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, Госиздат УзССР, 1959, стр. 200.

⁶ Итоги переписи населения 1920 г., М., 1928, стр. 11.

батальон рабоче-крестьянской Красной Армии». 19 октября 40 бойцов этого батальона были отправлены на Закаспийский фронт⁷.

Профсоюз мастеровых и рабочих Самарканда, во главе которого находились большевики Симонов и Трапезников, организовал охрану города. Ежедневно союз выставлял караульные отряды по 50—100 человек. Этот же профсоюз комплектовал первые отряды Самаркандской Красной Гвардии, принимавшие участие в разоружении белоказаков, в боях на Закаспийском фронте и в Фергане⁸.

В боях за станцию Душак в октябре 1918 г. участвовали отряды ташкентских железнодорожников, рабочих-узбеков Самарканда, 6-я узбекская рота, состоявшая в основном из трамвайщиков Ташкента. На Ферганском фронте в борьбе с басмачеством видная роль принадлежала рабочим отрядам, укомплектованным из шахтеров Кизил-Кии и Сулюкты, нефтяников Чимиона, железнодорожников Коканда, рабочих хлопкоочистительных заводов Коканда, Андижана, Маргелана, Намагана. Эти отряды формировались главным образом по решениям партийных организаций и профессиональных союзов, в порядке партийных и профсоюзных мобилизаций. Так, например, в Андижане 27 апреля 1919 г. на городском собрании профсоюзов было принято постановление: «Все лица, состоящие в профессиональных союзах, в возрасте от 18 до 25 лет мобилизуются и разбиваются на определенные красногвардейские воинские части, применительно к ротам, взводам и т. д.»⁹ Члены профсоюзов составили основную вооруженную силу 2-й группы Андижан-Ошского укрепленного района. Рабочие хлопкозавода станции Федченко на собрании постановили: «Все работы на всех заводах прекратить, за исключением работ по освещению и поддержанию необходимых машин, а остальным всем товарищам встать под ружье и нести охрану завода»¹⁰.

В конце 1919 г. ассакинский боевой отряд рабочих ввиду усиления активности басмачей организовал охрану хлопкозаводов. В телеграмме из Ассаке от 30 января райком профсоюза сообщал: «Работы пятый день не производятся, все трудящиеся находятся под ружьем»¹¹.

Профсоюзы регулярно проводили военное обучение и политическое воспитание мобилизованных рабочих и служа-

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-36, оп. 1, д. 9, л. 29, 32.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-735, л. 647, л. 4, 10.

⁹ ЦГАСА, ф. 149, д. 39, л. 27.

¹⁰ Там же, д. 49, л. 21.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 1193, л. 3.

щих, а также оказали существенную помощь в создании местных военных комиссариатов.

После вторжения английских интервентов на территорию Туркестана (Закаспийский фронт) и раскрытия подпольной контрреволюционной организации в самом Ташкенте Компартия Туркестана уделяет особое внимание укреплению обороны и дальнейшей мобилизации рабочего класса. В одном из воззваний партии, обращенном в эти дни к рабочим, говорилось: «Наступил решительный момент в жизни пролетариата, когда решается вопрос жизни или смерти социалистической революции. Настал грозный час, надо сделать последние усилия и дать отпор врагу»¹². Центральный совет профсоюзов объявил мобилизацию в Красную Армию членов всех профессиональных союзов в возрасте от 18 до 45 лет. Мобилизация прошла успешно и влила новое боевое пополнение в революционные рабочие отряды.

Выдающаяся роль принадлежит профсоюзам в разгроме и ликвидации последствий антисоветского мятежа в Ташкенте 19—21 января 1919 г. Мятеж, тщательно подготавливавшийся подпольной белогвардейской «Туркестанской военной организацией» (ТВО) с ведома и при поддержке англо-американской агентуры, а также руководящей верхушки «левых» эсеров, начался в ночь на 19 января. Мятежникам удалось ненадолго захватить в свои руки город, однако военная крепость, вокзал и штаб революционных рабочих — Главные мастерские Среднеазиатской железной дороги — оставались в руках вооруженных отрядов рабочих.

Стремясь лишить трудящихся Туркестана партийно-советского руководства, мятежники организовали злодейское убийство видных политических работников Туркестанской республики — 14 туркестанских комиссаров-большевиков. В эти дни профсоюзы понесли тяжелую утрату: мятежниками были зверски замучены председатель Центрального Совета профсоюзов Туркестанской республики и редактор газеты «Красноармеец» М. Троицкий, председатель Ташкентского Совета профсоюзов М. С. Качуринер, член исполкома Ташсоветов от профсоюза швейников и член горкома партии С. П. Гордеев, рабочий Бородинских железнодорожных мастерских Д. Г. Шпильков — командир партийной дружины большевиков, рабочий Перовских железнодорожных мастерских А. В. Червяков — председатель Чрезвычайного полевого суда Туркестанской республики, вожаки ташкентских железнодо-

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-25; оп. 1, д. 71, л. 47—48.

рожников А. Я. Першин, Н. В. Шумилов, Е. П. Дубицкий и другие¹³.

Трудящиеся Узбекистана никогда не забудут верных сынов партии и народа, отдавших свою жизнь за свободу и счастье нашей страны, за торжество идей коммунизма.

В боях с мятежниками особо отличились отряды рабочих-железнодорожников под командованием коммунистов Рубцова и Данилова.

Председатель месткома профсоюза Военного госпиталя № 159 коммунист Иванов организовал отряд, состоявший из служащих госпиталя и находившихся на излечении красноармейцев. На помощь ташкентскому пролетариату из других городов Туркестана стали прибывать боевые отряды рабочих: из Ферганы и Коканда—отряды под командованием И. Д. Борисова и Д. Е. Коновалова, из Самарканда—отряд под командованием Гуши, из Перовска (Кзыл-Орда)—отряд под командованием Селиверстова и др.¹⁴ Рабочие полки, члены коммунистических дружин нового и старого города через два дня очистили Ташкент от белогвардейской банды, остатки которой бежали к ферганским басмачам. Мятеж был разгромлен.

Славной боевой страницей истории туркестанского профдвижения в годы гражданской войны является участие профсоюзов в мобилизации сил для разгрома белополяков и Врангеля. Когда в мае 1920 г. началась мобилизация коммунистов и членов профсоюзов на Западный фронт, Советский Туркестан обязался направить в Красную Армию 1500 членов партии и профсоюзов. Первые 50 добровольцев отправились из Ташкента 30 июня¹⁵.

В Ташкенте и других городах партийные и профсоюзные органы образовали мобилизационные комиссии; из Закаспия было мобилизовано 90 человек, из Ташкента только 16 и 18 сентября было отправлено две группы общей численностью более 200 человек. Вручая отряду ташкентских коммунистов Красное знамя от имени ЦК КПТ, его представитель заявил: «... Туркестан был отрезан от центра, и члены КПТ боролись, защищая Туркестан. Теперь Западный фронт властно зовет всех, и туркестанские коммунисты вливаются в могучую Красную Армию для победы над гнусной Антантой... Вы будете там сражаться бок о бок с героическими

¹³ См. «Мужественные борцы за дело коммунизма», Сб. статей, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

¹⁴ Бессмертный подвиг ташкентского пролетариата, Материалы Института истории партии при ЦК КПУз, Ташкент, 1959, стр. 16—17.

¹⁵ «Известия ТуркЦИКа», 2 июля 1920 г.

питерскими и московскими товарищами. Нужно, чтобы туркестанские коммунисты оказались достойными их. Доказать это можно дисциплиной, стойкостью, героическим примером».¹⁶

Организация иностранных коммунистов также создала отряд, отправившийся на Западный фронт против белополяков¹⁷.

Боевой перечень революционных заслуг рабочего класса Узбекистана и его профессиональных союзов может быть продолжен многими славными делами.

Советское правительство высоко оценило борьбу ташкентских трудящихся против врагов Советской власти в период гражданской войны. Принимая во внимание заслуги, оказанные рабочими города Ташкента, как одного из центров обороны против империалистического натиска, Президиум ВЦИК 14 апреля 1924 г. наградил пролетариат города Ташкента орденом Красного Знамени.

Профсоюзы Узбекистана, как и всей страны, принимали активное участие в осуществлении национализации промышленности, всеобщей трудовой повинности, хлебной монополии и продовольственной разверстки, в налаживании работы транспорта, добычи топлива, изготовлении обмундирования и т. д.

На втором этапе национализации промышленности в Туркестане (после декрета СНК РСФСР от 28 июня 1918 г.) в течение периода с июля 1918 г. до начала 1920 г. в руки государства перешло 407 предприятий различных отраслей промышленности (кожевенной, шерстомоечной, пищевкусовой, металлообрабатывающей и др.). В частной собственности остались негодные для эксплуатации или совсем мелкие предприятия. Были национализированы кирпичные и лесопильные заводы, мельницы, телефонная сеть, бельгийское акционерное общество «Ташкентский трамвай», чугунолитейный и механический завод Сойфера, макаронная и табачная фабрика, гренажные заведения, гостиницы, кинотеатры и т. д.

Один из национализированных купеческих домов в Ташкенте в августе 1918 г. был передан Ташкентскому Совету профессиональных союзов. Здесь были сосредоточены все городские профессиональные союзы, библиотека, рабочий клуб, биржа труда и другие рабочие организации.

Осуществление социалистической национализации промышленности в Туркестане проходило при непосредственном

¹⁶ «Известия ТуркЦИКа», 18 сентября 1920 г.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-735, оп. 1, д. 74, л. 8.

участии профсоюзных рабочих организаций, фабзавкомов и органов рабочего контроля. Они брали на учет имущество, запасы сырья, готовую продукцию национализируемых предприятий, устанавливали охрану государственного достояния, преодолевали сопротивление буржуазии, помогали совнархозам брать на учет частные промышленные предприятия.

На перешедших в собственность государства предприятиях создавалась новая, советская администрация. Отпала функция профсоюзов как органа, контролирующего хозяев. Управление общественным производством стали осуществлять ЦСНХ и местные совнархозы. Профсоюзы активно включились в борьбу за высокую производительность предприятий, за укрепление социалистической трудовой дисциплины и организованности, за бережное отношение к государственной собственности. При формировании главков и отделов ЦСНХ Туркеспублики профсоюзы выдвигали во вновь создаваемый аппарат своих представителей, знающих производство. Они зорко следили за тем, чтобы в советские хозяйственные органы не проникли классово враждебные и чуждые элементы. Профсоюз горнорабочих в августе 1918 г. заявил протест против использования на работе в Горном отделе ТуркЦСНХ бывших хозяев «ныне национализированных предприятий, вечных врагов рабочих», «саботажников, ранее заявлявших о нежелательности работать совместно с Советской властью, но все же туда втершихся». Общие собрания горняков промыслов «Санто», «Чимион», рудников Кизил-Кия, Драгомирово и Кольцо потребовало «переизбрания Горного отдела как учреждения, явно старающегося своей бездеятельностью внести разруху в дело горной промышленности края»¹⁸. Саботажники из Горного отдела были разоблачены и изгнаны.

Большое значение для Туркестана, как и для всей страны, имела мобилизация продовольственных ресурсов. «Борьба за хлеб — это борьба за социализм», — указывал тогда Ленин. Призывая рабочий класс организовать продовольственные отряды, Ленин писал: «Товарищи рабочие! Помните, что положение революции критическое. Помните, что спасти революцию можете *только вы*; больше никому.

Десятки тысяч отборных, передовых, преданных социализму рабочих, неспособных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков,

---

¹⁸ «Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане». Сб. документов, Ташкент, Госиздат УзССР, 1955, стр. 169.

спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов, — вот что необходимо»¹⁹.

Выдающуюся роль в создании продовольственных отрядов сыграли туркестанские профсоюзы. Инициативу проявил Ташкентский совет профсоюзов, организовавший контроль над распределением продовольствия, первые трудовые кооперативы и первые рабочие продотряды. До мая 1920 г. 32 ташкентских профсоюза мобилизовали в продотряды 1750 человек²⁰. 25 мая 1920 г. Совнарком Туркеспублики издал постановление «О мобилизации в кадры военно-продовольственных отрядов профсоюзов», согласно которому от 5 до 10% членов профсоюзов были мобилизованы на шесть месяцев для несения службы в продотрядах. После майской мобилизации в Туркестане во второй половине 1920 г. действовало 42 продотряда, насчитывавших 2395 продармейца, а на 1 июня 1921 г. число продотрядов возросло до 56 с общей численностью более 3 тыс. человек²¹.

В Ташкенте было сформировано 15 военно-продовольственных отрядов, в Самарканде в продотрядах состояло 1400 человек, из них 67% представители местных национальностей.

19 февраля 1920 г. при Центральном Совете профессиональных союзов Туркеспублики было создано Краевое военно-продовольственное бюро²², которое занималось формированием, снаряжением, отправкой продовольственных отрядов. Собравшийся в Ташкенте краевой продовольственный съезд (17—29 июня 1920 г.) обсудил первые итоги деятельности Военпродбюро и одобрил его работу по формированию продотрядов. Съезд постановил провести дополнительно 5-процентную мобилизацию в продорганы среди работников советских учреждений, в результате которой 115 коммунистов и членов профсоюзов были использованы для оздоровления заготовительного аппарата на местах.

Деятельность продотрядов проходила в условиях острой классовой борьбы. Кулачество и байство оказывали ожесточенное сопротивление продразверстке, басмаческие шайки нападали на продовольственные обозы, учиняли зверскую расправу над активистами продовольственных органов и продармейцами. Летом 1920 г. в Кокандском уезде басмачи убили несколько профсоюзных работников, направленных на продовольственные заготовки. Подобные убийства во

¹⁹ В. И. Ленин, Сочинение, т. 27, стр. 354.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 22, л. 9.

²¹ Там же, л. 82, 189.

²² ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 368, л. 169—171.

время хлебозаготовок имели место и в Ташкентском уезде²³.

Учитывая местные национальные особенности, Наркомпрод одновременно с продотрядами, действовавшими в основном в хлебосеющих районах с европейским населением (Семиречье, русские поселки Сырдарьинской и Ферганской областей), организовал отряды так называемой мусульманской инспекции для взимания натуральной хлебной повинности в районах с преобладающим коренным населением. В этих отрядах, существовавших с мая по июль 1920 г., насчитывалось более 1000 человек²⁴. В течение 1920 г. и первой половины 1921 г. продотрядами и мусульманской инспекцией было заготовлено по подразверстке 9,4 млн. пудов хлебных злаков²⁵.

В ходе борьбы за продовольствие укреплялся военно-политический союз рабочего класса с дехканской беднотой. Продармейцы—коммунисты и профсоюзные активисты—проводили среди кишлачной бедноты большую организаторскую и политико-просветительную работу, оказывая помощь в создании комитетов бедноты, распространяя агитационную литературу, устраивая лекции, громкие читки, беседы, помогая крестьянам на полевых работах. Так, например, в Андижанском уезде продотрядами было организовано 23 комитета бедноты, в Сырдарьинской области—150. Всего в кишлаках и селах Туркестанской республики в 1920—1921 гг. продотряды помогли организовать более 250 комитетов бедноты²⁶.

В связи с введением политики военного коммунизма в распределении продовольствия и товаров широкого потребления (классовый паек, карточная система, растущая натурализация зарплаты), профсоюзы вынуждены были уделять много внимания вопросам продовольственного и промтоварного снабжения рабочих и служащих. Нередко в этот период раздавались сетования на то, что «много времени профсоюзы убивали на мелочную работу по распределению обуви, галош, мануфактуры»²⁷, хотя вопросы снабжения тогда играли основную роль в материальном стимулировании трудящихся.

2—21 мая 1919 г. в Ташкенте состоялся республиканский съезд представителей областных и городских советов профессиональных союзов (совпрофов) Туркестана совместно с

²³ ЦГА УзССР, ф. Р-735, оп. 1, д. 74, л. 6.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 2, д. 22, л. 16.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 47, л. 30.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 5, л. 24.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-735, д. 647, л. 11.

представителями отделов труда. В это трудное время, когда Туркестан полностью находился в окружении белогвардейских фронтов, Закаспий был оккупирован английскими интервентами, а в Фергане и Семиречье свирепствовали басмаческие и кулацкие банды, созвать съезд профсоюзов с выборами делегатов по всем звеньям не представлялось возможным, тем не менее съезд представителей облсовпрофов показал, что профсоюзы Туркестана становятся подлинно массовой организацией трудящихся. На съезде присутствовало 127 участников, из них 50 мусульман, представлявших 130 тыс. членов профсоюзов²⁸. По партийному составу почти все делегаты съезда были коммунистами. Почетным председателем съезда единодушно был избран В. И. Ленин²⁹.

Съезд заслушал доклад ЦСПС и сообщения с мест, обсудил вопросы реорганизации профсоюзов, поднятия производительности труда и трудовой дисциплины, о рабочей кооперации, страховании и социальном обеспечении, культурно-просветительной работе в профсоюзах и принципах оплаты труда. Работа съезда прошла под знаком дальнейшего организационного укрепления профсоюзов, очищения их от соглашательских элементов, мобилизации всех усилий для повышения производительности труда. Одним из важных решений съезда была резолюция по вопросу реорганизации профсоюзов, принятая 8 мая 1919 г. В ней говорилось: «Впредь до полной связи с центром организовать Туркестанский центральный совет профессиональных союзов, который в своей деятельности руководствуется принципами, принятыми вторым Всероссийским съездом профсоюзов. Стремясь к поднятию производительности Туркестана вообще и отдельных его отраслей, а также для развития других, все профсоюзы, члены которых обслуживают эти отрасли народного хозяйства, должны быть построены по принципу производства в краевом масштабе впредь до слияния этих производственных союзов со всероссийскими их объединениями»³⁰.

Таким образом, вслед за II Всероссийским съездом профсоюзов (16—25 января 1919 г.) туркестанский съезд утвердил производственный принцип построения профсоюзов, а их организационные формы стали все теснее увязываться со всероссийскими.

²⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-735, д. 647, л. 10. По другим данным в профсоюзах Туркестана насчитывалось в это время 152 802 члена (ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 627, л. 192).

²⁹ «Туркестанский коммунист», 21 мая 1919 г.

³⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-735, оп. 1, д. 7, л. 89.

Особенностью первых лет профсоюзного строительства в Туркестане было создание отдельных профсоюзов рабочих и служащих из местного населения; так было, например, в Коканде, Ассаке, Фергане и других городах. В Ташкенте был создан отдельный Совет профсоюзов старгородской части (21 октября 1918 г.), объединивший к 1 апреля 1919 г. 33 профсоюза с общим числом 26 тыс. членов. Съезд констатировал постепенное изживание этих национальных перегородок в профстроительстве и призвал трудящихся всех национальностей к созданию единых производственных союзов. Были приняты решения и по другим обсужденным вопросам, в частности, об установлении принципов сдельно-премиальной заработной платы, о развертывании культурно-просветительной работы в профессиональных союзах, системе мероприятий по социальному страхованию и охране труда.

Одной из важных сторон практической деятельности профессиональных союзов Туркестана в период гражданской войны было обеспечение бесперебойной работы предприятий и транспорта, обслуживающих нужды Красной Армии, упрочение тыла. Блестящим примером массового трудового энтузиазма трудящихся явились первые коммунистические субботники. Вслед за «великим почином» рабочих Московско-Казанской железной дороги, который был подхвачен организованными рабочими всей страны, идея коммунистических субботников получила распространение и в Туркестане. Первые субботники состоялись в Ташкенте 11 и 18 октября 1919 г. на товарной станции и привлекли более 500 участников. За три последних месяца 1919 г. в столице республики было организовано 22 субботника, в которых участвовало 3665 человек, из них 2448 коммунистов³¹.

Авангардную роль в организации субботников, наряду с партийными ячейками и райкомами, сыграли профессиональные союзы. Они привлекали профсоюзные массы к участию в субботниках, проявляли инициативу в проведении воскресных и сверхурочных бесплатных работ, разъясняли значение субботников в деле повышения производительности труда и ликвидации хозяйственной разрухи. Замечательную инициативу проявила конференция профсоюзов Самарканда, постановившая «устроить в честь Второго конгресса Коминтерна «Неделю субботников», работая ежедневно два часа сверхурочно и в воскресенье — целый день».

Трудовой подъем охватил все города республики. Особен-

³¹ Р. А. Нуруллин, Первые субботники в Туркестане. «Известия АН УзССР», 1956, № 9, стр. 68.

но организованно был проведен Всероссийский субботник 1 мая 1920 г. В этот день только в Ташкенте в различных работах приняли участие более 30 тыс. человек; 3 тыс. ферганцев работали на стройке Кизил-Кийского подъездного пути, в Намангане участвовало 820 человек и т. д.

Большое значение для усиления обороноспособности страны и восстановления транспорта имела проведенная по призыву ЦК партии «Неделя фронта и транспорта» (начиная с 21 января 1920 г.). Рабочие и служащие Красно-восточных мастерских в Ташкенте постановили в течение этой недели каждый вечер работать без дополнительной оплаты³². В течение «Недели фронта и транспорта» в Туркестане трудились десятки тысяч рабочих, служащих и красноармейцев; в Самарканде были исправлены железнодорожные мосты и выпущено из ремонта 27 паровозов и 61 вагон; в Кагане (Новая Бухара) отремонтировано 100 вагонов и несколько паровозов, в Ашхабаде — 20 паровозов и 281 вагон и т. д.³³ Профсоюзы Туркеспублики были инициаторами и организаторами многих героических дел на трудовом фронте, в борьбе за укрепление народного хозяйства.

Профсоюз швейников совместно с Отделом военных заготовок организовал производство военного обмундирования и белья. Только с декабря 1919 г. по октябрь 1920 г. швейные предприятия изготовили для армии более миллиона изделий, в том числе 37 тыс. шинелей³⁴. Около половины всего необходимого вещевого довольствия производилось на месте, что в условиях военной блокады Туркестана имело огромное значение.

Профсоюз горнорабочих Туркестана в сложных условиях непрекращающихся нападений басмаческих банд на нефтепромыслы и каменноугольные копи наладил добычу топлива. И хотя добыча нефти на промыслах «Санто» и «Чимшон» в 1920 г., по сравнению с 1917 г., составляла менее половины, а добыча угля снизилась за это же время на 15%, рабочие добывающей промышленности отправили для предприятий и железных дорог республики миллионы пудов угля и нефти.

Всего в 1918—1920 гг. в Туркестане было добыто 28,6 млн. пудов угля и 1,3 млн. пудов нефти³⁵. Это был значительный вклад горнорабочих в дело победы над врагом.

³² Ж. Касымбеков, От коммунистических субботников к ударным бригадам, Ташкент, Госиздат, УзССР, 1957, стр. 12.

³³ Р. А. Нуруллин, указ. статья, стр. 70.

³⁴ Ш. Н. Ульмасбаев, Промышленное развитие Советского Узбекистана, Ташкент, 1959, стр. 63.

³⁵ Там же, стр. 55—56.

Известно, какое значение имел для текстильной промышленности всей страны туркестанский хлопок. Однако из-за блокады (так называемые «оренбургские пробки», когда железнодорожное сообщение Туркестана с Центром прерывалось в связи с занятием Оренбурга белыми) сотни тысяч пудов хлопка-сырца скопились на заготпунктах и хлопкоочистительных заводах Туркестана. Профсоюз рабочих хлопкоочистительной и маслобойно-мыловаренной промышленности организовал вывоз хлопка на действующие заводы и охрану хлопкозаводов от нападений басмачей. Используя временное возобновление железнодорожного сообщения Туркестана с Центром (январь — июнь 1918 г. и январь — апрель 1919 г.), рабочие хлопкозаводов Андижана, Федченко, Ассаке, Алимкента и др. обеспечили очистку хлопка-сырца и отправку волокна на текстильные фабрики центральных губерний: в 1918 г. было отправлено 1310 вагонов, а в 1919 — 841 вагон. После окончательного соединения Туркестана с РСФСР в сентябре 1919 г., которое произошло в результате решающих побед Красной Армии над Колчаком, темпы отправки волокна значительно увеличились. В отчете Реввоенсовета РСФСР (ноябрь 1919 г.) говорилось: «Задача, поставленная Туркестанскому фронту, была в короткий срок блестяще осуществлена, путь к хлопку, необходимому нам так же, как и донецкий уголь, и уральская железная руда, был открыт, и 9 октября в Оренбург из Ташкента пришел первый сквозной поезд, груженный хлопком»³⁶.

В 1920 г. из Туркестана было отправлено 6415 вагонов, а всего в течение 1918—1920 гг. рабочие Туркестана очистили и направили российским текстильщикам 4 283 000 пудов хлопка-волокна³⁷.

Прорыв вражеского окружения Туркестана и прибытие армий Туркестанского фронта на территорию Средней Азии были восприняты трудящимися республик как предвестие скорого разгрома всех контрреволюционных сил, как неогценимая братская помощь русского пролетариата. Свидетельством горячей преданности и любви ташкентского пролетариата к своим русским братьям — рабочим Москвы и Петрограда — является письмо, направленное в конце 1919 г. Туркестанским краевым Советом профсоюзов от имени рабочих Ташкента в адрес Московского Совета профсоюзов. «Мы все время помнили и помним, — говорится в письме, — что мы являемся одной из составных частей всего органи-

³⁶ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 153.

³⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-111, оп. 1, д. 940, л. 123.

зованного российского пролетариата и чутко прислушиваемся ко всем вопросам профессиональной жизни во всероссийском масштабе. Мы твердо уверены в том, что только крепкая спаянность наших классовых организаций приведет нас к светлому будущему — освобождению труда от капитала». В письме сообщалось, что профсоюзы Ташкента решили «отчислить однодневный заработок и на эти средства приобрести подарки для красных рабочих Москвы и Петрограда от красных рабочих Ташкента в честь состоявшегося соединения с центром благодаря героическим усилиям нашей Красной Армии».³⁸

Письмо в Москву, в ЦК РКП, послали также трудящиеся Самарканда; вместе с письмом было отправлено 200 пудов варенья и сухофруктов, тысячи фунтов чая и другие продукты.³⁹

Большое внимание вопросам хозяйственного строительства и задачам профсоюзов в деле налаживания производства уделил II съезд профессиональных союзов Туркестанской Республики (3—17 июля 1920 г.). В основу его работы были положены решения IX съезда партии (25 марта—5 апреля 1920 г.) и речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде профсоюзов (апрель 1920 г.), подготовившая рабочий класс и советские профсоюзы к решению ближайших вопросов социалистического строительства.

В работе съезда туркестанских профсоюзов приняли участие 272 делегата с решающим голосом, представляющих 213 055 членов профсоюзов,⁴⁰ из них 183 коммуниста, 6 меньшевиков и 83 беспартийных.

Съезд проходил в обстановке решающих побед, достигнутых Красной Армией на всех туркестанских фронтах. За девять месяцев, прошедших с момента разгрома южной группировки колчаковской армии и окончательного соединения Туркестанской Республики с РСФСР, Туркестанская республика получила огромную военную и экономическую помощь со стороны народов Советской России. Закаспийская и Семиреченская области были очищены от интервентов и белогвардейцев, в Фергане разгромлена кулацкая «крестьянская армия» и нанесен ряд сокрушительных ударов по басмаческим бандам, приведших к капитуляции крупных главарей басмачества (Мадамин-бек, Хал-ходжа, Юлчи и др.).

На открытии съезда присутствовали представители Ассо-

³⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-735, оп. 1, д. 11, л. 161.

³⁹ Ю. Алескеров, Письма трудящихся Самарканда В. И. Ленину, Самарканд, 1960, стр. 29—30.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 627, л. 192.

циации индийских революционеров, которым делегаты устроили продолжительную овацию. В ответ на приветствия индийский гость заявил: «Пролетариат Туркестана, являясь сердцем для всего революционного движения на Востоке, должен в своей практической работе служить для нас ярким примером».⁴¹

Острые прения вызвал вопрос о кустарях, который впоследствии, в течение двух лет, был предметом длительной и принципиальной дискуссии в Туркестанском профдвижении. Еще в декабре 1919 г. на основе резолюции II Всероссийского съезда профсоюзов по организационному строительству ЦСПС Туркеспублики принял постановление об исключении кустарей из профсоюзов, однако вопрос о допуске кустарей в ряды профсоюзов выходил далеко за пределы собственно организационных форм профстроительства. Так как десятки тысяч кустарей представляли собой мелкобуржуазные слои города и кишлака, то с вступлением их в профсоюзы возникла бы опасность растворения последних в мелкобуржуазной стихии и ослабления базы пролетарской диктатуры. Кустарная промышленность составляла в это время 80% всего промышленного производства.

Съезд высказался против приема поголовно всех кустарей в профсоюзы, отметив, что единственный путь приобщения кустарей к социалистическому сектору производства — это рабочая кооперация, которая ускорит классовое расслоение кустарей. Незадолго до этого Крайком КПТ на пленарном заседании 8 марта 1920 г. принял резолюцию по профессиональному и кооперативному строительству, в которой призывал пролетариат Туркестана и его профсоюзы «к организационному и идейному воздействию на распыленные, поработанные различными эксплуататорами массы кустарей и дехкан, в целях укрепления их классового самосознания и поднятия их материального уровня». Для этого «профессиональные союзы и их советы должны допустить в свои ряды наиболее бедную часть туземного сельского и городского населения, однако должны быть при этом установлены определенные организации в целях правильного отсоединения этой беднейшей полупролетарской массы части населения от остальной, более зажиточной части, обладающей тем или иным, хотя и небольшим активным капиталом»⁴². В духе этого постановления и было принято решение съезда профсоюзов Туркеспублики о приеме кустарей в профсоюзы.

⁴¹ «Известия ТуркЦИКа», 6 июля 1920 г.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 715, л. 98—100.

С докладом «О текущем моменте» на съезде выступил В. В. Куйбышев, приветствовавший делегатов от имени ЦК РКП. Исходя из решений IX съезда партии и III Всероссийского съезда профсоюзов, докладчик определил задачи туркестанских профсоюзов в борьбе с разрухой и восстановлении народного хозяйства. В. В. Куйбышев отметил, что профсоюзы Туркестанской АССР после своего первого съезда работали в очень неблагоприятных условиях гражданской войны, иностранной военной интервенции и вражеской блокады, оторванные от местных низовых профорганизаций и от руководящего центра — ВЦСПС.

В своей резолюции по докладу В. В. Куйбышева съезд обязал Центральный Совет профсоюзов Туркестана обратить особое внимание на вовлечение в профдвижение широких трудящихся масс коренного населения.

Делегаты съезда оказали достойный отпор враждебной вылазке жалкой кучки меньшевиков, пытавшихся протащить разоблаченный В. И. Лениным лозунг «независимости» профсоюзов и противопоставить их Советскому государству.⁴³

Основное место в работе съезда заняли вопросы хозяйственной жизни Туркестана. Уже во вступительном слове при открытии съезда было подчеркнуто, что самая главная задача в настоящее время — «борьба с хозяйственной разрухой, борьба с ужасно тяжелым продовольственным положением, то есть борьба на фронте труда»⁴⁴.

Съезд заслушал и обсудил доклады о всеобщей трудовой повинности, о производительности труда и тарифной политике, о рабочем снабжении, о деятельности народного комиссариата труда и соцобеспечения.

Комитет по трудовой повинности, созданный в мае 1920 г., провел учет трудоспособного населения и развернул борьбу с тунеядцами и саботажниками. Съезд рекомендовал четыре формы трудовой мобилизации для мужчин в возрасте от 16 до 50 лет (женщины, учитывая бытовые особенности Туркестана, не привлекались к трудовой повинности): 1) мобилизация нетрудовых элементов, создание из них трудовых батальонов; 2) использование кустарей путем раздачи сырья и размещения государственных заказов; 3) создание сельскохозяйственных дружин для ирригационных и уборочных работ; 4) территориальное объединение в рабочие полки по процентной норме от каждого предприятия и учреждения.

⁴³ ЦГА УзССР, д. Р-735, оп. 1, д. 74, л. 176—179.

⁴⁴ Там же, л. 6.

Всего для нужд народного хозяйства Туркестана в этот период требовалось 4—6 тыс. квалифицированных рабочих и около 100 тыс. неквалифицированных рабочих. Были отмечены известные успехи в области социального обеспечения. На обеспечении государства находилось 73 тыс. нетрудоспособных, а также семьи красноармейцев численностью более 28 тыс. человек, было открыто 19 домов инвалидов⁴⁵. Съезд наметил мероприятия по укреплению военно-продовольственных отрядов и чистке продорганов от враждебных и спекулятивных элементов.

II съезд профсоюзов Туркестанской республики был важным этапом в развитии среднеазиатского профдвижения. Он показал, что местные профсоюзы являются неотъемлемой частью единых советских профсоюзов, продемонстрировал их крепнущую сплоченность вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Съезд нацелил профсоюзы Туркестанской республики на решение неотложных хозяйственных задач социалистического строительства.

О возросшем влиянии Коммунистической партии Туркестана в профсоюзах свидетельствовали также выборы краевых комитетов в 1920 г. Из 163 избранных членов крайкомов коммунистов было 107, беспартийных 56. В составе крайкомов насчитывалось 40 представителей местных национальностей.⁴⁶

К концу 1920 г. были достигнуты известные успехи в организационном строительстве туркестанских профсоюзов. Кроме Центрального совета профсоюзов Туркестанской республики и 17 краевых комитетов,⁴⁷ существовало 6 областных советов профсоюзов и 53 областных отдела, 41 уездно-городское профбюро и 285 уездных отделов. Наиболее крупным был профсоюз железнодорожников, насчитывавший к 1 января 1921 г. 56 тыс. членов.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны 200-тысячная армия профсоюзов Туркестанской АССР была надежным помощником Коммунистической партии в мобилизации сил народа на отпор врагу, вплоть до полной и решительной победы над интервентами, белогвардейцами и басмачами.

⁴⁵ ЦГА УзССР ф. Р-735, оп. 1, д. 74, л. 135, 226—230.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 627, л. 192.

⁴⁷ В Туркестане были организованы краевые комитеты следующих профсоюзов: железнодорожников, горнорабочих, текстильщиков, работников земли и леса, металлистов, строительных рабочих, полиграфистов, кожевников, швейников, химиков, связистов, местного транспорта, народного питания, коммунального хозяйства, советских работников, медико-санитарного труда.

А. Д. ХАИРОВ

АХМЕДЖАН ИБРАГИМОВ

(биографический очерк)¹

Замечательный сын узбекского народа, А. Ибрагимов всю свою жизнь посвятил служению народу, делу социализма, родной Коммунистической партии. Ахмеджан Ибрагимов, бывший батрак, связал свою судьбу с революцией, не щадя сил, боролся против феодалов и баев, против ханской власти в Хорезме, за торжество советского строя.

Революционная и боевая деятельность А. Ибрагимова тесно связана с установлением Советской власти и первыми успехами социалистического строительства в долине Хорезма.

*
*   *
*

Ахмеджан Ибрагимов родился в 1899 г. в Тебризской (Тавризской) губернии в кишлаке Милян (ныне Иранский Азербайджан) в семье батрака.

Детские годы его проходили в тяжелых условиях. Заработка родителей не хватало на то, чтобы прокормить себя и троих детей — Махмуда, Али и Ахмеджана. Когда Ахмеджану исполнилось шесть лет, отец отдал его в услужение помещику Ходжи-Ибрагиму.

Крестьяне и ремесленники Ирана жили в невыносимо тяжелых условиях. Многие из них покидали насиженные места и уходили на заработки в Россию. Но и в царской России положение трудящихся было не лучше.

В результате первой мировой войны сельское хозяйство Ирана окончательно пришло в упадок; разрушилась ирри-

---

¹ При написании очерка использованы личный архив А. Ибрагимова, его автобиография, постановления партийных и советских органов, депутатские документы и другие материалы, а также опубликованные воспоминания А. Ибрагимова (в кн. «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане», Воспоминания участников, Ташкент, Госиздат, УзССР, 1957, стр. 463—471).

гационная сеть, сокращались посевные площади и поголовье скота; крестьян, у которых отбиралось продовольствие и скот, сгоняли на строительство дорог и военных сооружений. Немало крестьян умирало от изнурительного труда и голода, в их числе были отец и мать Ахмеджана и брат Махмуд. Второй его брат в 1914 г. был вынужден выехать из Ирана в Баку, а потом в Хорезм. Трудно было жить и работать Ахмеджану в Иране. Летом 1915 г. вместе с одним из родственников матери Ахмеджан убежал из Ирана в Баку. Здесь он попытался поступить на ткацкую фабрику миллионера Тагиева, но безуспешно. Тогда Ахмеджан поехал в Ашхабад и поступил на работу в качестве чернорабочего в чайхану Мамадалиева, где проработал почти год. Тяжело жилось Ахмеджану. От зари до зари приходилось выполнять разную работу. Хозяин безжалостно эксплуатировал подростков. В чайхане Ахмеджан часто встречался с русскими рабочими и ремесленниками Ашхабада и провинции, а также с людьми, приехавшими из Хорезма.

Однажды, это было в 1916 г., он случайно узнает, что его старший брат находится в Хорезме. Покинув Ашхабад, Ибрагимов уезжает к брату Али в Хорезм, где вскоре устраивается на работу в качестве продавца у торговца чаем. Здесь он прослужил около года. За это время Ахмеджан собственными глазами увидел все ужасы ханского и феодального гнета, трудную жизнь бедняков-ремесленников Хорезма.

Первая империалистическая война продолжалась. Страна, в том числе и Туркестан, находилась в состоянии хозяйственной разрухи и голода. Все тяжести войны пали на плечи рабочих и крестьян. Начались революционные выступления трудящихся, солдат. В 1916 г. произошло восстание угнетенных народов Средней Азии и Казахстана. В феврале 1917 г. в России был свергнут царизм, победила буржуазно-демократическая революция.

В Туркестане возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, сначала в г. Ташкенте, а затем в других городах, в том числе и в Петроалександровске (Турткуль), в центре Амударьинского отдела. На правом берегу Аму-Дарьи были организованы Советы, а на левом — у власти оставался хивинский хан, которого поддерживал Туркестанский комитет Временного правительства. Однако Советы появились и в некоторых городах Хивинского ханства. Так, например, Совет солдатских и казачьих депутатов возник в самой Хиве, где был русский гарнизон, а в Новом Ургенче русскими трудящимися был создан Совет рабочих депутатов.

В Хивинском ханстве образовалась группа «младохивинцев», которые были идеологами национальной торговой буржуазии. Будучи весьма далекими от народа, они стремились к реформам буржуазного характера, лишь ограничивающими власть хана. В разработанном ими проекте реформ они предлагали установить конституционную монархию, ликвидировать средневековую систему «кормления», учредить городские думы, реформировать школу. Проект реформы был вручен Асфендияр-хану и подписан 5 апреля 1917 г. Вслед за тем был учрежден меджлис (парламент), куда входили и представители «младохивинцев». Добившись утверждения этой «реформы», они начали кричать о победе революции в Хиве. Но радоваться этой победе им долго не пришлось. Летом 1917 г. хан разогнал парламент. Ханский гнет еще более усилился.

Молодой Ибрагимов понимал, что реформами ханскую власть ликвидировать нельзя. Для этого необходимы были решительные революционные меры. В Ургенчском Совете было немало революционно настроенных представителей рабочего класса. Ибрагимов установил связь прежде всего с ними, и по поручению Совета стал вести революционную работу среди местного населения, разоблачая тактику «младохивинцев». Однако за Ахмеджаном Ибрагимовым вскоре была установлена слежка. В сентябре 1917 г. вместе с братом Али он выехал в Петроалександровск. Здесь и застала А. Ибрагимова Октябрьская революция. В декабре 1917 г. власть Советов окончательно победила в Петроалександровске и во всем Амударьинском отделе. Это событие оказало огромное революционизирующее влияние на народные массы Хивы. В ханстве начались выступления рабочих, ремесленников и дехкан за установление народной власти.

В январе 1918 г. власть в Хорезме захватил Джунаидхан, установивший в ханстве жесточайшую диктатуру. Положение народных масс еще более ухудшилось. Джунаидхан стал готовиться к нападению на Турткуль и Чарджуй.

По решению Турткульского Совета еще в сентябре 1917 г. началась организация отрядов Красной Гвардии. Ахмеджан вместе с братом Али стали красногвардейцами. Сначала они несли караульную службу, охраняя важные стратегические объекты Турткуля.

В сентябре 1918 г. в Турткуле создалось угрожающее положение: Джунаидхан готовился захватить город и разгромить Советскую власть. Командующий войсками Аму-

дарьинского отдела эсер Коноплев², намереваясь сдать Турткуль ханским войскам, пытался вывести из него красногвардейские отряды. Но красногвардейцы и трудовое местное население продолжали укреплять оборону Турткуля. 25 ноября 1918 г. Джунаид-хан с многочисленным отрядом начал осаду города. Турткульцы, несмотря на их малочисленность, героически защищались в течение 11 дней. Враг был отброшен и разгромлен.

В боях за оборону Турткуля мужественно сражались братья Али и Ахмеджан Ибрагимовы. За проявленную храбрость Ахмеджан заслужил благодарность командования.

После отражения осады Джунаид-хана турткульская группа коммунистов укрепила свои ряды; под ее руководством создавались новые вооруженные отряды трудящихся.

В декабре 1918 г. руководство в Турткульском Совете полностью перешло в руки коммунистов.

В начале 1919 г. в Турткуль приехала специальная коллегия, посланная Советским правительством Туркестана с целью укрепления Советской власти в Амударьинском отделе (А. Л. Тимошенко, Церпицкий, Б. Чепрунов). С ее приездом работа местных коммунистов еще более оживилась. Они начали активно разоблачать буржуазно-националистическую сущность «младохивинцев», пропагандировали идеи социализма среди широких масс трудящихся Хорезма, подготовляли народ к революции.

В середине лета 1919 г. в Турткуле был создан первый Амударьинский отряд. В третьей роте этого отряда сражался с басмачами и белоказаками рядовой А. Ибрагимов.

В 1919 г. в одном из боев героической смертью пал брат Ахмеджана — Али. Во время похорон брата Ахмеджан сказал: «Потеря родного брата для меня очень тяжела, но кровь его и других бойцов, пролитая в борьбе против наших врагов, даром не пропадет. Что касается меня, то я впредь удвою борьбу против врагов, чувствуя около себя сражающийся образ родного брата».

Разгром местного контрреволюционного белоказачества и басмаческих банд открыл путь Красной Армии на территорию Хивинского ханства. 26 февраля 1920 г. красноармейские отряды под командованием А. Шайдакова вступили в гор. Хиву. В рядах одного из этих отрядов был и Ахмеджан Ибрагимов.

В 1920—1921 гг. А. Ибрагимов принимал активное участие во всех событиях Хорезмской народной революции.

² Близкий друг изменника Осипова, организатора контрреволюционного мятежа против Советской власти в г. Ташкенте в январе 1919 г.

В 1921 г. А. Ибрагимов вступает в ряды Коммунистической партии Хорезма (КПХ).

В этом же году по решению партии А. Ибрагимов был направлен в Ташауз, где командовал отрядом красных партизан. В его отряде было 500 человек. Прибыв в Ташауз, он с кипучей энергией взялся за укрепление Советской власти в самом Ташаузе и ближайших его районах, вел беспощадную борьбу с саботажниками и байством, разоблачал антинародные действия реакционных мулл и ишанов.

В 1920 г. в республике подрывная деятельность духовенства и крупных баев против Советской власти значительно усилилась. Тяжелым было и экономическое положение республики. Вся посевная площадь в 1920 г. по сравнению с 1917 г. сократилась на 66,7%. Кроме того, Джунаид-хан беспокоил население республики бандитскими налетами. Особенно часто его банды нападали на кишлаки и районы Ташауза, грабили, сжигали дома дехкан, отбирали и угоняли скот, убивали коммунистов, комсомольцев, рабселькоров, женщин-активисток, разрушали предприятия, приводили в негодность дороги и мосты.

Нужно было как можно скорее прекратить басмаческие налеты Джунаид-хана. В выполнении этой серьезной задачи партии и правительства ХНСР немалую роль сыграл отряд партизан Ташауза под командованием молодого коммуниста А. Ибрагимова.

Серьезное сражение с басмачами произошло на территории района Иллалы. Отряд красноармейцев в количестве 160 человек, находясь в окружении, вел упорные бои с басмачами. На помощь окруженным красноармейцам выступил отряд А. Ибрагимова. Вступив в бой, отряд разгромил басмачей, которые с большими потерями ушли в пески. С большой радостью приветствовало население города А. Ибрагимова и его бойцов. Тем не менее налеты басмачей на кишлаки не прекращались. Командование Хорезмской группы войск, пытаясь предотвратить напрасное кровопролитие, обратилось к Джунаид-хану с предложением сдаться Советской власти, гарантировав ему жизнь. Для переговоров с Джунаид-ханом правительство Хорезма послало делегацию в составе пяти человек, куда вошли от правительства Хорезма — Бабаджан Якубов, от военного штаба — Беляев и Белоусов, от Ташаузского Ревкома — Кочкаров и А. Ибрагимов, прибывших в крепость Чаррик-бека в стан Джунаида. Главарию басмачей предложили прекратить военные действия против власти Советов и сдать оружие. Однако переговоры ни к чему не привели.

Джунаид-хан ушел в Каракумы и оттуда продолжал свои бандитские набеги. Осенью 1921 г. совершил налет на кишлаки бывший хаким Нового Ургенча Мамад-Бала. Командование Красной армии поручило Ахмеджану Ибрагимову ликвидировать эту шайку. А. Ибрагимов во главе конного отряда преследовал басмачей и в течение короткого времени разгромил их. Мамад-Бала попал в плен и был расстрелян по приговору военного трибунала республики.

В 1922 г. бойцам Ибрагимова пришлось вести борьбу против басмачей, возглавляемых Гулям-Али-ханом, банды которого совершали частые налеты на район между Иллалы и Ташаузом. Вскоре к Гулям-Али-хану присоединились другие басмаческие группы; численность басмачей доходила до тысячи. Сложилось чрезвычайно опасное положение для Ташауза и Иллалы. А. Ибрагимов срочно доложил о создавшейся обстановке командованию Красной Армии.

В Ташауз был отправлен отряд под командованием Телегина, который вместе с Ибрагимовым составил план операции. Этот план Телегин, вопреки желанию Ибрагимова, согласовал с представителем Ташаузского ревкома Кочкаровым. А. Ибрагимов возражал против этого, так как знал, что председатель ревкома — приятель Гулям-Али-хана. А. Ибрагимов оказался прав: Кочкаров в эту же ночь предупредил Гулям-Али-хана о готовящемся бое. Басмачи заранее заняли позиции и окопались в местечке Мейли, которое было расположено на голой открытой равнине. Когда красноармейская часть подошла, басмачи внезапно открыли яростный огонь. Начался неравный бой. Отряд Телегина потерял около 40 человек, был убит и сам командир. Командование отрядом принял А. Ибрагимов. В этом бою было истреблено много басмачей, однако Ахмеджану с бойцами пришлось отступить в Ташауз, чтобы организовать оборону города. Взять город басмачи не сумели, но им удалось закрепиться на окраинах крепости Ташауза.

Находясь в обороне, бойцы Ибрагимова неоднократно совершали ночные вылазки в тыл врага. Однажды Ахмеджан применил небольшую хитрость: ночью Ибрагимов и десять бойцов пробрались в лагерь противника и стали кричать по-узбекски «мы окружены». Перепуганные басмачи начали стрелять друг в друга и перестреляли более трехсот человек. Воспользовавшись паникой, бойцы Ахмеджана с криком «ура» пошли в атаку. Басмачи, оставив убитых и раненых, отступили в каракумские пески.

Постепенно отряд Ахмеджана стал грозой для басмачей. Где бы он ни был, он всегда действовал успешно и одерживал

победы. В боях с басмачами Ибрагимов проявил себя храбрым и находчивым командиром. Недаром он был назван басмачами «шайтан Ахмед».

В 1923 г. на третьем съезде Советов Ахмеджан Ибрагимов был избран членом ЦИК Хорезмской НСР.

После разоблачения Кочкарова, который поддерживал связь с басмачами, председателем ревкома крепости Ташауз и начальником областной Чрезвычайной комиссии был назначен А. Ибрагимов. На этом посту он работал до конца 1924 г., ведя беспощадную борьбу с контрреволюцией и шпионажем, разоблачая враждебные и преступные элементы.

За время своей работы в Облчека А. Ибрагимов принимал активное участие в борьбе с басмачеством. Как сказано в его характеристике, выданной в 1923 г., А. Ибрагимов «в советской работе проявил свою энергию, умение руководить работой по советизации Хорезма и восстановлению его хозяйственной жизни»... Он был активным и энергичным руководителем с 1921 года»³.

Под руководством Коммунистической партии Хорезма новое правительство, образованное в мае 1921 г. на более демократических началах, стало осуществлять первые социалистические преобразования в ХНСР. Тогда же были заключены политический и экономический договоры между ХНСР и РСФСР.

Правительство ХНСР обложило налогами крупных землевладельцев-басев, начало восстанавливать оросительную сеть, доходы с вакуфных земель были обращены на нужды народного просвещения, создавались школы, школы-интернаты, больницы, театры и культурно-просветительные учреждения.

Особенно большое внимание было уделено расширению посевов хлопка и увеличению поголовья скота. Так, например, если под посевы хлопка в 1922 г. было занято 8 тыс. десятин плодородной земельной площади, то в начале 1924 г. она была доведена до 30 тыс. десятин. Рост поголовья скота увеличился с 201 тыс. голов в 1921 г. до 236 тыс. голов в 1924 г.

Успехи, достигнутые Хорезмской республикой, вызывали озлобленность вражеских элементов. Они всячески пытались воспрепятствовать упрочению Советской власти.

Враги вновь связались с Джунаидом, который стал готовить свои банды для нападения на Хорезмскую республику.

³ Архив Музея истории АН УзССР, 11/26. 65, д. 1, л. 29, инв. № 1936.

В ответ на угрозу контрреволюции трудящиеся Хивы стали создавать добровольческие отряды, вооружались члены партии, комсомольцы.

В январе 1924 г. враги республики подняли контрреволюционный мятеж в Хиве, а Джунаид двинул на город свои банды. Хива оказалась осажденной басмачами. Бои шли в самом городе.

Центральный комитет КПХ, учитывая сложившееся положение, поручил А. Ибрагимову со своим отрядом срочно двинуться из Ташауза на защиту Хивы. Отряд под командованием А. Ибрагимова по пути к Хиве разгромил несколько басмаческих шаек. Прибыв в Хиву, он вместе с местными отрядами вступил в бой против мятежников и басмачей, которые были разбиты и отброшены прочь от Хивы. Преследуя врага, отряд А. Ибрагимова очищал города, находившиеся вблизи от Хивы.

Советская власть восторжествовала вновь. Отмечая боевые заслуги А. Ибрагимова в защите осажденной Хивы, правительство ХНСР наградило его орденом Красного Знамени.

Следует отметить, что к тому времени осложнилось положение и в самой крепости Ташауз. После ухода отряда Ибрагимова Ташауз был занят басмачами Джунаида. Необходимо было освободить город. По пути в Ташауз отряд А. Ибрагимова освободил ряд районных центров и крупных населенных пунктов. Весть о приближении отряда посеяла панику среди басмачей. Часть из них бежала тайком из крепости. В одну из январских ночей отряд А. Ибрагимова внезапно атаковал врага. Басмачи в панике разбежались. В феврале 1924 г. весь Хорезмский оазис был полностью очищен от басмаческих банд. Третья конференция Компартии Хорезма (4 апреля 1924 г.) выразила горячую благодарность Красной Армии и добровольческим отрядам А. Ибрагимова за уничтожение басмаческих банд.

После национально-государственного размежевания Средней Азии Хорезм вошел в состав Узбекской ССР. А. Ибрагимов остался в Хорезмском округе, где занимал ответственные посты в партийных и советских органах, в органах советской милиции.

В 1925—1926 гг. А. Ибрагимов работал председателем Гурленского, Шавастского, Беговатского райисполкомов, а в 1927 г. начальником административного отдела Гурленского района, был членом выездной сессии Верховного суда УзССР в Хорезмской области. В 1925—1929 гг. он работал начальником административного отдела Хорезмского округа, председателем комиссии нацменьшинств при Хорезмском

окрисполкоме. В 1927 г. А. Ибрагимов был делегатом второго съезда Советов УзССР.

В 1928 г. А. Ибрагимов, будучи председателем земельной комиссии по ликвидации нетрудового землепользования, участвовал в проведении земельно-водной реформы в Гурленском районе.

В этом же районе он плодотворно работал во время коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества, твердо придерживаясь указаний партии о колхозном строительстве. Озлобленные кулаки пытались убить А. Ибрагимова и только благодаря его бдительности заговор был ликвидирован.

В 1925—1929 гг. Ибрагимов был членом президиума Хорезмского окружного исполкома Советов (I, II и III созывов), членом окружкома партии и кандидатом в члены ЦИК Советов УзССР (1929 г.).

В 1930 г. по рекомендации окружного комитета партии Хорезма А. Ибрагимов был назначен первым секретарем Шавастского райкома партии и членом Хорезмской окружной контрольной комиссии.

В молодости А. Ибрагимов не получил школьного образования и его теоретическая подготовка не соответствовала новым задачам практической деятельности. Настало время заняться повышением своего образовательного и политического уровня. В 1930 г. А. Ибрагимов поступает на учебу в Среднеазиатский коммунистический университет. За время учебы он был избран членом Октябрьского райкома партии и Ташкентского городского комитета КПУз.

В 1934 г., окончив САКУ, А. Ибрагимов назначается председателем комиссии по чистке партии Каттакурганского района Самаркандской области; в декабре 1934 г. исполняет обязанности председателя Республиканской апелляционной выездной тройки.

Позднее А. Ибрагимов выдвигается на ответственную партийную работу в Бухарской области: вначале в качестве первого секретаря Шафриканского райкома партии, а в конце 1937 г. — первого секретаря Хорезмского областного комитета партии.

С начала 1941 г. по февраль 1946 г. А. Ибрагимов занимает пост директора хлопкового совхоза имени Пятилетия УзССР, а с февраля 1946 г. по 1 июня 1950 г. работает первым секретарем в Уйчинском райкоме партии Наманганской области.

А. Ибрагимов дважды был избран от Ургенчского избирательного округа Узбекской ССР депутатом Совета на-

циональностей Верховного Совета СССР (1937 г. и 1946 г.).

С 1950 по 1953 г. А. Ибрагимов был директором хлопкового совхоза «Баяут № 1», а затем руководил рядом совхозов Ташкентской области, являлся депутатом Хавастского районного Совета депутатов трудящихся. В последние годы своей жизни А. Ибрагимов — персональный пенсионер союзного значения. Умер А. Ибрагимов в 1957 г.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили боевую и трудовую деятельность славного сына узбекского народа. За крупные заслуги перед Родиной и народом А. Ибрагимов награжден орденом Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени УзССР, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Красного Знамени ХНСР, медалью «За доблестный труд в Велокійю Отечественной войне 1941—1945 гг.», дважды награжден боевым оружием, а также тремя Почетными грамотами Верховного Совета УзССР⁴.

Его безграничная преданность делу своего народа, делу коммунизма, родной Коммунистической партии могут служить примером, достойным подражания.

---

⁴ Ордена, медали и почетные значки А. Ибрагимова хранятся в Музее истории АН УзССР.

А. МИРХАЛИКОВ

ТРУДЯЩИЕСЯ ТУРКРЕСПУБЛИКИ В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ в 1920 г.

Колониальная политика царизма и Временного правительства тяжело отразилась на экономике Туркестанского края, где свирепствовали хозяйственная разруха, дороговизна и голод. Экономическое положение Туркестана еще более ухудшилось в результате иностранной военной интервенции и гражданской войны. В этих тяжелых условиях перед Туркестанской Советской республикой остро встал вопрос о необходимости укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства. Только на основе такого союза можно было защитить Советскую власть, отбить натиск интервентов и белогвардейцев, спасти трудящихся от голода и успешно осуществить социалистическое строительство.

Продовольственная политика Советской власти и деятельность рабочих военно-продовольственных отрядов являются одной из сфер, где осуществлялся военно-политический союз пролетариата и трудового крестьянства.

«Голод не оттого, — писал Ленин, — что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих. Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе»¹.

Интересы спасения Республики и укрепления Советской власти, интересы пролетариата и беднейшего крестьянства требовали проведения хлебной монополии. Было ясно, что только такая политика даст возможность разгромить врага и выйти из тяжелого экономического положения. Государственная хлебная монополия, — писал Ленин, — есть безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков кем бы то ни было².

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 355.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 356.

4 июня 1919 г. ЦИК Советов Туркестанской республики ввел хлебную монополию и объявил всех укрывающих хлебные злаки врагами республики, предоставив Комиссариату продовольствия чрезвычайные полномочия³. Советским правительством были установлены твердые цены на хлебные злаки по Туркестанской республике (таблица, за пуд в рублях)⁴.

Т а б л и ц а

Наименование	Сырдарьинская область	Ферганская и Самаркандская области	Семиреченская область
Мука пшеничная	115	100	90
Пшеница	100	85	75
Ячмень	70	60	52
Овес	70	60	52
Кукуруза	60	50	45
Джугара	60	50	45
Просо	50	43	30
Маш	75	70	75

Беднейшее крестьянство Туркестанской республики встретило хлебную монополию сочувственно и поддержало это важнейшее мероприятие Коммунистической партии и Советского правительства. Оно всячески помогало проведению монополии в жизнь, так как само было заинтересовано в ней. Так, съезд Советов крестьянских и дехканских депутатов Ташкентского уезда (сентябрь 1919 г.) одобрил монополию, как «соответствующую коммунистической программе и требованиям момента и находит единственной мерой, могущей спасти положение республики, предоставленной себе, питающей фронты, большую армию в тылу и пролетариат, обслуживающий промышленность и государственные нужды». В своей резолюции делегаты съезда записали: «Мы всецело будем содействовать проведению хлебной монополии через органы местной, сельской и волостной власти, чтобы обеспечить хлебом дорогих бойцов на фронтах и товарищей у станков»⁵.

Хлебную монополию пришлось проводить в жизнь при чрезвычайно тяжелых условиях. Большинство крестьян не имело правильного представления о мероприятиях рабочего-

³ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, л. 214, л. 136—138.

⁴ «Известия ТуркЦИКа», 5 августа 1919 г.

⁵ «Известия ТуркЦИКа», 5 сентября 1919 г.

крестьянского правительства и часто поддавалось влиянию кулаков, баев, духовенства, которым хлебная монополия не позволяла эксплуатировать бедноту и жить чужим трудом.

После издания декрета о хлебной монополии был принят целый ряд мер, долженствующих обеспечить успех хлебозаготовок. Передача заготовок уездным продовольственным отделам (упродотам) и кооперативам, — учреждениям более близким к сельскому населению, — привлечение к этой работе союзов бедноты, партийных работников и профсоюзов, учреждение закупочной коллегии Закаспийской области, надлежащее направление работы на местах через представителей Краевой продовольственной дирекции — все это при установлении справедливых твердых цен и разумном применении их на местах должно было способствовать разрешению продовольственного кризиса.

Однако при проведении в жизнь хлебной монополии были допущены серьезные ошибки. Не была проведена широкая агитационно-разъяснительная работа среди масс беднейшего крестьянства. Одной из ошибок, допущенных при проведении хлебной монополии, было то, что за пшеницу назначали цены ниже себестоимости⁶. Допускались самые беспорядочные реквизиции и налоги. Проведение хлебной монополии тормозилось также из-за посылки различными ведомствами своих агентов и продовольственных уполномоченных, вносящих путаницу в дело хлебозаготовок⁷. Отдельные продовольственные органы на местах допускали злоупотребление властью.

Вопрос об искоренении этих ошибок обсуждался на VIII съезде Советов Туркестанской АССР, состоявшемся в сентябре 1919 г., накануне соединения Туркестана с Россией. Съезд запретил беспорядочные реквизиции и конфискации и установил твердый порядок проведения хлебной монополии.

Общегородская конференция Ташкентской организации РКП(б) (14—17 января 1920 г.) постановила организовать заготовительные военно-продовольственные отряды рабочих и отправить их в деревню. V краевая конференция КПТ (24—28 января 1920 г.) обязала партийные организации уделить больше внимания среднему крестьянству. Решения конференции поддержала также III Туркестанская краевая мусульманская конференция РКП(б).

После VIII съезда Советов и V краевой партийной конференции правительство Туркестана твердо взяло курс на установление государственной хлебной монополии и продовольственной разверстки. В условиях гражданской войны,

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 58, л. 301.

⁷ Там же, л. 307.

когда снабжение деревни продуктами фабричного производства в обмен на хлеб, мясо и другие продукты массового потребления было недостаточно, обязательная разверстка являлась необходимым средством получения государством в свои руки продовольственных излишков. Выполнение разверстки осуществляли рабочие продовольственные отряды. Для создания продовольственных отрядов в феврале 1920 г. созывается конференция профсоюзов города Ташкента.

По докладу члена Турккомиссии ВЦИКа и РКП(б) Я. Э. Рудзутака была принята резолюция, в которой говорилось: «Исходя из основного положения, что дело освобождения рабочих — дело рук самих рабочих, что дело снабжения рабочих также является делом только самих рабочих, — признать необходимым пропитывание всех советских органов, в первую очередь продовольственных, представителями классовых рабочих организаций — профсоюзов»⁸. Расслаивая деревню по основным социальным группировкам, отряды должны были привести к сплочению бедноты всех национальностей — в этом заключалась основная их работа в деревне⁹.

Кадры местного пролетариата городов были двинуты для работы по кишлакам. Расслоение деревни, организация бедноты, широкая агитация коммунистических идей — вот задачи, которые стояли перед продотрядами рабочих.

Наркомпрод Туркеспублики руководствовался резолюцией V Туркестанской краевой конференции КПТ «О работе в деревне», согласно которой все сельское население разделялось на три категории: русское кулачество, оседлое коренное население и кочевое население¹⁰.

В отношении русского колонизаторского кулачества хлебная монополия проводилась таким же образом, как это было в центральных губерниях России. В отношении двух последних категорий был выработан особый порядок проведения хлебной монополии, применительно к особенностям и быту местного населения.

19 февраля 1920 г. при Центральном Совете профсоюзов Туркеспублики создается Краевое военно-продовольственное бюро, явившееся центральным органом по привлечению пролетарских масс к продовольственным заготовкам. ТуркЦИК выделил кредит для Крайвоенпродбюро и военпродотрядов в сумме 5 млн. руб.¹¹.

⁸ «Известия ТуркЦИКа», 8 февраля 1920 г.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 2, л. 14.

¹⁰ «Известия ТуркЦИКа», 12 февраля 1920 г.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 923, л. 4.

Крайвоенпродбюро состояло из следующих отделов:

1. Политотдел — для направления политической, организационной и культурно-просветительной работы.

2. Отдел снабжения — для снабжения отрядов обмундированием, продовольствием и вооружением.

3. Отдел формирования — для формирования отрядов и отправки их по уездам.

4. Управление делами¹².

Отряды формировались из мобилизованных рабочих и представителей беднейшего сельского населения.

За боевую единицу был принят отряд в 75 человек. Во главе отряда стояли командир и политический комиссар, назначаемые Военпродбюро¹³. Отряды, находящиеся в распоряжении Компрода, в своей деятельности руководствовались классовыми задачами Советской власти в деревне и главное внимание направляли на изъятие хлебных излишков у кулацких хозяйств в хлебных районах; первоочередное внимание военпродотряды обращали на работу в русских колонизаторских районах.

В целях наилучшего и быстреего извлечения хлебных излишков отряды созывали беднейшее население деревни, создавали комитеты бедноты для сбора хлеба, объясняя им сущность советской продовольственной политики и необходимость борьбы с кулачеством. Опираясь в своей работе на организацию бедноты, отряды производили отчисление хлебных излишков для бедняцких хозяйств, не имеющих достаточного запаса своего хлеба до нового урожая, по установленным нормам. Сданный в ссыпной пункт хлеб принимался по ценам, установленным Наркомпродом.

Параллельно с работой по изъятию хлебных излишков отряды вели широкую агитационную и культурно-просветительную работу (распространяли литературу, устраивали митинги и собеседования, организовывали читальни и т. п.); принимали активное участие в советском строительстве (содействовали выборам в Советы и т. п.); инструктировали местное население по вопросам организации различных ремонтных мастерских сельскохозяйственных орудий¹⁴.

Насилию кулаков, баев и спекулянтов над голодающим народом городские рабочие и крестьянская беднота отвечали насилем над буржуазией. Все, имеющие излишки хлеба и

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 258, л. 9.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 20, л. 8—9.

¹⁴ Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, Сб. документов, Ашхабад, 1957, стр. 310.

не вывозящие его на ссыпные пункты, а также расточающие хлебные запасы на самогонку, объявлялись врагами народа.

В конце февраля 1920 г. Крайвоенпродбюро совместно с Краевым Советом профсоюзов издало постановление о 5- и 10-процентной мобилизации членов профсоюзов в продотряды. С этого момента начинается формирование продотрядов по всем областям Туркестанской республики¹⁵. В районах с преобладающим местным населением была создана так называемая мусульманская продовольственная инспекция.

На первых порах в отряды наряду с пролетарскими кадрами попали и чуждые элементы, которые дискредитировали продовольственную работу. Отдельные ведомства при мобилизации направляли в отряды ненужных им работников, мотивируя тем, что в противном случае мобилизация приведет к закрытию предприятий и учреждений¹⁶.

К маю 1920 г. по Туркестанской республике работало 33 отряда, до 500 членов мусульманской инспекции и до 10 походно-починочных мастерских. Кроме того, в стадии организации находилось 10 отрядов. В формировании продотрядов принимали участие также мусульманские профессиональные организации.

9 марта 1920 г. ЦИК Туркеспублики ввел натуральную хлебную повинность в районах с преобладающим мусульманским населением, учитывая при этом недостаточное классовое расслоение в кишлаке, темноту и забитость коренного населения. Натуральная хлебная повинность распространялась на все кишлачное население, за исключением чайрикеров, а также беднейших дехкан, хотя и занимающихся обработкой собственных участков, но удовлетворяющих свои потребности лишь в пределах прожиточного минимума. Вся тяжесть натуральной хлебной повинности падала на баев и кулаков¹⁷.

Военпродбюро разослало по краю инструкторов для формирования отрядов на местах. В каждую область посылались по два инструктора. Для товарообмена с деревней СНК РСФСР отправил в Туркестан 17 400 аршин мануфактуры и 8 600 гресс ниток¹⁸.

Народным комиссариатом здравоохранения были организованы санитарные отряды для оказания медицинской помощи населению аулов и кишлаков. На эти отряды возлагалась и санитарно-просветительная работа: ознакомление населе-

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 253, л. 10.

¹⁶ Там же, л. 11.

¹⁷ «Известия ТуркЦИКА», 11 марта 1920 г.

¹⁸ «Известия ТуркЦИКа», 10 марта 1920 г.

ния с сущностью заразных заболеваний, мерами предупреждения их и пр.¹⁹

Большую помощь в проведении хлебозаготовок оказывали студенты Туркестанского государственного университета. 150 студентов рабочего факультета в дни летних каникул добровольно вступили в военпродотряды.

На первых порах отрядам приходилось работать в тяжелых условиях. Спекулянты, нашедшие теплый приют во всех уездах, продовольственных отделах и продорганах, всячески старались спровоцировать отряды, распространяя нелепые слухи. Продотрядовцы, преодолевая все трудности, продолжали свою организаторскую работу. Многие уезды были охвачены отрядами мусульманской инспекции, так, в Андижанском уезде работали 118 человек, в Самаркандском — 300 и т. д.

Не менее важной работой, наряду с заготовительными операциями, было создание заградительных отрядов, руководство которыми осуществлял Штаб войск внутренней охраны²⁰.

Преодолевая сопротивление кулаков и баев, не останавливавшихся даже перед убийством продотрядовцев, органам Советской власти удалось установить хлебную монополию в крае.

Рабочие военно-продовольственные отряды играли важную роль в налаживании и усилении классовой связи между городским рабочим и сельским дехканством и способствовали укреплению диктатуры пролетариата в деревне. Рассмотрим с этой точки зрения деятельность продотрядов в Ташкентском уезде.

В результате мобилизации, проведенной Сырдарьинским облвоенпродбюро, только в г. Ташкенте было создано 15 военпродотрядов²¹. ЦСНХ Туркеспублики организовал сеть починочных мастерских, обслуживавших нужды крестьян. Для изготовления новых и ремонта старых земледельческих орудий в распоряжение ЦСНХ были переданы бывший завод Сойфера, сельскохозяйственные и железнодорожные мастерские. Таким образом достигалась более тесная связь города с кишлаком. Уже в начале апреля 1920 г. в Ташкент, в распоряжение Наркомпрода, прибыло 70 вагонов хлебных злаков, в том числе и семиреченский хлеб.

К маю 1920 г. в Ташкентском уезде работало четыре военпродотряда, а также два заградительных отряда, функ-

¹⁹ «Известия ТуркЦИКа», 25 марта 1920 г.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 11, л. 12.

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 258, л. 11.

ционировало до 150 союзов бедноты, дехканские и крестьянские организации были очищены от чуждых элементов. В первое время хлебная и фуражная разверстки выполнялись весьма слабо ввиду неорганизованной работы уездных продорганов. Угорпродот, например, практиковал ссыпку хлеба на пункты, находящиеся в непосредственной близости от города и станций железной дороги; до августа угорпродот не соглашался посылать в уезд продотряды, считая их совершенно бесполезными и ненужными для работы, только после категорического и настойчивого требования Краевого военпродбюро отряды были посланы в деревни и кишлаки²². Все же огромная организаторская и просветительная деятельность ташкентских продотрядовцев увенчалась успехом. 22 августа 1920 г. дехкане уезда устроили «хлебную манифестацию», доставив часть хлеба, причитающегося с них, непосредственно в г. Ташкент и тем самым показали свою преданность ташкентскому пролетариату и революции²³.

Сбор хлеба по определенной для Ташкентского уезда разверстке проходил успешно. На 10 октября 1920 г. зерновых хлебов было заготовлено более 300 000 пудов, т. е. до 80% всей разверстки, фуража — до 5 млн. снопов, скота мелкого и крупного — свыше 6000 голов²⁴.

В продотрядах, ведущих работу в Ташкентском уезде, как и во всех отрядах края, участвовали представители русского, и местного населения, например, активными продотрядовцами были Мухаммед-Амин Пулатов, Аминджан Юсупов, Л. Е. Дубровский, Н. С. Долгих и др.²⁵

Продотряды встречали сочувствие и поддержку беднейшего дехканства. Так, на митинге дехкан в ауле Ходжент Александровской волости, устроенном представителем уездного военпродбюро, присутствовало более 500 человек. После информации об экономическом строительстве Советской власти в Туркестане была принята следующая резолюция: «Заслушав информацию... о задачах дехкан в экономическом строительстве в Туркестане, и принимая во внимание, что без тесного союза дехкан кишлака и рабочих города невозможно планомерное экономическое строительство, а тесный союз может выразиться только во взаимной экономической и политической поддержке, мы, дехкане кишлака Ходжент

²² ЦГА УзССР, д. Р-25, оп. 1, д. 158, л. 11.

²³ «Известия ТуркЦИКа», 22 октября 1920 г.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 43, л. 13.

²⁵ См. А. Рахимов, Создание и деятельность продовольственных отрядов в ТуркАССР, «Известия АН УзССР», Серия общественных наук, 1960, № 3, стр. 21, 23.

Александровской волости, постановили: принять все меры к ускорению проведения разверстки на хлеб и скот не только в нашем ауле, но и в других отстающих в разверстке, кроме того, немедленно из своей среды организовать выучный транспорт, который и двинуть прямо в Ташкент, где особо уполномоченный с нашей стороны получит товары для Александровской волости»²⁶.

Успешно проходила продразверстка в Самаркандской области. Областная конференция (декабрь 1920 г.) продработников отметила, что «не на словах, а на деле должны продотряды, как представители организованного революционного пролетариата, победить голод, революционизировать деревенскую бедноту и сознательной культурной работой поднять деревню, кишлаки до уровня понимания ими благ, приносимых трудовому народу Советской властью и Коммунистической партией»²⁷.

Профсоюзы г. Самарканда мобилизовали для работы в продотрядах до 1476 человек (около 9% всех членов). Общий состав мобилизованных по классификации труда состоял из 80% работников физического и 20% интеллектуального труда, а по национальности — 33% европейцев и 67% представителей местных национальностей²⁸.

В Кокандском уезде работала мусульманская инспекция, насчитывающая 207 членов. В счет 1919 г. было собрано 25 тыс. пудов хлеба. Инспекция провела также учет посевов будущего года. По разверстке 1920 г. было собрано до 10 сентября: пшеницы — 28 тыс. пудов, джугары — 18 тыс. пудов, кукурузы — 200 пудов, риса — 1222 пуда, мяса — 3400 пудов, клевера — 370870 снопов. Заготовкам очень вредили банды басмачей, которые нападали на продовольственные обозы. Хлеб и вообще все собранное приходилось подвозить к ссыпным пунктам ночью²⁹.

В Наманганском уезде работало четыре военпродотряда и походная починочная мастерская. За счет урожая 1919 г. было заготовлено 19 тыс. пудов хлеба.

По всей Туркестанской республике (исключая Закаспийскую область) были созданы уездные военпродбюро, которые мобилизовали членов профсоюзов в продотряды и руководили их деятельностью. Заготовка продовольствия шла под ленинским лозунгом «Борьба за хлеб — борьба за социализм». Часть заготовленного хлеба отдавалась деревенской

²⁶ «Известия ТуркЦИКа», 26 декабря 1920 г.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 2, л. 5.

²⁸ Там же, д. 8, л. 69.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 258, л. 10.

бедноте. Это имело огромное значение для укрепления союза рабочего класса и беднейшего крестьянства. Деятельность военпродотрядов не ограничивалась лишь заготовкой хлеба. Городские рабочие организовывали в деревнях, кишлаках и аулах союзы бедноты, коммунистические ячейки, выступали как пламенные агитаторы за укрепление Советской власти.

Продотряды и союзы бедноты разгромили контрреволюционное кулачество и байство, укрепили Советскую власть в деревне и тем самым расчистили путь для союза со средним крестьянством. Немаловажную роль сыграли также проводимые в то время многочисленные кампании, когда городские рабочие добровольно приходили на помощь деревне, чтобы удовлетворить самые неотложные и острые нужды трудящихся масс крестьянства. Политический опыт Коммунистической партии помог найти и использовать такую форму политико-воспитательной работы, как агитпоезда. Например, агитпоезд «Красный Восток» объездил Самаркандскую и Ферганскую области.

В 1918—1920 гг. борьба с международным империализмом и внутренней контрреволюцией была первой и серьезной проверкой прочности союза рабочего класса и крестьянства, принявшего в связи с войной своеобразную форму военно-политического союза при руководящей роли рабочего класса в этом союзе. «Жизнь показала, что рабочие и крестьяне, отстаивающие свою власть, свои завоевания, если они хорошо организованы и вдохновлены идеями социализма, — непобедимы»³⁰.

Переход от политики военного коммунизма к нэпу (март 1921 г.) обеспечил смычку союза рабочего класса и трудящегося крестьянства на новой хозяйственной основе.

---

³⁰ Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г., М., Госполитиздат, 1957, стр. 8.

Ш. МУЗАПАРОВ

К ВОПРОСУ О ШКОЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР (1918—1920 гг.)

Великая Октябрьская социалистическая революция означала переворот в быту и традициях, в культуре и идеологии многомиллионных народных масс. Уже в первые годы Советской власти, несмотря на тяжелые условия иностранной военной интервенции и гражданской войны, Коммунистическая партия и Советское правительство стали придавать большое значение подъему культурного уровня народов Туркестана. Для того чтобы трудящиеся местных национальностей могли участвовать в строительстве новой жизни, прежде всего необходимо было ликвидировать безграмотность среди местного населения. Истории создания и развития новой, советской школы в Туркестане в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции посвящен ряд работ¹.

В настоящей статье рассказывается о первых шагах строительства советской системы народного образования в Туркестанской республике.

29 марта 1918 г. Совнарком Туркестанской республики обнародовал приказ «Об организации дела народного образования». Этим приказом были созданы краевой совет, областные, городские, уездные и волостные советы народного образования, в задачу которых входило руководство всем делом дошкольного и школьного образования и деятельностью культурно-просветительных учреждений. 31 марта 1918 г. состоялось организационное заседание краевого сове-

---

¹ И. Штерн, Социалистическая культура узбекского народа, Ташкент, Узпартиздат, 1939; С. Раджабов, К истории советской школы в Узбекистане, Ташкент, Узгосиздат, 1957; Г. Хайдаров, Очерки истории народного образования в Туркестанской АССР (1917—1924 гг.), Ташкент, 1952, кандидатская диссертация; К. Е. Бендриков, Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924), М., Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1960, стр. 512; Т. Н. Кары-Ниязов, Очерки истории культуры Советского Узбекистана, М., Изд.-во АН СССР, 1955, стр. 133—153.

та народного образования. В него вошли все члены бывшего попечительского комитета в количестве 20 человек, а также 30 представителей, избранных от профессионального союза строительных рабочих, союза рабочих печатного дела, Ташкентского совета рабочих Среднеазиатской железной дороги, Ташкентского учительского союза, Ташкентского студенческого союза и других общественных организаций края и города Ташкента².

Заседание избрало исполнительный комитет краевого совета народного образования в количестве 20 человек. Исполком совета народного образования имел 12 отделов: 1. Всеобщего образования; 2. Реформы школы; 3. Учебных пособий; 4. Внешкольного образования; 5. Административно-организационный; 6. Подготовки учителей; 7. Профессионального образования. 8. Финансовый; 9. Мусульманской школы; 10. Дошкольного воспитания; 11. Распорядительный; 12. Высшего образования. Во главе каждого отдела находился один из членов исполнительного комитета. В первой половине апреля началась организация советов народного образования на местах.

14 апреля 1918 г. областной совет народного образования был создан в Самарканде. В его состав вошли все члены секции народного просвещения, образованной при Самаркандском Совдепе, два представителя от союза учителей, один — от союза учителей-интернационалистов и один представитель от союза учащихся³. 26 апреля 1918 г. в гор. Ходженге в помещении приходского училища состоялось собрание представителей органов Советской власти и общественности города. На собрании было решено создать уездный совет народного образования.

На собрании общественных и учительских организаций совместно с представителями местного Совдепа в гор. Скобелезе 30 апреля 1918 г. было решено организовать уездно-городской и Ферганский областной советы народного образования⁴. Ташкентский совет народного образования был организован в мае 1918 г.

Таким образом, под руководством Коммунистической партии Туркестана постепенно по всему краю в течение апреля—августа 1918 г. были созданы местные советы народного образования. Декретом Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики от 20 ноября 1918 г. в соответствии

² ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 33, л. 1.

³ Г. Х. Хайдаров. Очерки истории народного образования в Туркестанской АССР (1917—1924 гг.), стр. 91—92.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 25, л. 13.

с декретом Совнаркома РСФСР от 21 января 1918 г. было провозглашено отделение церкви от государства и школы от церкви. В школах Туркестанской республики запрещалось преподавание предметов богословия, вводилось всеобщее бесплатное обучение. Главной задачей укрепления Советской власти являлось правильное осуществление принципов советской национальной политики и создание советской экономики, что имело огромное значение не только для советского, но и для других народов Закавказья и Ближнего Востока.

30 апреля 1918 г. на V съезде Советов Туркестанского края было принято историческое постановление о создании Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики. В день международного праздника трудящихся 1 мая 1918 г. была торжественно провозглашена автономия Туркестана. После провозглашения советской автономии в Туркестане началась более основательная перестройка дела народного образования.

На первых порах деятельность краевого совета народного образования и его исполнительного комитета не была связана с местными советами народного образования (он занимался вопросами, касающимися постановки школьного дела главным образом г. Ташкента), усиливались противоречия между исполнительным комитетом и Народным комиссариатом просвещения республики. Отдельные чуждые великодержавно-шовинистические и националистические элементы, проникшие в культурные учреждения Туркестана, мешали развитию народного образования и социалистической культуры среди коренного населения Туркестана. Более половины состава краевого совета народного образования составляли представители старого буржуазного учительства, 20 человек из них входило в бывший попечительский комитет. Была представлена также верхушка ташкентского студенческого союза. Позже все эти организации были распущены как остатки буржуазных органов просвещения.

Иное положение было на местах, где основной состав советов народного образования состоял из народных учителей, способствовавших укреплению дела народного образования.

В целях укрепления и централизации дела народного образования в республике Совнарком Туркестанской республики 21 мая 1918 г. вынес постановление о роспуске краевого совета народного образования. Единым руководящим органом в системе народного образования остался Народный комиссариат просвещения⁵.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, л. 33, л. 62.

Наркомпрос Туркестанской республики постепенно организационно укреплялся. В августе 1918 г. при Наркомпросе образовалась коллегия, которая являлась законодательным и исполнительным органом. Все вопросы школьного дела обсуждались и разрешались на заседаниях коллегии Наркомпроса. Коллегией были выработаны «Положение об организации дела народного образования в Туркестанской республике»; «Положение о конструкции начальной (семи-летней) школы»; «Положение о конструкции средней (трех-летней) школы»; «Положение об организации курсов для взрослых»; «Положение о Туркестанском народном университете»; «Положение о медицинской школе в Туркестане»⁶.

Эти положения имели в то время огромное значение, так как явились первым практическим руководством при создании единой советской трудовой школы. Укрепление органов народного образования Туркестанской республики сыграло большую роль в дальнейшем поднятии культурного уровня местных трудящихся.

Развитие народного образования в Туркестане в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции встретило много препятствий на своем пути. Трудности заключались не только в том, что в этот период первоочередной задачей Советской власти была мобилизация всех сил на разгром внешних и внутренних врагов революции, но и в том, что новую советскую школу надо было строить на основе совершенно новых педагогических принципов. До Октябрьской революции в Туркестане наиболее распространенным типом «школ» были мактабы и медресе, в которых преподавались в основном предметы религиозного содержания.

Чтобы построить новую культуру (национальную по форме, социалистическую по содержанию), необходимо было создать новую, советскую школу. Коммунистическая партия уделяла большое внимание делу народного образования. В. И. Ленин неоднократно указывал на тесную связь школы с политикой: «Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие»⁷.

Перед советской школой были поставлены новые социальные задачи в воспитании подрастающего поколения. На необходимость коренной перестройки народного образования В. И. Ленин указал в своей речи на III съезде Коммунистической молодежи: «Только преобразуя коренным образом

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-34, л. 38, оп. 1, л. 2

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 68.

дело учения, — говорил Владимир Ильич, — ...мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества»⁸.

16 ноября 1918 г. Наркомпросом РСФСР была разработана декларация «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение о единой трудовой школе». В декларации указывалось и на то, что в новой школе всех ступеней должно быть не только бесплатное обучение, она должна стать доступной детям всех слоев населения, должна быть единой и трудовой. По «Положению о единой трудовой школе» упразднялись все типы школ дореволюционной России и устанавливалась единая трудовая школа с разделением на первую ступень (от 8 до 13 лет) и вторую (от 13 до 17 лет) с совместным обучением мальчиков и девочек. В «Положении» говорилось также об отделении школы от церкви, имевшем для школьного строительства в Туркестане особо большое значение. Трудовая школа должна была давать учащимся политехническое образование, а также воспитывать подрастающее поколение в духе пролетарской идеологии.

VIII съезд партии (март 1919 г.) отметил необходимость дальнейшего развития уже установленных Советской властью основ школьного и просветительного дела. Таким образом, советская школа должна была обеспечить «полное осуществление принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества»⁹. Но эти решения партии и правительства о школьном строительстве не сразу проводились в жизнь в Туркестанской республике.

Руководящая роль Наркомпроса ТАССР была слишком слаба. На местах вели работу кустарно, совершенно не считаясь с планами Наркомпроса. Вследствие оторванности Туркестана от центра органам народного образования приходилось самостоятельно нащупывать идейные и практические формы нового школьного строительства. «По вопросам единой трудовой школы не имелось ни теоретических, ни практических указаний. Основанием для строительства новой

---

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 259.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. 1, М., Госполитиздат, 1953, стр. 419—420.

школы послужили лишь требования жизни и мотивы революции»¹⁰.

В начале 1918/19 учебного года на территории Туркестана фактически функционировала следующая сеть учреждений социального воспитания¹¹.

<i>Типы учреждений</i>	<i>Число учебных заведений</i>	<i>Число классов</i>
Мужская гимназия	12	102
Женская гимназия	18	155
Реальное училище	4	27
Коммерческое училище	3	36
Начальное училище	992	1568

Строительство советских школ в отсталом Туркестане требовало большой вдумчивости и осторожности. Совместное обучение и отмена закона божьего в русской школе осуществлялись сравнительно легко. Для национальной же школы это явилось труднейшей проблемой, особенно в условиях Туркестана, где борьба с религиозным мировоззрением оказалась делом большой трудности. Необходимо было согласовать национальные особенности с интернациональным содержанием школьного обучения. Не сразу сдавались старая (конфессиональная) школа и новометодные мактабы. Кроме того, основное внимание Советского правительства Туркестана было отвлечено на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. На фронтах шли ожесточенные бои.

Прогрессивная часть интеллигенции Туркестана, с радостью встретившая Октябрьскую революцию, активно помогала в создании новой школы. Одним из таких энтузиастов был заслуженный учитель Узбекской ССР Акил Шарафутдинов¹², организовавший в Тойтюбе первую советскую начальную школу, в которой обучалось 70 учеников. В 1919—1920 гг. А. Шарафутдинов обучал узбекских детей в школах Ташкента. Он систематически углублял свои знания и мастерство, был одним из первых постоянных посетителей и участников курсов, семинаров и лекций для учителей. Большую помощь ему оказывал руководитель семинара опытный педагог В. Ф. Лубенцов. Впоследствии А. Шарафутдинов стал автором нескольких учебников и букварей.

Неустанно трудились с первых же дней революции над организацией и укреплением советской школы, творчески

¹⁰ «Вестник просвещения и коммунистической культуры», 1920, № 1, стр. 4.

¹¹ «Наука и просвещение», 1922, № 2, стр. 40.

¹² С. Раджабов, К истории советской школы в Узбекистане, стр. 29.

разрабатывали вопросы учебной и методической работы в школе писатель Хамза, академик АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов, Т. Шермухамедов, Т. Садыков, К. Додамухамедов и многие другие.

Заслуженный учитель Узбекской ССР Акил
Шарафудинов.

Большое значение в организации учебно-воспитательной работы в городских и сельских школах, в оказании методической помощи учителям имели созданные после революции в Ташкенте школа им. К. Либкнехта, руководимая В. Ф. Лубенцовым, и школа им. Н. Г. Чернышевского, руководимая Н. П. Архангельским.

Школа им К. Либкнехта имела биологический уклон. В учебно-воспитательной работе она добилась первых успехов в деле связи обучения с трудом, с сельскохозяйственным производством. Соответственно постановлению Наркомпроса в этой школе проводились для учителей Ташкента и республики опытно-показательные уроки, разрабатывались методические указания. В 1919 г. Наркомпрос, опираясь на продолжительный опыт школ им. К. Либкнехта и им. Н. Г. Чернышевского, открыл в старой части Ташкента, на Бешагаче, узбекскую школу I и II ступени с интернатом при ней. Занятия здесь проводились в хорошо оборудованных кабинетах физики, математики, химии, истории; в школе были созданы музыкальный, драматический, радио и другие кружки. Все это делалось с целью привлечения учащихся к общественно полезному труду. Руководители музыкального кружка школы Ю. Раджаби и Иногам Икрамов стали впоследствии видными деятелями узбекского искусства.

Бан, буржуазные националисты оказывали ожесточенное сопротивление новой школе; они агитировали родителей не посылать детей в советскую школу, а тех детей, которые посещали ее, жестоко избивали. Шла упорная борьба между старой и советской школами. Например, в старгородской части Ташкента шла борьба между советской школой им. Фараби и старометодным мактабом, расположенным недалеко от школы, на кладбище¹³.

7 февраля 1919 г. Наркомпрос Туркеспублики издал «Положение о трудовых коммунах учащихся». В 30 его пунктах подробно были изложены задачи коммуны, права и обязанности коммунаров-учащихся. Одной из первых в Туркестане была трудовая коммуна, созданная в сентябре 1918 г. недалеко от Ташкента, в селе Никольском (ныне Луначарское). Ее организатором был известный педагог В. Ф. Лубенцов.

В 1920 г. по областям Туркестанской республики были созданы 31 школа-коммуна и 131 интернат (таблица).

Большие трудности переживала в этот период национальная школа. Для новой, советской национальной школы нужны были преподаватели, которые могли дать знание и интернациональное воспитание в духе пролетарской идеологии. Таких преподавателей было мало. В национальные школы проникали пантюркистские идеи, которые отравляли детей ядом

---

¹³ Автор приносит благодарность старшему научному сотруднику Института педагогических наук Министерства просвещения УзССР Н. П. Архангельскому, любезно предоставившему эти интересные сведения.

буржуазного национализма. Такими школами в Ташкенте были: «Восток», «Намуна», «Улугбек» и др. В этих школах насаждалась система воспитания в духе «тюркского» национализма, активными проповедниками которого были некоторые учителя-джадиды и так называемые педагоги из бывших турецких военнопленных, застрявших в Ташкенте. Кроме того, в новых трудовых школах с местным языком обучения отсутствовали методические руководства, инструкции и т. д. После восстановления связи с Россией Наркомпрос Туркестанской республики стал на путь слепого подражания Наркомпросу РСФСР, что для работы с местными школами было недостаточно.

Т а б л и ц а *

Область	Школа-коммуна		Интернат		Количество учащихся
	русская	национальная	русский	национальный	
Сырдарьинская	14	5	23	19	7113
Ферганская	3	2	10	9	2271
Самаркандская	3	1	6	7	2337
Семиреченская	—	—	17	1	1857
Закаспийская	2	1	14	25	5221
Всего	22	9	70	61	18799

* „Известия ТуркЦИКа“, 28 сентября 1919 г.

Гражданская война и хозяйственная разруха создавали крайне неблагоприятные условия для развития национальной школы, как и вообще всего школьного строительства в Туркестане. Так, например, в сообщении из Самарканда говорилось, что большинство школьных помещений нуждается в ремонте, плохо обстоит дело со школьной мебелью и учебными пособиями, ученики сидят по 10 человек на одной парте, нет ни бумаги, ни карандашей, ни учебников, ни программ, ни книг для чтения¹⁴.

В 1919 г. VIII съезд Советов ТАСССР поставил перед работниками просвещения задачу уделить «особое внимание строительству национальных школ». В Ташкенте к осени 1918 г. было создано 13 школ, где преподавание велось на узбекском языке, в том числе 4 школы для девушек-узбечек¹⁵.

¹⁴ «Вестник просвещения и коммунистической культуры», 1921, № 5—6, стр. 21.

¹⁵ К. Е. Житов, Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 60.

В начале 1920 г. в старгородской части Ташкента были предоставлены здания для 55 школ первой ступени с числом учащихся до 9000 человек¹⁶. Несмотря на все трудности, сеть советской школы в Туркестане расширялась с каждым годом. Рост школьной сети в Туркестане с 1917 по 1921 г. характеризуется следующими данными: к 1 января 1917 г. — 567 школ, в 1918 г. — 992, в 1919 г. — 1897, в 1920—21 гг. — 2022 школы¹⁷.

Большие трудности встретились при создании профессиональных школ. После победы Октябрьской революции профессионально-технические школы были переданы в распоряжение Народного комиссариата просвещения. С весны 1918 г. вплоть до начала октября 1919 г. вся работа по техническому образованию была возложена на общий отдел Наркомпроса. 11 октября 1919 г. был организован отдел технических и специальных школ, много сделавший для улучшения общего положения профобразования в Туркеспублике¹⁸. Чтобы поднять отсталую экономику края, нужно было подготовить многочисленные кадры технических работников. В конце 1920 г. при Наркомпросе был создан Комитет профессионального образования (Туркпрофобр.). В целях расширения сети профессионально-технических школ предполагалось создать сеть сельскохозяйственных и технических школ.

Увеличение числа общеобразовательных школ в Туркестане повлекло за собой большой спрос на учительские кадры. Подготовка учительских кадров в крае проходила разными путями: создавалась широкая сеть краткосрочных подготовительных курсов и курсов по переподготовке учителей в целях углубления и расширения знаний старого учительства; были открыты институты просвещения, педагогические училища и техникумы; многие будущие учителя обучались в высших учебных заведениях центральной России. В Ташкенте, Самарканде, Верном, Фергане были созданы курсы и учебные заведения по подготовке учителей для национальных школ.

При Комиссариате народного просвещения Туркестанской республики с 15 июля 1920 г. были организованы 6-недельные педагогические курсы для подготовки учителей. Работали курсы в летние и зимние каникулы, во время которых учителя проводили практические занятия по русскому и родному языкам, химии и физике, дошкольному воспитанию, слушали также краткий курс политэкономии, историю, культуры, ме-

¹⁶ «Известия ТуркЦИКа», 24 апреля 1920 г.

¹⁷ П. И. Сербов и А. Д. Никифоров, Народное образование в Узбекистане, Самарканд-Ташкент, 1927, стр. 34.

¹⁸ «Наука и просвещение», 1922, № 2, стр. 61.

тодику преподавания математики в новой школе и т. д. К концу 1920 г. на курсах обучалось более 1600 человек, из них 650 узбеков, 600 казахов, 150 узбечек, 150 туркмен, 50 таджиков¹⁹.

Создание краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке учителей имело очень большое значение. Они обеспечили нужды первых русских и особенно национальных школ в учительских кадрах. Однако знания, полученные на курсах, были недостаточными для преподавания в единой трудовой школе. Для удовлетворения потребностей двухступенной единой трудовой школы были созданы педагогические учебные заведения повышенного типа — институты народного просвещения (инпросы). В инпросах обучение длилось шесть лет: два — на подготовительном отделении, четыре, — на основном. Кроме инпросов, для подготовки учителей открывались педагогические училища и техникумы. В 1920 г. был создан Кокандский областной педтехникум. При техникуме были организованы лаборатории и кабинеты по математике, естествознанию, химии, языку и литературе, физике. Девушки обучались также в мастерских кройки и шитья. В 1920/21 учебном году в педагогических учебных заведениях (кроме курсов) обучалось 1745 человек, в большинстве лица местных национальностей.

За первые четыре года Советской власти, с 1917 по 1920 г., в Туркеспублике было открыто 2022 начальные школы, в которых обучалось 167875 учащихся²⁰. Это было достигнуто благодаря правильной национальной политике партии и братской помощи великого русского народа.

В период иностранной военной интервенции и гражданской войны школьное строительство в Советском Туркестане встретило много трудностей. Советская власть должна была строить новую, советскую школу, в корне отличную от старой школы по классовому содержанию и методам преподавания. Несмотря на огромные лишения, военно-политические и хозяйственные трудности, отсутствие кадров — Советское государство, осуществляя свою культурно-воспитательную функцию, развернуло большую работу по преобразованию школьного дела и перестройке школ в Туркестане в соответствии с интересами социалистического строительства и духовными потребностями трудящихся. Важнейшим итогом школьного строительства в этот период было осуществление бесплатного обучения и обеспечение возможности образования на родном языке.

---

¹⁹ Г. Х. Хайдаров, Очерки истории народного образования в Туркестанской АССР (1917—1924 гг.), стр. 141.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-25, д. 1416, л. 111—132.

Ю. ПУЛАТОВ, А. МИРХАЛИКОВ

К ИСТОРИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(из оружейных коллекций Музея)

Огнестрельное оружие впервые в Средней Азии стало применяться в армии Тимура и тимуридов (XIV—XV вв.).

Приход к власти Тимура ознаменовался большими переменами в области военного дела. Тимуру приходилось осаждать многие города. Естественно, что он не мог не обратить внимания на огнестрельное оружие, о котором до него должны были дойти слухи. Сведения о применении огнестрельного оружия тимуридскими войсками впервые встречаются в малоизученной хронике XV в. Натанзи, повествующей об осаде Тимуром Хорезма в 1379 г. Здесь сообщается следующее: «После долгих приготовлений начали воздвигать манджанки и аррода и устанавливать и прилаживать раъд и карабурга»¹.

Из этого сообщения характерен приведенный термин раъд, что по-арабски означает «гром». До этого времени к оружию такой термин не применялся. Появление его можно объяснить лишь впечатлением, произведенным именно огнестрельным оружием. При тимуридах раъд применялся во время похода Шахруха в 1446 г. против царевича Султана Мухаммеда. Историк Мирхонд рассказывает: «Однажды его величество (Шахрух) отправился верхом на осмотр комонираъда, который был изготовлен Фарруком-литейщиком (рехтагар) и который выбрасывал камень весом в 400 менов. Происходило это в местности Базигохи»².

Раъд также применялся во второй половине XV в., главным образом во время правления султана Хусейна (1470—1506 гг.). Вышеприведенные сообщения не оставляют сомнения в том, что раъд или комони-раъд были огнестрельными орудиями, снарядами для которых служили каменные

---

¹ А. М. Беленицкий, О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XV вв., «Известия таджикского филиала АН СССР», 1949, № 15.

² А. М. Беленицкий, указ. соч.

ядра. Хотя орудия применялись главным образом при осадах крепостей, они предназначались также и для поражения живой силы противника.

В XVI в., как рассказывает Бабур, р а ъ д применялся при походе султана Хусейна против владельца Хисара (нынешний Таджикистан). Бабур описывает осаду этой крепости таким образом: «Ни днем, ни ночью не приостанавливались подкопные работы, метание (удары) камней и действия казанов»³.

Первые сообщения о технике изготовления орудий мы находим у Бабура. В 1526—1527 гг. приказ об изготовлении большого казана был отдан мастеру Али-Кули. Сам Бабур присутствовал во время его отливки. Вот что он пишет: «Когда печи и все необходимые приспособления были готовы, он (Али-Кули) послал за мной. В понедельник 15 мухаррема мы отправились для наблюдения за ходом отливки. Вокруг форм (калыб) казана было сложено восемь печей, в которых находился расплавленный металл. От каждого из горнов к форме казана были отведены каналы. Когда мы прибыли, он открыл выходные отверстия. Расплавленный металл, точно вода, устремился по всем каналам к форме. Через некоторое время, до того как вся форма оказалась заполненной, металл перестал течь по каналам. Не то в горнах, не то в самом металле оказался какой-то изъян. Мастер Али-Кули настолько был этим расстроен, что готов был броситься в форму с расплавленной медью. Однако я его успокоил и пожаловал ему халат, чтобы он забыл неудачу. После этого мы отправились назад. Через несколько дней после того, как форма остыла, ее открыли. Мастер Али-Кули с большой радостью прислал сказать, что ствол (таш уй) получился без изъяна, а изготовить камеру для пороха (дорухона) будет легко. После этого извлекли (из формы) ствол и назначили людей для его отделки. Сам же Али-Кули занялся отливкой камеры для пороха. Когда камера была полностью готова, то был сделан пробный выстрел, причем камень пролетел 1600 шагов»⁴.

Благодаря этому рассказу Бабура мы с достаточной определенностью можем говорить о конструкции казана, основной особенностью которого являлось наличие отдельной от ствола камеры для порохового заряда. Не совсем лишь ясно, являлась ли эта камера вставной или прикладной. Само название орудия «котел» говорит о том, что оно

---

³ А. М. Беленицкий, указ. соч.; казан — название артиллерийского оружия.

⁴ А. М. Беленицкий, указ. соч., стр. 27.

являлось орудием типа мортиры, видимо, аналогичной тем европейским орудиям, которые назывались бомбардами. Эти казаны в большинстве случаев применялись при осаде крепостей и давали в день от 8 до 16 выстрелов.

Помимо казанов, в войске Бабура применялись и другие виды огнестрельного оружия. К ним относятся туфан и туфанг, туп, зарбзан и фиринги, а также раъд. Стрелки из туфангов и раъд в бою находились в первом ряду. Главными помощниками Бабура в производстве огнестрельного оружия были мастера Али-Кули-хорезмиец и Мустафа. Основным артиллерийским орудием во второй половине XVI в. оставался казан. Доставка орудия на место боя была делом очень трудным, поэтому их изготовляли на месте, у осаждаемой крепости. Подробно об этом пишет в книге «Абдулла-намэ» Хафиза Тониши.

Во время осады в 1585 г. Абдуллаханом г. Герата было изготовлено 7 котлов, местом их отливки был выбран двор знаменитого медресе Гаухар-шад, находящегося в непосредственной близости к крепости. Котлы перевозились посредством цепей, следовательно, орудие еще не имело колесного лафета. В качестве снаряда служили каменные ядра. Котлы устанавливались в наиболее ответственных пунктах линии осады — против цитадели, башен, ворот, причем, помимо непосредственно обслуживающего орудие расчета, назначались восначальники для его охраны.

Из других видов огнестрельного оружия при осаде употреблялся зарбзан, стрелявший каменными ядрами. Он был меньшим по величине, чем казан, и более скорострельным оружием.

Во второй половине XVI в. в войсках среднеазиатских правителей наибольшее применение находит орудие под названием туп, которое наравне с замбуряком стало в последующие века основным видом артиллерийского оружия.

В Средней Азии в XVI в. производились все виды огнестрельного оружия. Здесь жили такие знаменитые литейщики, как Усто Рухи, Мир (или Миран) тупбаши, Мир Касым-рехтагар, Ходжа Курбан и другие.

В XVIII—XIX вв. в Кокандском и Бухарском ханствах оружейное дело достигло весьма высокого уровня. В 1795 г. чиновник горного ведомства России Т. С. Бурнашев, посетивший Бухару, писал, что «бухарцы сами льют из меди пушки и из чугунной ломы пушечные ядра. Из выплавляемого же ими свинца делают ружейные пули. Свинцовые руды находятся близ Бухары, которые плавят они в небольших горнах без всякого искусства и с большой потерей металла, а также

производят и литье... снарядов. Они сами делают и порох, но слабее российского»⁵.

По преданию, первую пушку в Ташкенте отлили в 1780 г. из отобранной у населения медной посуды. В дальнейшем ташкентцы отливали пушки из меди, ввезенной из России⁶. Бухарский эмир Насрулла (1827—1860 гг.) в борьбе с феодальной раздробленностью и в стремлении расширить границы своего государства уделял большое внимание укреплению своего войска. В его правление в Бухаре из пленных русских и персиян был составлен батальон сарбазов в 800 человек, остальные (немногим более 250 человек) были выделены в артиллерию (тупчи).

Батальон сарбазов был первым регулярным войском в Средней Азии, вооруженным огнестрельным оружием и живущим постоянно в казармах. Сарбазы и тупчи служили бессрочно. В мирное время они жили со своими семьями в слободке в отведенных им домах и занимались ремеслом и торговлей.

По сведениям русских пленных, в армии эмира Насруллы насчитывалось 50 орудий разного калибра, годных к употреблению и снабженных всем необходимым для похода; 32 из них находились в самой Бухаре, 10— в Ура-тюбе и др.⁷.

В Бухаре все работы по изготовлению орудий выполнялись вольнонаемными мастерами. Особых мастерских для литья пушек и артиллерийских снарядов не было. Литейные работы производились самаркандскими мастерами, которые славились своим искусством обработки металлических изделий. Государственных пороховых заводов не было, а имелось много частных пороховых мельниц в г. Карши и других местах. Основным материалом для литья пушек была медь. В верховьях реки Зеравшан, в горах Нурата, к северо-востоку от Бухары добывалась медная руда; свинец преимущественно привозился из Гузара.

В годы первых походов в Среднюю Азию царские войска были вооружены очень старыми пушками, некоторые из них были изготовлены еще в эпоху наполеоновских войн. В отдельных случаях среднеазиатские орудия были по дальности выше, чем пушки царской армии. При последовавших затем неоднократных перевооружениях орудия эти оставались в небольших гарнизонах для крепостной служ-

⁵ История Узбекской ССР, т. I, кн. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Сборник статей по истории и философии народов Средней Азии, Труды АН Тадж. ССР, т. XVII, 1953, стр. 215.

бы. Сохранились и такие орудия, которые и отлиты на русских заводах, но, будучи захвачены узбеками, подвергались некоторым переделкам. Пушки имеют соответствующие надчеканки.

При завоевании Туркестана царские войска захватили военные трофеи, в том числе и орудия. Например, при взятии Ташкента в 1865 г. было захвачено 48 медных и 15 чугунных орудий, 2000 пудов пороха и др.⁸ Большая часть среднеазиатских орудий после присоединения к России была перелита для разных целей, например на колокола для соборов и церквей⁹.

После создания Туркестанского музея (1876 г.) часть среднеазиатских орудий была передана Музею как исторические вещественные реликвии, а после Октябрьской революции все уцелевшие пушки были переданы в ведение Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства. В 20-е годы около двадцати пушек хранились во дворе Белого дома (ныне здание во дворе Совета Министров УзССР), где помещался главный Среднеазиатский музей. К сожалению, часть пушек была изъята из Музея во время кампаний по сбору лома цветных металлов в 1926—1933 гг.¹⁰ Некоторые экспонаты были размещены по областным музеям.

В настоящее время в Музее истории Узбекской ССР хранятся 4 медные пушки: две у входа в Музей и две — в залах экспозиции феодального периода.

Пушка № 1, бухарская (рис. 1), находится слева у входа, литая, медная, фитильная, орнаментированная. Головная часть имеет изображение дракона с открытой пастью. Из пасти выходит дуло пушки. Длина пушки 230 см, диаметр ствола 20 см, вес пушки 1762 кг. Имя мастера и место литья неизвестны. На конечной части пушки на персидском языке написано шестистрочное стихотворение:

امير لشکر رستم توان همت دنخيت
بعهد خوش چنين توپ اثردها پیکير
چگونه توپ بهه گوشه اش هزار شکوه
دهد بعرضه عالم صدای ذتع ظفر

⁸ А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1911, стр. 47.

⁹ Там же, стр. 315.

¹⁰ Архив Музея истории АН УзССР, папка 196; л. 5; ЦГА УзССР ф. Р-394, оп. 1, д. 229, л. 9.

هزار جوف بیاجوج طنیستان امتان
نمود صورت این توب سد اسکندر

1128 хиджры (1713 г.)

(„По велению могущественного, как Рустам, отлита для своего назначения эта пушка с драконовой головой. Эта пушка в каждом месте земли вызывает тысячи разрушений. Эта пушка миру дает звук славной победы. Подобно этой пушке стена Македонского наводила тысячи страхов на яджужев, которые владели сверхестественной силой талисмана“).

Рис. 1. Надпись на бухарской пушке.

Пушка № 2, кокандская (рис. 2), находится справа у входа, фитильная, орнаментирована, имеет мушку, лита из красной меди в Коканде от имени кокандского хана Малляхана в 1276 г. хиджры (1861 г.). Длина ствола равна 280 см, внутренний диаметр ствола — 18 см. Вес пушки — 1385 кг.

Пушка имеет надпись на персидском языке: توب حاصد کلان

سید محمد مله خان بهادر 1276 хиджры (1857 г.) („Это специальная большая пушка Саида Мухаммеда Боходур Малляхана“).

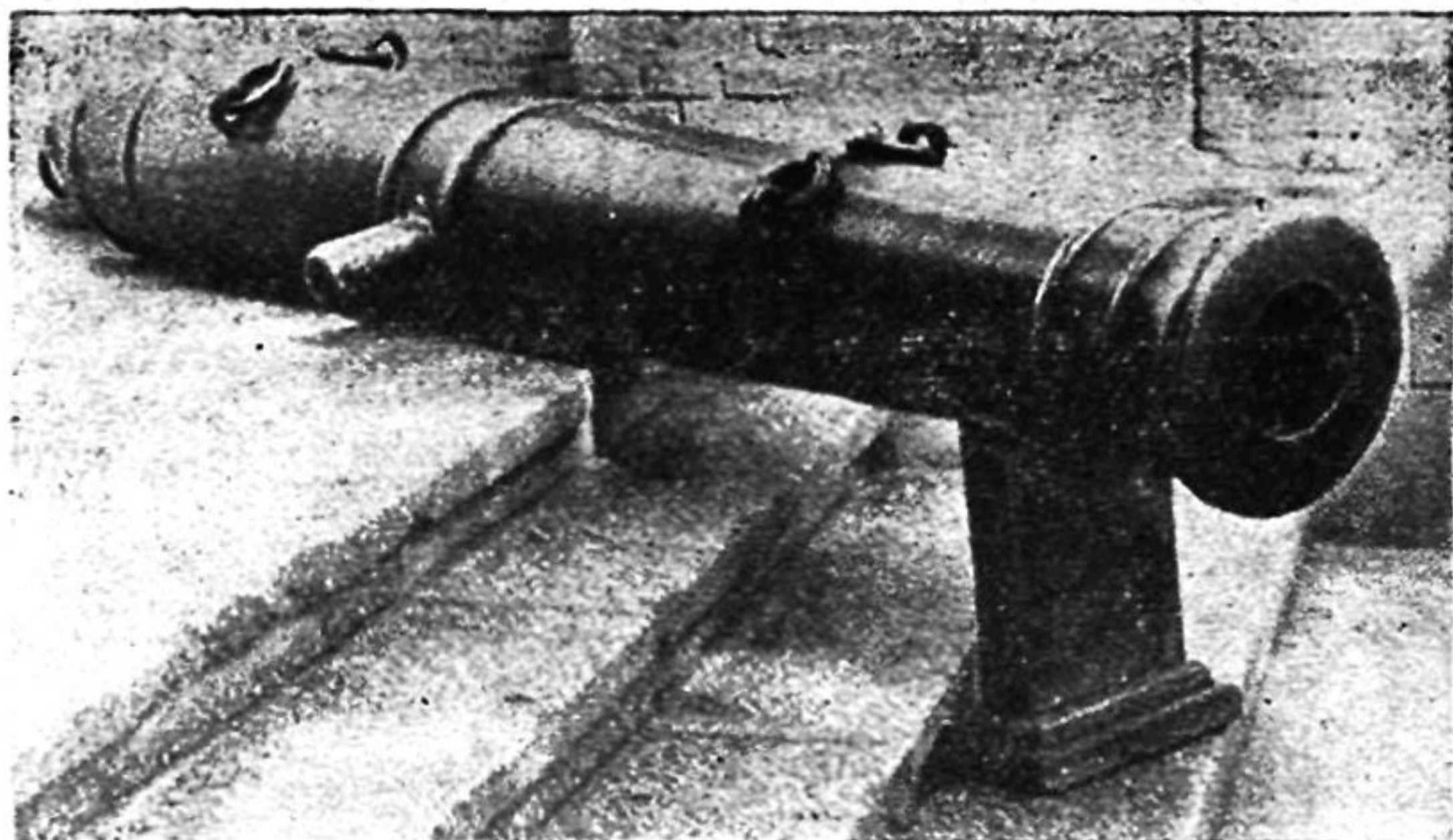

Рис. 2. Кокандская пушка.

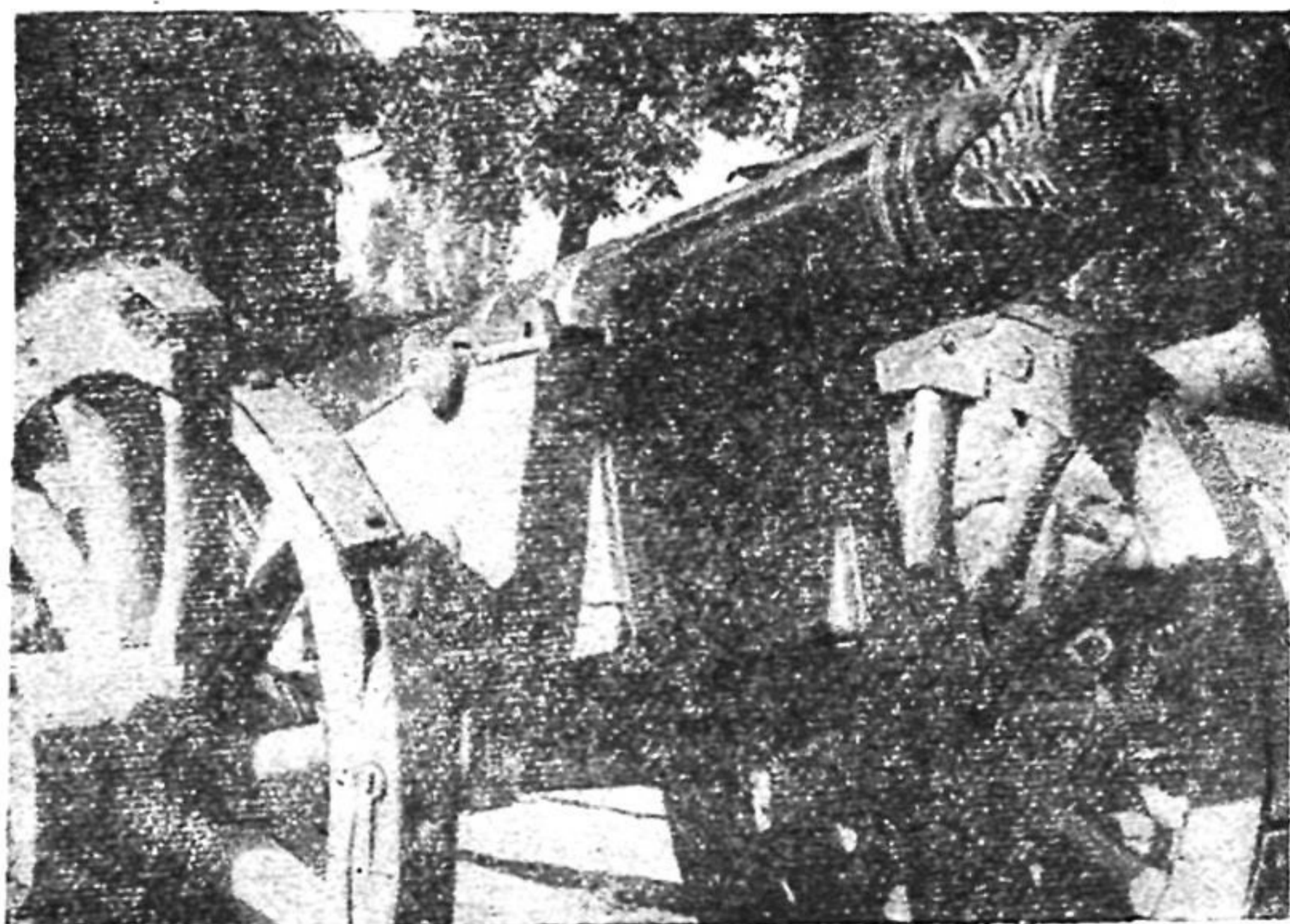

Рис. 3. Бухарская пушка на лафете

Ниже этой надписи следует другая, но меньшего размера, где указывается имя мастера عمل استا پرنظر („Работа мастера Пирназара“).

Пушка № 3, кокандская (рис. 3), находится в экспозиции феодального периода; с клиновым затвором, отлита из меди, дальнобойная. Имеет надпись на персидском языке:

دور امدار صاحب سيد محمد حديار خان بهادر

(„Время помощи господина Саид Мухаммед Худояр-хана Боходура“). Все эти пушки перевозились на лафетах.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МЕТАЛЛУРГИИ В ДОЛИНЕ АНГРЕНА (IX—X вв.)

Для характеристики экономической жизни районов Средней Азии минувших эпох большой интерес представляет изучение материалов, относящихся к металлургическому ремеслу (добыча руды и обработка металлов). В этой связи нами были изучены некоторые материалы, полученные при раскопках городища Имлак¹. Памятник расположен в предгорьях Кара-Мазарских гор, на левом берегу р. Ангрэн, примерно в 70 км к юго-востоку от Ташкента. Он представляет собой руины древнего Тункета², столицы средневековой области Илак. Эта область, включавшая долину Ангрена и часть Кара-Мазарских гор, известна в средневековье как один из рудопромышленных районов Мавераннахра. Горы Кара-Мазар с древнейших времен являлись местом добычи полезных ископаемых, особенно цветных металлов, среди которых следует отметить добычу серебра и меди. Разработка полезных ископаемых здесь была интенсивно развита, в частности, в эпоху саманидов, когда область называлась даже вторым Панджширом³, а река Илака носила название Дарьё-и-Ахангеран, т. е. река мастеров рудных дел⁴.

При геологоразведочных работах новейшего времени, особенно в 20—30 гг., было выявлено более десяти тысяч рудников, шлаковых отвалов и мест плавки руды⁵. Плавка и

---

¹ Раскопки проводились в 1959—1960 гг. отрядом Музея истории АН УзССР под руководством проф. М. Е. Массона. Подробный отчет с описанием и датировкой материала хранится в архиве Музея.

² Отождествление и первичное изучение памятника проведено проф. М. Е. Массоном (Ахангеран, Историко-топографический очерк, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954).

³ М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 24.

⁴ Там же.

⁵ М. Е. Массон, Ахангеран, стр. 124. Некоторые материалы даны в работе В. Вебера «Полезные ископаемые Туркестана», СПб., 1913, но наиболее полная сводка собрана Б. Н. Наследовым (Б. Н. Наследов, Кара-Мазар, Л., 1935).

литье металла производились и на городище Имлак. При геолого-археологических рекогносцировках отмечалось наличие металлических шлаков в шахристане и в восточном рабаде, среди которых особо следует отметить последние, где, по данным Б. Н. Наследова, в двух холмах отвалов содержится 4 тыс. м³ шлаков⁶.

При изучении городища были проведены небольшие раскопки в местах шлаковых отвалов. В северо-восточной части шахристана при зачистке холма у шлаковой россыпи были расчищены уровни полов смытых помещений с керамическим комплексом верхнего слоя, относящимся к VII—VIII вв. н. э.⁷ Таким образом, в пору расцвета города, в IX—X вв., это место находилось в запустении. Правда, связывать этот комплекс с помещениями ремесленников-металлургов пока преждевременно, так как ничего, кроме шлаков вокруг и незначительных остатков горелой земли (остатки печи?), не обнаружено.

Совершенно иную картину дал район шлаковых отвалов на северо-восточной окраине рабада. В 1960 г. на бóльшем из двух шлаковых холмов был заложен шурф 2 × 0,8 м, опущенный на глубину 2,8 м до материка. Выяснилось, что шлаки начали нарастать на небольшом лессовом холмике, причем в немногочисленной керамике нижнего слоя встречены фрагменты с голубоватой расплывчатой росписью по светлому фону, характерные для конца VIII — начала IX в.⁸

Выше сохранились остатки разрушенной плавильной (?) печи, засыпанной обожженной землей и металлическими шлаками (рис. 1). Стенки ее из обожженной глины, толщиной 2 см, конически расширяясь, поднимались на высоту 23 см. Ее перекрывает тонкая натечно-надувная прослойка, над которой расположен верхний отвал шлаков большой мощности.

В обоих слоях встречены обломки толстостенной неполивной керамики и несколько фрагментов тонкостенных сосудов с черно-коричневым орнаментом по белому фону под бесцветной поливой. Аналогичная керамика из других раскопов памятника датируется саманидскими монетами середины X в.

Таким образом, на городище выявлены россыпи шлаков в шахристане и мощные шлаковые отвалы в рабаде. Вероятно, первоначально плавка металла шла в шахристане.

⁶ Б. Н. Наследов, указ. соч., стр. 216.

⁷ Раскопки проводились археологом С. Б. Луниной.

⁸ А. И. Сухарев, Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 15; Б. Я. Ставиский, Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956—1957 гг., «Советская археология», 1960, № 4, стр. 114.

Но дальнейший рост столицы области Илака, в которой сидел «сильный дикан», и особенно расцвет города при саманидах приводят к тому, что мастерские металлургов были вынесены за пределы шахристана и обосновались на свободной площади на окраине восточного рабада. Расположенные вдоль одного из протоков канала, они функционировали довольно интенсивно, в пользу чего говорит большая мощность шлаковых отвалов. Из выплавлявшихся металлов и сплавов, вероятно, на месте изготовлялись готовые изделия — орудия труда и украшения.

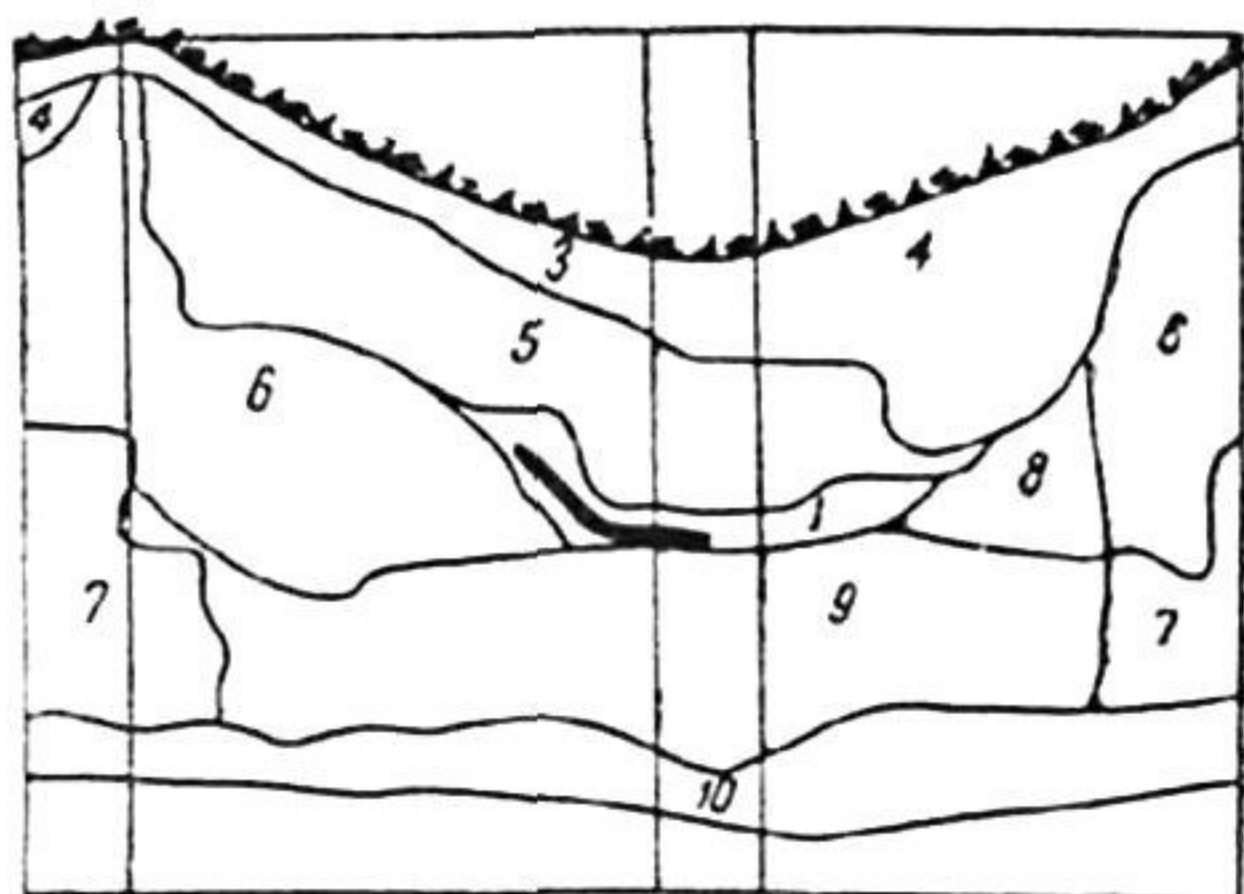

Рис. 1. Развертка шурфа в шлаковом отвале.

1—обгоревшая земля; 2—следы печи; 3—разрушенный слой с включением шлака; 4—завал шлаков с включением лесса; 5—рыхлый натечно-надувной лессовый слой; 6—платный оплыв; 7—пахса; 8—платный лесс; 9—завал шлаков; 10—лесс материка.

Большое количество добывавшегося в горах Илака серебра⁹ шло на чеканку монеты. Известно, что в Тункете в эпоху саманидов располагался монетный двор, к эмиссии которого, по мнению М. Е. Массона, следует отнести всю многочисленную продукцию, называемую чеканом Шаша¹⁰.

В описаниях древних авторов Илак, часто объединялся с Шашем и выступал в составе последнего под общим именем Шаш. Поэтому, возможно, часть ремесленной продукции (в том числе и металлических изделий), приписанных Шашу, следует считать продукцией, чеканившейся в Илаке. Из железа делались многочисленные скобы, гвозди. Найдена пара

⁹ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги Абу Л. Касыма ибн Хаукаля. Труды САГУ, Археология Средней Азии, вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 24.

¹⁰ М. Е. Массон, Ахангеран..., стр. 77—78:

железных ножниц, гвоздодеров, наконечник стрелы, вероятно, также местного выпуска. Интересна находка в раскопе шахристана литой бронзовой бляшки.

Кроме того, во время раскопок в слое X в. найдены некоторые орудия труда металлургов. В первую очередь следует отметить фрагменты тиглей из огнеупорной глины с каплями меди внутри.

Сохранилась часть небольшого сосудика, вероятно, льячки, с толстым отогнутым наружу венчиком, слабо оформленным туловом и округлым дном. Глина отмучена, но обжиг плохой.

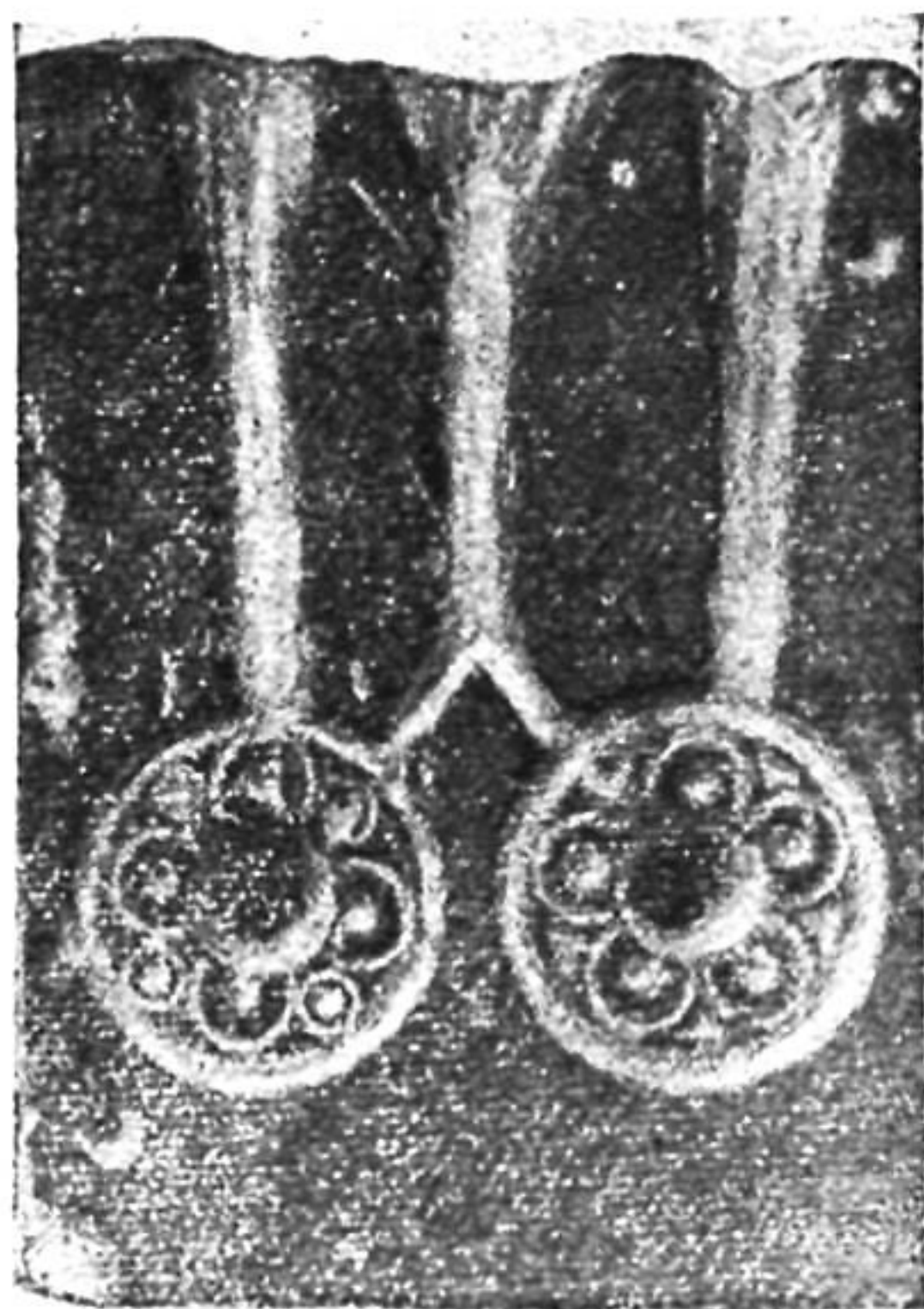

Рис. 2. Каменная форма—изложница.

Наибольший интерес представляет находка половины двустворчатой жесткой формы-изложницы для отливки парных украшений (рис. 2), найденная в раскопе шахристана, в комплексе, датирующемся монетами середины X в. Форма сделана из пластины мягкого камня размером $65 \times 51 \times 14$ мм. Первоначально мастер попытался вырезать форму на обратной стороне пластины. Была вырезана ячейка диаметром 2,6 мм с углублением, но затем, вероятно, после того, как откололся край, стала рабочей вторая сторона пластины. На ней вырезаны ячейки для отливки пары ажурных бляшек-подвесок. Левая ячейка диаметром 20 мм несет врезанный орнамент в виде 4-лепестковой розетки, между листьями ко-

торой расположены глубокие кружки с точками. Диаметр правой ячейки 22 мм, орнамент — 5-лепестковая розетка с треугольными углублениями. В центрах ячеек — сквозные отверстия, конически суженные наружу. К ячейкам подводили три канала: средний заканчивался двумя рукавами, подводившими к ячейкам, устье его расширено; кроме того, к каждой ячейке сверху подходило еще по одному каналу.

Литником служил средний канал с расширенным устьем, удобным для наливания металла. Крайние каналы являлись контрольно-вентиляционными колодцами. Длина литника вдвое больше диаметра бляшек, подводящие же рукава сильно сужены¹¹.

Форма была двустворчатой. На диагонально противоположных углах пластины расположены отверстия для направляющих штифтов второй створки. Наличие отверстий говорит за то, что требовалось точное совмещение двух половинок, что совсем необязательно при односторонней форме.

Небольшая глубина ячеек придавала отлитым украшениям некоторую ажурность, а углубления и точки в лепестках и кружках создавали подобие инкрустации. Отверстия в центре ячеек были просверлены, вероятно, для получения соответствующих отверстий в украшении. Перед литьем они забивались «шишками» из глины, выбивавшимися после отливки украшения.

Украшения отливались, по-видимому, из серебра и бронзы, в пользу чего говорит анализ найденных на городище медных шлаков и данные письменных источников о размерах добычи серебра.

XI—X вв. были периодом интенсивной добычи руды в долине Ангрена. Соответственно росло и изготовление орудий литейного дела. Наряду с ковкой в это время широко распространяется отливка, изготовление недорогих украшений, рассчитанных на массовое потребление. В это время широко используются двустворчатые жесткие формы, отливка в которых могла производиться многократно, и изделие получалось более четким, чем в одноразовой или открытой форме.

---

¹¹ Известны формы, длина литника которых превышает диаметр отливаемой поделки в три-четыре раза, причем некоторые исследователи считают, что это делалось для увеличения гидростатического давления струи (см. И. В. Дайга, К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии до XIII в., «Советская археология», 1960, № 3, стр. 90).

Изготовление в таких формах украшений из бронзы, серебра, оловянно-свинцовых сплавов было широко распространено в предмонгольское время и на Востоке, и на Руси, и на Севере¹².

Гигантские отвалы шлаков, орудия труда позволяют утверждать, что Тункет IX—X вв. был крупным ремесленным центром с широко развитой металлургией.

---

¹² И. В. Дайга, указ. соч., стр. 90; Корзухина Г. Ф., Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания, «Советская археология», вып. XIV, 1950, стр. 224.

К. А. ШАХУРИН

ЕЩЕ РАЗ О ПОГРЕБЕНИИ ТИМУРА

В начале XX столетия Археологической комиссией был издан альбом «Мечети Самарканда», в предисловии к которому сказано, что мавзолей Гур-Эмир являлся мечетью и лишь с перенесением в него тела шейха Мир-Сеида-Береке из Андхоя становится усыпальницей. Это утверждение стало предметом полемики о первоначальном месте захоронения Тимура.

В 1904 г. на заседании Русского Археологического Общества Н. И. Веселовский высказал мнение, что Тимура похоронили не в Гур-Эмире, а в другой усыпальнице, где уже был погребен его любимый внук Мухаммед-Султан, скончавшийся в 1403 г. Усыпальница эта, по утверждению Н. И. Веселовского, находилась к востоку от Гур-Эмира¹.

В. Л. Вяткин в «Библиографической заметке» опроверг высказывание Н. И. Веселовского о постройке Гур-Эмира как мечети и, ссылаясь на историка XIV в. Шарафуддина-Али Йезди и дневник испанского посла ко двору Тимура Р. Г. Клавихо, пришел к мнению, что Гур-Эмир был построен Тимуром как усыпальница для Мухаммед-Султана. После смерти Тимура, последовавшей в феврале 1405 г. тело его, писал Вяткин, было привезено в Самарканд и погребено около Мухаммед-Султана в «ханаке при медресе названного царевича». Местом первоначального погребения Тимура являлось здание мавзолея Ак-Сарай, расположенное в 30—40 шагах от Гур-Эмира².

В. В. Бартольд в статье «О погребении Тимура», комментируя переводы из сочинений Ибн-Арабшаха, Шарафуддина-Али Йезди и Клавихо, пришел к выводу, что тела

---

¹ Н. И. Веселовский, Записки Восточного отдела Русского Археологического Общества, т. XIV, СПб., 1906.

² В. Л. Вяткин, Гур-Эмир (Библиографическая заметка), Вырезка из справочной книжки Самаркандской области на 1906 год, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 297.

Мавзолей, вскрытый в 1957 г.

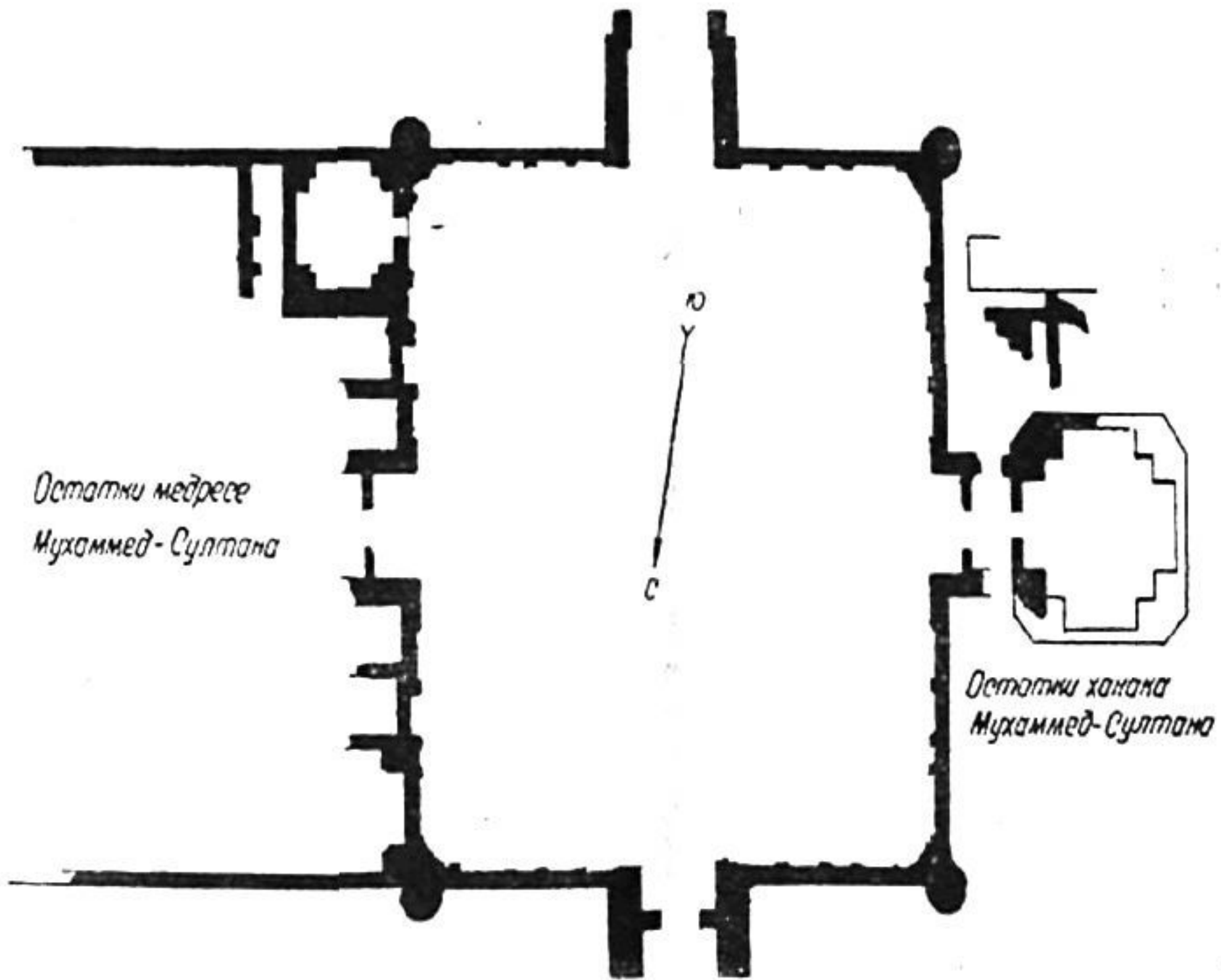

Рис. 1 План вскрытого в 1957 г. мавзолея

Мухаммед-Султана и Тимура были первоначально погребены в медресе или в ханаке Мухаммед-Султана³.

М. Е. Массон в брошюре «Мавзолей Гур-Эмир» писал, что Тимура похоронили в склепе при медресе Мухаммед-Султана, где уже покоился прах этого царевича⁴, а несколько ранее считал местом первоначального захоронения Тимура мавзолей Ак-Сарай⁵.

Все вышеперечисленные исследователи, ссылаясь на сочинения средневековых историков и на дневник Клавихо, определяли первоначальное место захоронения Мухаммед-Султана, и Тимура либо в медресе, либо в ханаке Мухаммед-Султана, считая, что медресе и ханака являлись обособленными зданиями, которые не были объединены в единый архитектурный ансамбль, либо в ином каком-то здании (например, в мавзолее Ак-Сарай).

Я. Г. Гулямов, основываясь на археологических раскопках 1943 г. и на переводе книги Мухаммеда-Бадибин Мухаммеда-Шарифа, историка XVII в., говорит уже об архитектурном ансамбле, состоящем из медресе и ханаки Мухаммед-Султана, объединенных двориком. В то же время Я. Г. Гулямов, касаясь места первоначального погребения Тимура и Мухаммед-Султана, добавляет, что они могли быть похоронены и в медресе и в ханаке⁶.

Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель считают, что ханака Мухаммед-Султана, вероятно, состояла из нескольких худжр и центрального купольного здания, в котором были помещены тела Мухаммед-Султана и Тимура⁷.

Таким образом, в археологической литературе настоящего времени нет единого мнения о первоначальном месте погребения Тимура и Мухаммед-Султана.

В 1957 г. автором настоящего сообщения проводились археологические раскопки к югу от Гур-Эмира, связанные с благоустройством последнего. На расстоянии 5,8 м к югу от

---

³ В. В. Бартольд, О погребении Тимура, Записки Восточного отдела Русского Археологического Общества, т. XXIII, Петроград, 1915.

⁴ М. Е. Массон, Мавзолей Гур-Эмир (Среднеазиатский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы), вып. II, Ташкент, 1926.

⁵ М. Е. Массон, Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами, «Известия Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926, стр. 110.

⁶ Я. Г. Гулямов, К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии, в сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948.

⁷ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 120.

мавзолея были обнаружены остатки крестообразного в плане здания (мавзолея или склепа) (рис. 1), ось которого совпадает с осью Гур-Эмира и дворика Мухаммед-Султана (см. схематический план ансамбля на рис. 2).

В это помещение ведут два лестничных прохода шириной 1,12 м. Начало обоих проходов находится к северу от обнаруженного мавзолея-склепа, причем один, начало которого отмечено еще при археологических раскопках архитектором Б. Н. Засыпкиным в 1949 г.⁸, вел в северную, а второй, коленчатый, — в западную нишу помещения.

На стенах прохода, ведущего в северную нишу, сохранились остатки облицовки из шлифованного кирпича размером от 24,5 до 25,5 см, при толщине кирпича от 4,5 до 4,8 см. Шлифованные кирпичи были прихвачены к черновой кладке ганчевым раствором. Горизонтальные швы толщиной от 1,5 до 1,8 см были также расшиты ганчевым раствором.

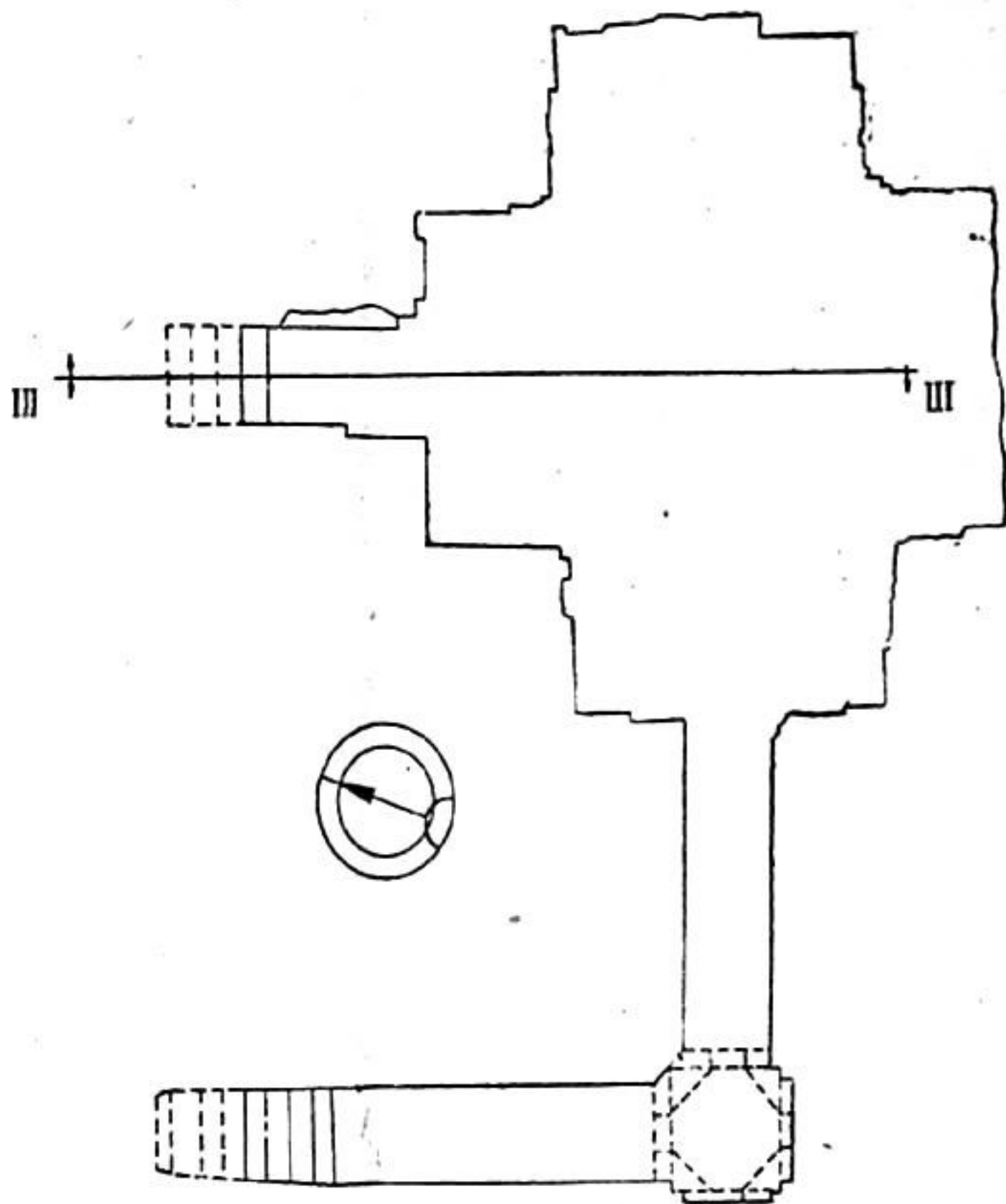
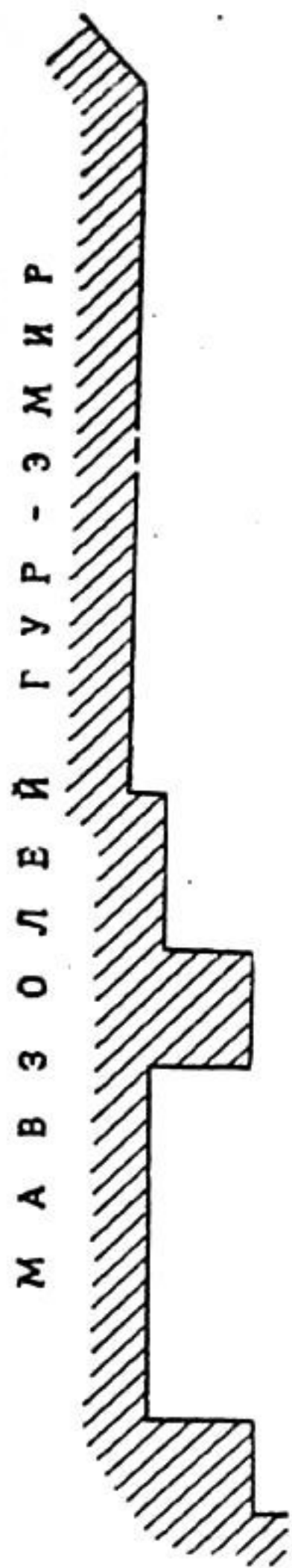
Перед нишей имелась горизонтальная площадка, вымощенная жженым кирпичом размером 25×25×5 см. К горизонтальной площадке спуск осуществлялся четырьмя ступенями из поставленного на ребро жженого квадратного кирпича. Верхняя ступень прохода находилась на уровне дневной поверхности времени постройки Гур-Эмира (рис. 3).

Начало прохода, ведущего в западную нишу, находилось на 7,6 м западнее предыдущего. Проход перекрыт сводом и имеет направление на юг, поворачивая через 6,6 м на восток, и через 4,3 м заканчивается в западной нише вскрытого помещения. Поворот прохода осуществлен посредством небольшого (1,12×1,12 м) квадратного в плане помещения, перекрытого куполом на парусах. Стены прохода и его свод сложены из жженого кирпича на ганчевом растворе. Размер кирпича от 24,5 до 25,5 см в стороне, толщина от 4,5 до 5 см. Верхняя ступень находилась на том же уровне, что и в вышеописанном проходе. Ступени сделаны из жженого квадратного кирпича, поставленного на ребро. Восьмая ступень находится на расстоянии 4,3 м от помещения, посредством которого осуществлен поворот прохода, ниже первой ступени на 2 м отсутствует выстилка пола.

В интерьере вскрытого помещения встречены также остатки облицовки из шлифованного кирпича. На щипцовой стене северной ниши, к западу от прохода, сохранилась облицовка в виде части арки. Под облицовкой находится

---

⁸ Б. Н. Засыпкин, Научный отчет по исследованию и реставрации ансамбля Гур-Эмир в 1942 г., Архив Главного управления по охране памятников и музеев при Министерстве культуры УзССР, рукопись, инв. № 543, стр. 35.

План на отметке - 2.00

Рис. 2. Схематический план архитектурного ансамбля, построенного 1404 г.

черновая кладка из жженных кирпичей на кыровом растворе, западающая за плоскость облицовки на 10—15 см.

Остатки выстилки пола в обнаруженном помещении не найдены, но можно предположить, что пол находился на уровне горизонтальной площадки прохода, ведущего в северную нишу, так как на этом уровне был большой завал шлифованных кирпичей.

Под верхними слоями (толщиной около 1,5 м), заполненными рыхлой землей с различными бытовыми отходами XIX—XX вв., выбирался полутораметровый слой, состоящий из рыхлой земли с большим количеством целых и развалившихся жженных кирпичей, кусков ганча, кыра и фрагментами бытовой керамики XVI—XVII вв. Последний, метровый слой, лежащий на желтоватом лёссе, был заполнен целыми кусками жженого и шлифованного кирпича, фрагментами блоков из шлифованного кирпича от стен и перекрытия, кашинными лентами голубого цвета, кусками ганча и фрагментами бытовой керамики XIV—XVI вв. Во втором и третьем слоях были встречены профилированные блоки из серого известняка, видимого от панели. Не доходя 30 см до материка, который находится на 4 м ниже существующей дневной поверхности, обнаружена медная монета 772 г. хиджры (1369—1370 гг.).

Что же представляло собой вскрытое помещение? Когда и кем оно было построено?

Помещение к югу от Гур-Эмира названо мавзолеем-склепом по следующим причинам. Сохранившиеся остатки стен возвышаются над уровнем дневной поверхности времени постройки Гур-Эмира, которая находится на одной отметке с выстилкой дворика и двора медресе Мухаммед-Султана на 70—80 см. Пол в вскрытом помещении ниже дневной поверхности постройки Гур-Эмира на 140—150 см.

Если предположить, что вскрытое в 1957 г. помещение является остатком склепа, на что указывают заглубленность пола и ведущие вниз ступени лестниц, то становится непонятным, почему остатки сводов в нишах возвышаются над дневной поверхностью времени строительства обнаруженного мавзолея.

Если предположить, что помещение было мавзолеем, то почему его пол так сильно заглублен по отношению к дневной поверхности времени сооружения Гур-Эмира и почему не встречены наружные плоскости стен.

Объединяя оба предположения, можно высказать следующую гипотезу: остатки обнаруженного сооружения представляли собой полунадземное, полуподземное здание, т. е.

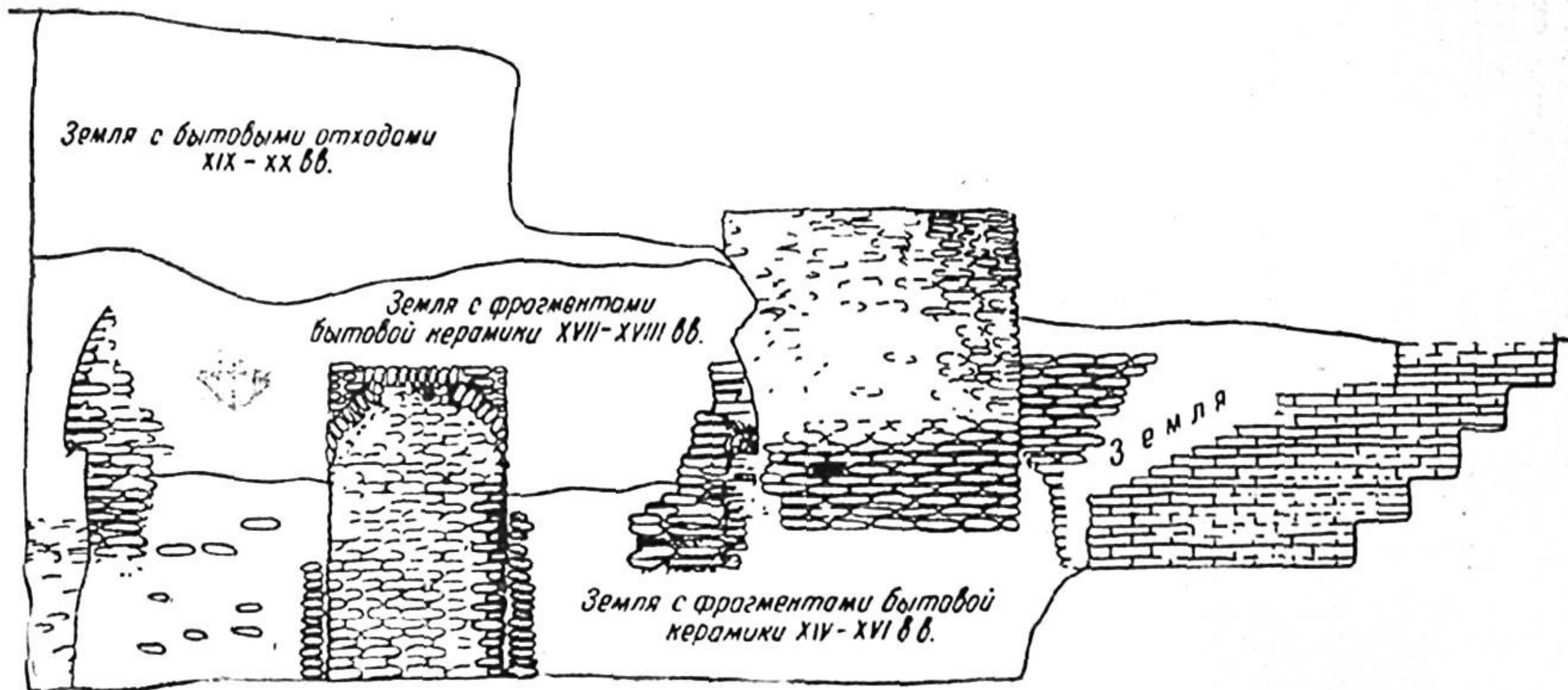

Рис. 3. План вскрытого в 1957 г. мавзолея. Разрез.

это был мавзолей с полуподземным склепом. О правильности такого предположения могут свидетельствовать остатки мавзолея Биби-Ханым в Самарканде, раскопки которого и архитектурный анализ позволили архитектору И. Е. Плетневу⁹ и археологу С. Н. Юреневу¹⁰ установить, что в мавзолее был полуподземный склеп.

Историки XV в. в своих сочинениях пишут, что Мухаммед-Султан был похоронен в одном из помещений ханаки или медресе, причем, когда Шарафуддин-Али Йезди описывает усыпальницу Мухаммед-Султана, около которой первоначально был погребен Тимур, то называет ее «куполом гробницы»¹¹. Ибн-Арабшах пишет, что «Тимура похоронили в медресе Мухаммед-Султана, около строителя медресе, в склепе»¹².

Археологические раскопки, произведенные в 1950 г. археологом В. А. Левиной¹³ и в 1951 г. археологом Н. Б. Немцевой¹⁴, показали, что в юго-восточном и северо-восточном помещениях медресе Мухаммед-Султана, при наличии захоронений XV и более поздних веков, склепа не обнаружено. Небольшие вскрытия на территории ханаки Мухаммед-Султана также позволяют говорить, что в раскопанном юго-западном помещении ханаки Мухаммед-Султана склепа не было. В нераскопанном юго-западном и северо-западном помещениях медресе Мухаммед-Султана и в северо-восточном, северо-западном и юго-восточном угловых помещениях ханаки Мухаммед-Султана (если они были) по аналогии с раскопанными можно предположить, что склепа также не было.

Следовательно, Ибн-Арабшах и Шарафуддин-Али Йезди, говоря о склепе, как о месте первоначального погребения

---

⁹ И. Е. Плетнев, Отчет об архитектурных исследованиях мавзолея Биби-ханым в Самарканде в 1957 г., Архив Главного управления по охране памятников и музеев при Министерстве культуры УзССР, рукопись, инв. № 866.

¹⁰ С. Н. Юренев, Отчет об археологических раскопках мавзолея Биби-ханым в Самарканде в 1957 г., Архив Главного управления по охране памятников и музеев при Министерстве культуры УзССР, рукопись, инв. № 1017.

¹¹ В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 22.

¹² Там же.

¹³ В. А. Левина, Отчет об археологических раскопках в г. Самарканде в 1950 г., Архив Главного управления по охране памятников и музеев при Министерстве культуры УзССР, рукопись, инв. № 616.

¹⁴ Н. Б. Немцева, Отчет об археологических раскопках в г. Самарканде в 1951 г., Архив Главного управления по охране памятников и музеев при Министерстве культуры УзССР, рукопись, инв. № 720.

Мухаммед-Султана и Тимура, могли описывать склеп в помещении, раскопанном в 1957 г.

Как уже упоминалось выше, крестообразное в плане помещение, вскрытое к югу от мавзолея Гур-Эмир, находится на оси ансамбля и всего на расстоянии 30 м от южного айвана дворика.

В 1949 г. Б. Н. Засыпкин в своем отчете об исследовании и реставрации ансамбля Гур-Эмир говорит, что существовал дворик с четырьмя минаретами и входным порталом, к которому с востока вплотную примыкало здание медресе, а с запада — ханака Мухаммед-Султана. С южной стороны к южному айвану дворика пристроили мавзолей Гур-Эмир¹⁵. Последующие археологические раскопки археологов В. А. Левинной и Н. В. Немцевой уточнили подробности постройки ансамбля, т. е., что стены дворика сложены в перевязку со стенами медресе, а стены ханаки без перевязки, следовательно, ханака построена раньше, чем медресе.

По свидетельству источников, Мухаммед-Султан умер «в понедельник 18 шабана 805 года (12 марта 1403 г.)»¹⁶. Следовательно, архитектурный ансамбль, состоящий из ханаки, медресе и дворика, был построен до 1403 г. Однако о времени завершения постройки всего ансамбля историки XV в. ничего не говорят.

Если предположить, что Мухаммед-Султан захотел по примеру своего деда построить для себя мавзолей, то место для этого сооружения он должен был бы выбрать около двух построек, т. е. включить мавзолей в уже построенный архитектурный ансамбль. Аналогией такому решению мог служить архитектурный ансамбль Дорус-Сиадат, построенный Тимуром в городе Шахрисябзе¹⁷.

Испанский посол ко двору Тимура Клавихо в своем дневнике описывает медресе Мухаммед-Султана и строящийся для него мавзолей следующим образом: «Когда внук царя умер в Турции, царь прислал тело в Самарканд, чтобы похоронить, и приказал сказать городскому управлению (разрядка наша. — К. Ш.), чтобы построили эту мечеть и гробницу». Но, добавляет он дальше, Тимур «остался недоволен часовней, потому что, говорил он, она была слишком низка; он приказал разломать ее и в 10

¹⁵ Б. Н. Засыпкин, указ. соч., стр. 22.

¹⁶ В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 14.

¹⁷ Г. А. Пугаченкова, К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиадат. Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, вып. 1, [М.], 1950, стр. 69.

дней построить вновь»¹⁸. Это высказывание Клавихо вызвало недоумение и даже недоверие многих исследователей, но в настоящее время, в связи с раскопками 1957 г., можно предположить, что остатки помещения, вскрытого нами в том же году, и являлись той «часовней», о перестройке которой пишет Клавихо. Было ли оно построено городским управлением или же, что более вероятно, построено самим Мухаммед-Султаном, датой его возведения надо считать последнее десятилетие XIV в. или первое десятилетие XV в.

За правильность такого предположения говорит крестообразный план самого помещения, появившийся на территории Средней Азии в конце XIV в., т. е. во время правления Тимура. Такие склепы мы видим в Шахрисябзе (склеп самого Тимура и склеп в мавзолее Джехангира так называемом Хазрети-Имам), склепы мавзолеев Гур-Эмир и Биби-Ханым в Самарканде. Склепы под мавзолеями более раннего периода представляли из себя прямоугольные в плане помещения, перекрытые сводом.

Фрагменты облицовки от перекрытия вскрытого помещения позволяют утверждать, что это был очень отлогий кирпичный шатровый свод, т. е. перекрытие было такое же, как в склепе Гур-Эмира, но с более богатой отделкой, так как между шлифованными кирпичами были вставки из голубых кашиновых лент, а архивольты арок были выполнены из фигурных кирпичиков.

Арки маленького квадратного помещения в коленчатом коридоре по своей форме относятся также к XIV—началу XV в.

Если предположить, что вскрытое помещение было построено после возведения мавзолея Гур-Эмир, то тогда возникает вопрос, кто и для чего его строил. Обратимся к истории.

Тимур приехал в Самарканд в июле—августе 1404 г.¹⁹ и по его приказанию начали возводить мавзолей для Мухаммед-Султана. Шарафуддин Йезди пишет: «Согласно приказанию, перед фасадом площади, смежно с южной суфой, возвели купол, подобный небу..., приготовили склеп для погребения»²⁰.

Сам Тимур умер в феврале 1405 г., после него до 13 мая 1409 г. правил Халил-Султан, во время правления которого вряд ли могло быть построено вскрытое в 1957 г. помеще-

¹⁸ Клавихо Рюи Гонзалес Де, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг.*, пер. Н. Н. Срезневского, СПб., 1881, стр. 314—315.

¹⁹ В. В. Бартольд, *указ. соч.*, стр. 13.

²⁰ Там же, стр. 16.

ние, так как Халил-Султан был занят разгоревшейся борьбой за престолонаследие и не мог заниматься строительством.

С 1409 г. правителем Самарканда становится Улугбек. Видимо, в это время по приказанию Шахруха из Андхоя тело шейха Сеида-Береке было перенесено и погребено в мавзолее Гур-Эмир, после чего у него в ногах был похоронен Тимур, а рядом с Тимуром — Мухаммед-Султан. Погребение Тимура и Мухаммед-Султана послужило началом превращения Гур-Эмира в фамильную усыпальницу тимуридов, и Улугбеку, таким образом, не было никакой необходимости в постройке небольшого мавзолея при наличии большой фамильной усыпальницы.

Постройку вскрытого помещения также нельзя датировать временем после Улугбека, так как самаркандский Ак-Сарай (вторая половина XV в.) имеет уже совершенно иные конструкции и другой декор. Следовательно, вскрытое в 1957 г. помещение можно датировать концом XIV в., так как историческая обстановка более позднего времени (первой половины XV в.) говорит о невозможности постройки мавзолея в это время.

Остатки мавзолея и были местом первоначального погребения Тимура и Мухаммед-Султана.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

НАДПИСИ НА ГЛАЗУРОВАННЫХ СОСУДАХ ТУНКЕТА

Среди художественной глазурованной средневековой керамики особый интерес представляет группа сосудов с эпиграфическим орнаментом. Коллекции керамики подобного типа хранятся во многих музеях нашей страны. Часть этого материала уже введена в научный обиход в порядке упоминания или детальной расшифровки специалистами палеографами¹.

Во всех опубликованных работах указывалось как на одну из основных причин малой изученности образцов письменности на сосудах полное отсутствие публикации керамики с надписями, хранящейся в различных музеях Советского Союза². Кроме того, большинство из описанных материалов, и в частности знаменитые коллекции из Афрасиаба, украшающие музеи Ленинграда, Киева и Самарканда, являлось плодами коллекционерства и поэтому не имело ни точной паспортизации, ни, самое главное, точной датировки. Определение их во времени исследователи вынуждены делать по почерку надписей на сосудах, что может привести к некото-

¹ Упоминания о находках керамики с надписями см. П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870, стр. IV—V; В. В. Крестовский, Самаркандские раскопки 1883 г., «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, №36; Н. И. Веселовский. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1885 г., ЗРАО, т. 2, СПб., 1887, стр. С; В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1926, стр. 44; А. И. Тереножкин, Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 105—107 и рис. 12; А. Н. Бернштам, Чуйская долина, МИА, вып. 14, М.-Л., 1950, табл. XXXIII и XXXV; Он же, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, вып. 26, М.-Л., 1952, стр. 162—164. Специальные исследования см. В. А. Крачковская, Эволюция куфического письма в Средней Азии, Э. В. Ш, М.-Л., 1949, стр. 3—27; О. Г. Большаков, Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв., Э. В., вып. XII, М.-Л., 1958, стр. 23—38.

² О. Г. Большаков, указ. соч., стр. 23.

рым неточностям, так как надписи на сосудах являются особой областью эпиграфики. Поэтому публикация, хотя бы первичная, точно датированных сосудов с надписями нам кажется совершенно необходимой.

Целью данного сообщения является описание небольшой группы керамики этого типа из Ташкентской области, довольно точно датированной стратиграфически и сопровождающими монетами. Получена она при работах археологического отряда Музея истории АН УзССР в 1959 г. на городище Имлав, отождествленном с Тункетом, столицей средневековой области Имлак. Памятник расположен на левом берегу реки Ангрэн, примерно в 12 км к В—С-В от гор. Алмалыка.

В шахристане и цитадели было заложено три разведочных раскопа, из которых наибольший интерес представляет стратиграфический раскоп № 1 в северо-восточной башне шахристана. В верхнем слое на башне были вскрыты остатки трех последовательно выросших жилых комплексов. От верхнего, почти полностью слитого комплекса, сохранилась лишь часть стены из мелкоформатного кирпича-сырца, фрагменты поливной и безглазурной керамики и стертая медная монета-фельс Нуха-бин Насра (943—947 гг. н. э.). Ниже вскрыты остатки части жилого дома (в раскоп попали четыре комнаты) с глинобитными стенами, с двумя уровнями полов, на которых найдены предметы труда и быта из металла, камня, стекла, керамики. У входа в комнату № 1 была найдена копилка с медной монетой внутри, оказавшейся также фельсом Нуха-бин Насра. Несколько монет этого же времени было найдено на обоих полах и в хозяйственной яме. Ниже, под завалом, расчищены остатки жилого дома предшествующего времени (расчищены неполностью три комнаты с двумя полуподвалами), стены которого сложены из пахсы. На полах дома найдены керамические и стеклянные изделия, а также медная монета, прочесть которую не удалось. Характер построек всех трех комплексов позволяет определить время их жизни небольшим промежутком в пределах одного столетия. Поскольку монеты, найденные на полах дома среднего комплекса, датированы серединой X в., мы считаем возможным границу его определить с начала X в. до конца X—нач. XI в., тем более, что в перекрывающем его помещении также найдена монета середины X в.

Интересующая нас керамика была найдена в двух нижних комнатах, причем сосуды (Рис. 1, 2, 14) найдены в хозяйственных полуподвалах.

Все описываемые сосуды сделаны на гончарном круге из хорошо отмученной и вымешанной глины, на что указывает

красно-коричневый в изломе черепок. В смысле форм можно выделить блюда-лаганы, мелкие сосуды типа тарелки, миски-каса с высокими коническими стенками. Однако в данном сообщении мы будем придерживаться группировки сосудов не по формам, а по характеру нанесенных надписей.

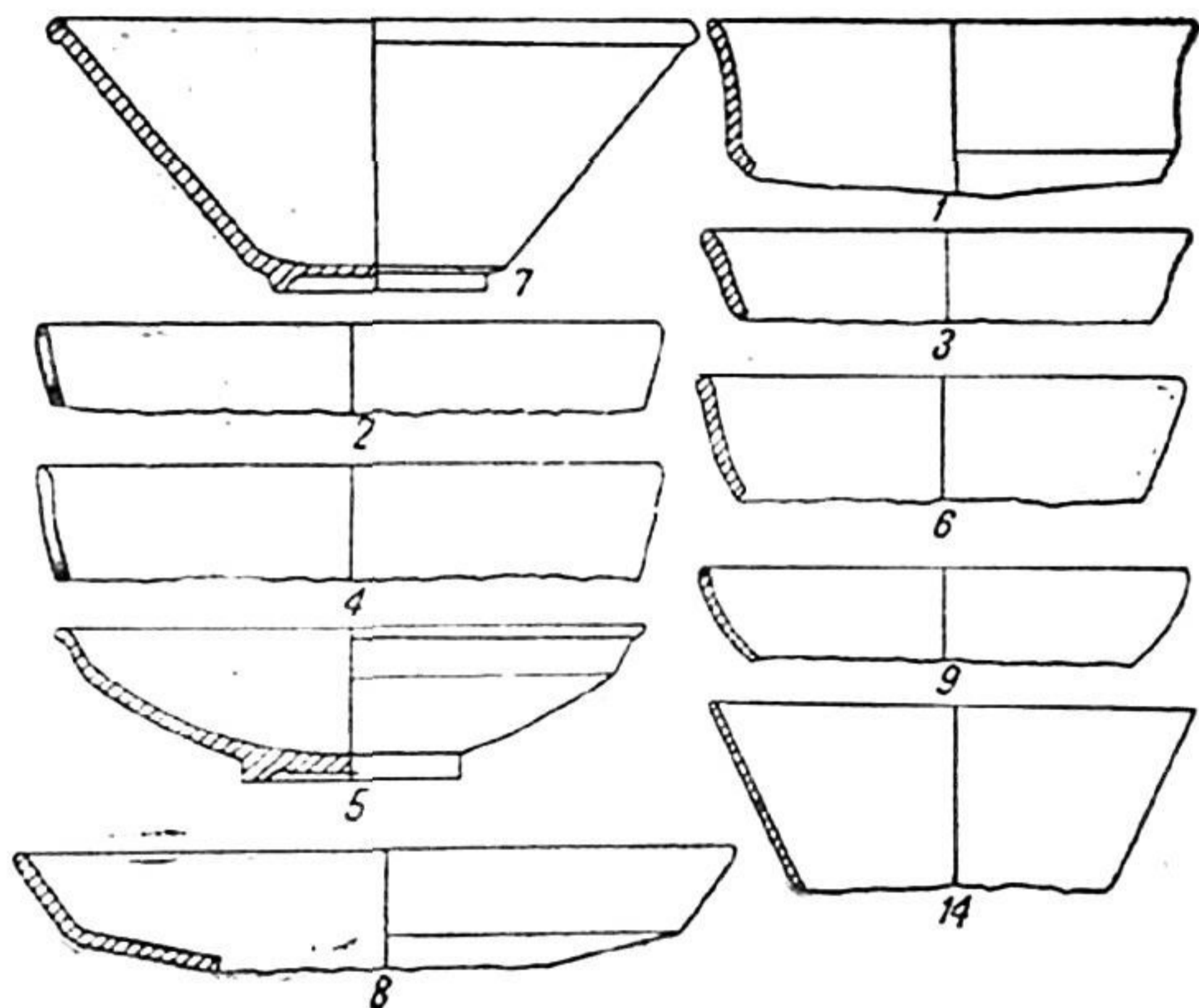

Рис. 1. Формы сосудов с надписями.

Наиболее многочисленную группу (фрагменты 6 предметов) представляют сосуды с надписями пожелания благополучия. Эта группа интересна тем, что в ней представлены надписи от простого куфи до стилизованной арабески, в которой теряется смысл написанного. Надпись почерком куфи нанесена пояском внутри глубокой миски с двусторонней белой глазурью. Расположена она вдоль венчика по полоске красноватого фона и представляет собой непрерывное повторение слова *ал-йумн* (рис. 2). Рельефные буквы нанесены черно-коричневой краской и для отчетливости выделены тонкой белой линией резерва. Начертание их очень простое, но все же квадратность письма утеряна. *Алиф* и *лам* имеют прямые стволы, разделенные между собой тонкой белой линией; *йа* изображена в виде короткой прямой линии без диакретических точек; *мин* встречается в двух начертаниях —

в виде полного кружка, несколько заостренного сверху, и в виде запятой с большей головкой, кончик которой соединен со следующей буквой; *нун* имеет характерный для надписей на керамике поворот хвостика вверх³, причем последний поднимается до уровня вершин *алифа* и *лама*.

Рис. 2. Образцы надписей на сосудах.

Написание первых букв сближается с уже отмеченной в литературе орнаментальной надписью, которую О. Г. Большаков, однако, относит к XI—XII вв.⁴, а также орнаментами поливной керамики X в., описанными В. А. Крачковской⁵. Затем изменение надписи идет по двум направлениям — выпадают отдельные буквы, начертание их все больше стилизуется. Первые моменты мы видим на двух фрагментах. На венчике сосуда по белому ангобу под бесцветной глазурью черно-коричневой краской нанесен поясok из повторений

³ В. А. Крачковская, указ. соч., стр. 10.

⁴ О. Г. Большаков, указ. соч., стр. 14, рис. 12.

⁵ В. А. Крачковская, указ. соч., стр. 14, рис. 12.

ай-йумн (рис. 1, 2). Стволы *алифа* и *лама* поставлены в виде прямых линий, слегка утолщающихся вверх, вершины не сохранились, конец *алифа* отогнут под прямым углом и заканчивается прямой поперечной полоской. Конец *лама*, переходящий в *йа*, утолщаясь вверх, накрыт горизонтальной линией. *Мим* исчезает, а ствол *нуна*, плавно изгибаясь, тянется вверх.

К описанному пояску близко написание *ал-йумн* на венчике блюда, покрытого бело-зеленоватой поливой (рис. 2, 3). Вершины *алифа* и *лама* расширяются вверх, *мим* отсутствует, *нун* с изгибом поднимается вверх. Дальнейшую схематизацию представляет надпись, оставленная резервом по венчику блюда, покрытого белым ангобом; фоном надписи служил специально проведенный красно-коричневый с зеленой полоской в середине пояс, ограниченный с обеих сторон черно-коричневыми линиями (рис. 2, 4).

Буквы не соединены друг с другом. Стволы *алифа* и *лама* изображены в виде восклицательного знака, округлым пятном отмечается, вероятно, *йа*, *нун* крючкообразно загнут вверх.

Надписи на остальных сосудах этой группы очень стилизованы, даже при наличии всех букв в слове они уже представляют собою скорее орнамент, чем надпись. Так, венчик блюда с двухсторонним белым ангобом под бесцветной глазурью украшен поясом надписи резервом по светло-розовому фону, пересеченному посередине зеленой полосой (рис. 2, 6). Линии букв очень тонкие, вершины *алифа*, *лама* и *нуна* оформлены в виде отростка; *йа* — вертикальная палочка, *мим* небрежно изображен в виде завитка, несомкнутого внизу иливерху.

При наличии всех букв надпись настолько стилизована, что воспринимается как чисто орнаментальный мотив. То же можно сказать о надписи на глубокой тарелке поливы фисташкового цвета. В растительный орнамент включены четыре сердечка. В центре каждого идет надпись из двойного повторения слова *ал-йумн*. *Алиф* и *лам* — две палочки, ствол *йа* вдвое меньше их, *мим* открыт сверху, *нун* представляет собою зеркально перевернутое S (рис. 2, 5).

Еще больше доведена до предела стилизация букв на глубокой миске типа Норин-тавок (рис. 2, 7). Сосуд высотой 12,5 см имеет конически расширенные стенки (диаметр устья 30 см) и плоское дно с кольцевым поддоном (диаметр 10 см.). С обеих сторон он покрыт белой поливой, которая хорошо оттеняется пояском орнамента вдоль венчика внутри и маленьким изображением «узла счастья» в центре дна.

Орнаментальный пояс красно-коричневого цвета с зеленой полоской посередине окаймлен с обеих сторон коричневыми полосками с белыми штрихами. Надпись *ал-йуми* в центре пояса оставлена резервом, *алиф* и *ла* превратились в тонкие параллельные линии, за ним идет точка, изображающая *йа* или *мим*. *Нун*, как и в предыдущей надписи, представляет собою зеркально перевернутое S. Здесь уже можно больше предполагать, чем читать слово, превратившееся в поясок рисунка. Ниже идут горизонтально пять полосок, разделенных между собой свободным полем. Они также состоят из повторения двух палочек, точки и зигзага, другими словами, здесь для рисунка использованы стилизованные буквы благопожелания. В целом перед нами уже просто разноцветный рисунок полос, точек и завитков, компонентом которого являются утратившие свое первоначальное назначение буквы.

Схематизация эта явилась, вероятно, продуктом работы неграмотных мастеров, трансформировавших текст в рисунок. Вторая группа надписей, сделанных цветущим куфи, представлена фрагментом открытого блюда с двухсторонним белым ангобом под бесцветной поливой. Внутри по полю нанесено несколько поясов орнамента коричневой и красной краской. Венчик оформлен бордюром из полукапель, ниже — менандровый поясок, под ним надпись, затем полоса витых линий красного цвета, а по донцу — коричневый растительный орнамент. Надпись нанесена коричневой краской по широкому полю белого фона. Буквы имеют стройное очертание, соединены между собой тонкими тянутыми линиями. Окончание слова расцвечивается разветвленной пальметкой (рис. 2. 8). В фрагментарно сохранившемся тексте О. Г. Большаковым прочитано слово «ал-илм ва» — «знание и...». Вслед за ним идет слово из двух букв без артикля. Красочная пальметка говорит о том, что слово закончено. Сохранилась часть артикля следующего слова. *Айн* выполнено в характерной для куфической надписи на керамике манере в виде прямого зубца с отростком влево⁶. Ствол *ла* имеет дугообразный изгиб вправо⁷, *мим* написан в виде кружочка, *вав* имеет круглую головку и треугольное окончание хвостика. В целом написание слова сближается с одной из непрочитанных надписей на сосуде из Афраснаба X—XI вв.

⁶ См. написание букв простого куфи на керамике (О. Г. Большаков, указ. соч., стр. 25, рис. 1, 11).

⁷ Двойные дугообразные выступы на стволах *алифа* и *ла* на сосуде XI в. из Афраснаба приведены Крачковской (указ. соч., стр. 15 и рис. 14).

Образцом надписи третьей группы может служить фрагмент глубокой чаши с двухсторонней белой поливой (рис. 2, 14). Внутри по полю нанесены четыре слова. Из них прочитаны два, сохранившиеся полностью: «аблагу» — «самый красноречивый» и «ва кала» — «и сказал». Буквы написаны округло, соединены между собой прямыми линиями. Всюду проставлены диакретические знаки. Вершины стволов вытянуты в виде концов полумесяца. *Алиф* и *лам* имеют тянутые формы, конец *алифа* отогнут вправо и заканчивается запятой, даже если он соединен с предыдущей буквой, как в слове «кала». Ствол его имеет некоторый уклон влево, а вершина заканчивается еще большим наклоном, утолщением и полулунными остриями. Ствол *лама* поднимается вертикально, но его вершина тоже отогнута влево. Начертание этих букв очень близко к *масмале* рукописи сочинения ас-Сирафи (983 г. н. э.)⁸. Подобные начертания В. А. Крачковская приводит как характерные для X в.⁹ *Гайн* напоминает зеркально перевернутое S с утолщенной вершиной. Буквы *вав* и *каф* имеют большую головку с полулунным острием. Точки *кафа* расположены одна над другой. При наличии черт куфического почерка мы видим здесь округлые очертания букв, мягкие завитки окончания. Надпись эту можно квалифицировать как один из видов куфи, приспособленный для керамических надписей — полукурсивный почерк.

К последней группе относятся фрагменты букв с орнаментом, прототипом которого послужили буквы, потерявшие, однако, свою форму (рис. 2, 9, 11). Один из них можно предполагать произошедшим от слова *ал-йумн* (рис. 2, 9), прообразы остальных видов определить трудно.

Интересный образец, прототипом которого служил *ай-йумн*, представлен на рис. 2, (12, 13). *Алиф* и *лам* покрыты черточками вверху и внизу, и *нун* в виде твердого знака оказался в квадрате из черточек. Орнамент нанесен в два ряда коричневой и черной красками. Совершенно аналогичную роспись сосудов А. Н. Бернштам отмечает для городищ Тянь-Шаня¹⁰, испытавших большое влияние Мавераннахра. Там этот вид росписи вместе с буквенной орнаментацией, близкой к нашей второй группе, распространяется в карахандское время, когда в Шаш Илаке более характерным ста-

⁸ О. Г. Большаков, указ. соч., стр. 37, табл. VI, Д.

⁹ Образец приведен в указ. соч. Крачковской (табл. III б).

¹⁰ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, вып. 26, М.-Л., 1952, стр. 163, рис. 71.

новится подглазурный процарапанный орнамент с темно-зеленой поливой и растеками зеленых пятен по бледно-зеленому и почти мутно-белому фону¹¹, что не исключает частичного употребления вышеописываемой нами керамики. В данном случае налицо явная трансформация надписи в нечитаемый орнамент.

Подведем итоги описанию. Четыре группы надписей показывают сосуществование примитивного куфи, цветущего куфи, полукурсивного керамического и даже стилизованного орнамента из совершенно нечитаемых букв. Многие сосуды, близкие к описанным по типу орнаментации, служили объектом изучения эпиграфистов. Однако ввиду отсутствия стратиграфической датировки материал датировался эпиграфическими аналогиями с некерамическими объектами. Считалось поэтому, что стилизация надписей на сосудах проходила в XI—XII вв. На основе описанного материала мы считаем, что процесс стилизации надписей на сосудах, в частности, Ташкентской области, уже завершился к концу X в., и с этого времени в росписи сосудов сосуществуют четкие благопожелания (что особенно широко распространяется на штампованной керамике XI—XII вв.) и стилизованный красочный, но не читаемый орнамент-арабеска.

Мы надеемся, что развернувшиеся в Средней Азии работы по изучению средневековых городищ позволят уточнить периодизацию этой интересной керамической группы.

---

¹¹ М. Е. Массон, Ахангеран, археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 49.

ИЗ ПРОШЛОГО МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В УЗБЕКИСТАНЕ

ТУРДЫ МИРГИЯЗОВ — АРХЕОЛОГ И КРАЕВЕД
(1896—1951 гг.)

Четверть века трудился узбекский ученый-самоучка Турды Миргиязов в Музее истории Узбекской ССР. Многие коллекции собраны его руками, многие музейные экспонаты, любовно им оформленные, надолго обрели свое место в экспозиции Музея.

Турды Миргиязов родился в 1896 г. в Ташкенте в семье скотовода. В 1908 г. он заканчивает начальную школу в гор. Токмаке, а в 1913 г. — татарскую духовную семинарию, по окончании которой учителствует в местной школе. В 1915 г. Миргиязов оставляет школу и уходит работать десятником на строительство ирригационной системы на р. Чу. Трасса строящегося канала проходила через развалины древнего города Бир-Кулак.

Миргиязов, заинтересовавшись попадавшимися ему остатками древней глиняной посуды, начинает собирать их. Собранный материал он отправляет в Ташкентский музей. С этого момента и до конца жизни Турды Миргиязов много времени уделяет собиранию и обработке материалов по истории материальной культуры народов Узбекистана.

В течение шести лет, работая десятником, Т. Миргиязов собирал находки, снимал планы встречавшихся ему памятников древней архитектуры.

С 1921 по 1925 г. он работает инструктором в отделе народного образования, педагогом, в узбекской школе в гор. Токмаке, одновременно продолжает заниматься археологией.

В 1926 г. Т. Миргиязова (уже известного в Средней Азии краеведа) приглашают на работу в Главный Среднеазиатский музей (ныне Музей истории Узбекистана). В то время в Музее работали известные ученые, исследователи Средней Азии — этнограф М. С. Андреев, антрополог Л. В. Ошанин, археолог М. Е. Массон, у которых Миргиязов многому научился.

Через год Миргиязов включается в собирательную работу Музея. В 1927 и 1929 г. он организует экспедиции по сбору

этнографического материала среди дунган. Собранный им материал представляет большой научный интерес.

В 1928 г. Миргиязов побывал в пяти экспедициях, исследовал местонахождение оссуариев в Тойтюбе, проводил работы по изучению каменного века в Кызылкумах, там же собирал этнографический материал среди казахов и др. В 1929 г. он участвует в экспедиции, организованной Главным Среднеазиатским музеем для изучения быта полукочевых узбеков Кашкадарьинского округа, в этом же году побывал в археологической экспедиции в Термезе.

В 1930 г. Турды Миргиязов собирает этнографический материал для международной выставки в Лейпциге, в Киргизии изучает древние серебряные рудники, из Туркмении привозит коллекцию ковровых изделий. В 1931 г. впервые на территории Средней Азии Миргиязов раскапывает древние рудоплавильные печи, в 1933 г. он состоит членом Термезской археологической экспедиции, а в 1934 г. — Бухарской археологической экспедиции, организованной Государственным Эрмитажем.

Такова собирательская работа Т. Миргиязова. Ему принадлежит большая заслуга в сохранении огромных музейных ценностей. В 1933 г. Т. Миргиязов назначается хранителем музейных фондов. В следующем году «за сохранение музейных ценностей и честное отношение к труду» Миргиязову присваивается звание ударника 2-го года второй пятилетки¹.

Много труда и изобретательности вложил Миргиязов в создание временных выставок Музея. Так, в 1934 г. на основании собранных им материалов по истории дореволюционного Узбекистана были составлены впервые несколько карт и диаграмм, некоторые из них до сих пор экспонируются в залах Музея. В 1940 г. Т. Миргиязов создал интересную историко-этнографическую выставку о дунганах, а в 1942 г. — большую выставку по быту и культуре народов Средней Азии конца XIX и начала XX в., на которой были показаны различные изделия ремесленного производства, ковры, вышивки и пр.

В 1944 г. Т. Миргиязов участвует в создании выставки, посвященной 20-летию УзССР. В связи с этой датой Т. Миргиязов был награжден Почетной Грамотой Верховного Совета Узбекской ССР².

Много сил и энергии вложил Т. Миргиязов в подготовку экспозиции по феодальному периоду истории Узбекистана, сохранившуюся в основном до настоящего времени.

¹ Музей истории АН УзССР, личный фонд Т. Миргиязова

² Музей истории АН УзССР, личный фонд Т. Миргиязова.

Знание быта, истории, языков, употребляющихся на территории Средней Азии, делало Т. Миргиязова ценнейшим консультантом в этих вопросах. За помощью к нему обращались историки, этнографы, археологи, художники, для которых он сам составлял национальные орнаменты. Турды Миргиязов отличался исключительной скромностью, отзывчивостью, готовностью помочь товарищам.

В настоящее время в археологическом и этнографическом отделах Музея истории хранятся собранные Т. Миргиязовым многочисленные коллекции — ценнейшие сокровища национальной культуры.

Л. М. Ушканова.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОГНОСЦИРОВКА ТУРДЫ МИРГИЯЗОВА В ПУСТЫНЕ КЫЗЫЛКУМЫ В 1928 г.

В 1928 г. научный сотрудник Главного Среднеазиатского музея Турды Миргиязов совершил экспедиционную поездку в пески Кызылкумы близ Кызыл-Орды, где им был обнаружен ряд дюнных стоянок и произведен сбор подъемного материала: кремневых орудий, фрагментов керамики и костей человека¹. Эти работы, к сожалению, остались не отраженными в «Археологической карте Казахстана»².

Дюнные стоянки расположены:

1. В песках Ит-Ульган, где были найдены: кремневая пластинка, скребок, крупный кремневый скребок, отщеп со следами ретуши (рабочий край сломан), осколки кремня, точильный камень (сильно выветрившийся) и фрагменты керамики без орнамента и с орнаментом из простых, волнистых и рубчатых линий и в виде «елочки» и ряда рубчатых линий³.

2. В песках Нор-Ульган, где были собраны кремневая проколка, скребок-проколка, скребок, два отщепа со следами ретуши, осколки кремня и фрагменты керамики как без орнамента, так и с орнаментом в виде «елочки» и близко друг от друга проведенных линий⁴.

Знание быта, истории, языков, употребляющихся на тер-

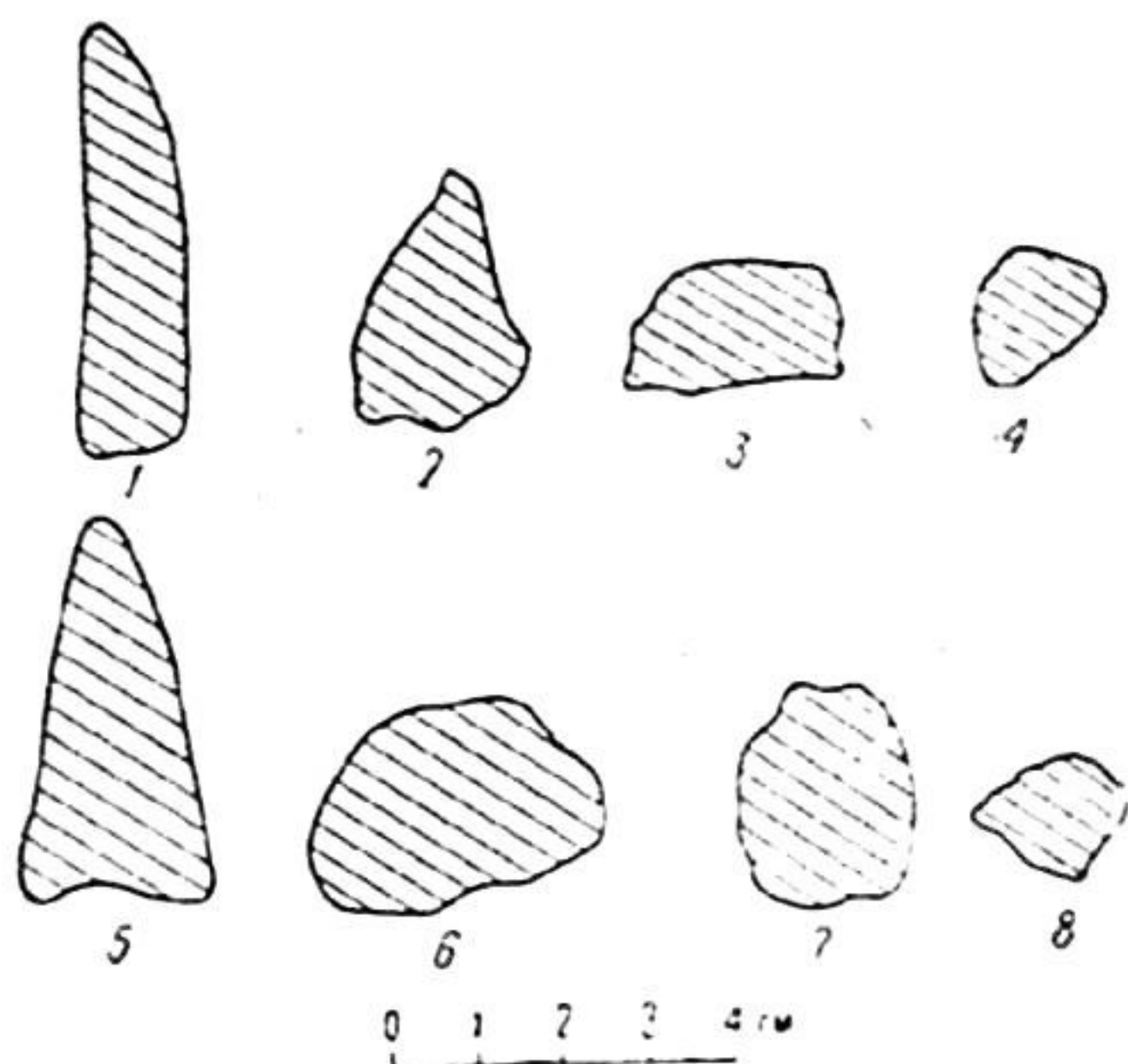
¹ Настоящая заметка написана по материалам, полученным автором от Т. Миргиязова в 1939 г. Сборы Т. Миргиязова в 1928 г. были описаны археологом О. И. Толстихиной-Шмидт, ею же были произведены контурные зарисовки некоторых находок. Находки хранились в Музее истории, но, по словам Т. Миргиязова, были переданы на обработку в Москву, откуда не возвращены.

² Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, 1960.

³ Описание изложено по тексту инвентарной записи 1928 г., О. И. Толстихиной-Шмидт. Находки зарегистрированы по инвентарной книге Музея под № 67/1—86 (коллекционным).

⁴ Кол. № 67/14—26.

3. В песках Тор-Узэк, где были найдены обломок кремневого наконечника копья или дротика с хорошей ретушью, два кремневых скребка, два миниатюрных скребочка и черепок от горшка очень грубой работы без орнамента⁵.

Контурная зарисовка кремневых орудий с кызылкумских стоянок НорУльган (1—3) и Тор Узук (4—8): 2—4—6—8—скребки; 5—наконечник.

4. В песках Чибынды-Узэк, где были обнаружены кремневый скребок, кремневые отщепы со следами ретуши и фрагменты керамики с орнаментом в виде «елочки», ряда прямых и рубчатых линий, треугольников, заполненных внутри прямыми линиями, идущими в одном направлении, и зигзагообразных линий. Среди сбора керамики различаются: бока сосудов с днищем, части днищ и венчики⁶.

5. В песках Тосель-Бейна-Табак, где были собраны обломок кремневой ножевидной пластины и много отщепов кремня со следами ретуши и фрагменты керамики как без орнамента, так и с орнаментом в виде «елочки» и крупными линиями. Среди сбора керамики различаются днище, бока, ручка и венчики сосудов⁷.

⁵ Кол. № 67/27—32.

⁶ Инв. № 67/33—45.

⁷ Инв. № 67/46—67.

6. В песках Джар-Кудук был найден череп человека (бронхицефал) без нижней челюсти, череп был найден в песках вместе с кремневыми отщепами (со следами ретуши) и осколками кремня. Там же обнаружены фрагменты керамики без орнамента и с орнаментом—«выпуклинами». Среди сбора керамики различаются бока, днища и венчики сосудов⁸.

Археолог М. В. Воеводский, который видел сборы Т. Миргиязова, писал: «По личным сведениям научного сотрудника САМИИР (Ташкент) Миргиязова Турды, им было открыто в песках Кызылкумов 5—6 неолитических стоянок с микролитической индустрией и остатками керамики с ямочным орнаментом»⁹.

Т. Миргиязовым была составлена схематическая «Карта пути экспедиции по Кызылкумским пескам», где отмечены места обнаруженных стоянок¹⁰.

Г. В. Парфенов.

---

⁸ Инв. № 67—68—86.

⁹ М. В. Воеводский и А. И. Тереножкин, Археологическое изучение Средней Азии за 1917—1937 гг. М., 1937. Рукопись. Архив Института археологии АН СССР. Эта работа была опубликована в Америке: Field H. and Proston E., Archaeological Investigations in Central Asia 1917—1937. *Ars Islamica*. v. pt. I. 1938;

М. Е. Массон, Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, вып. XXXI, Ташкент, 1956, стр. 23.

¹⁰ К большому сожалению, карта, череп, как и весь материал коллекции, в фондах Музея истории АН УзССР не значится, сохранились только учетные карточки коллекции.

ПО ФОНДАМ МУЗЕЯ

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ

Нумизматические коллекции Музея истории АН УзССР по количеству и разнообразию монет среднеазиатского происхождения занимают первое место среди коллекций других республиканских музеев.

Нумизматические коллекции бывшего Ташкентского музея, организованного в 1876 г., и коллекция Туркестанского кружка любителей археологии, описанные и опубликованные Н. Остроумовым в 1900 г. и И. Трофимовым в 1901 г., хранятся в настоящее время в Музее. Нумизматические коллекции Музея истории были значительно пополнены в 20—30-е годы, когда по линии Туркомстариса и Средазкомстариса были проведены сборы учеными-специалистами Среднеазиатского государственного университета, а также обработка и определение музейных коллекций и составление инвентарной книги. В этой работе приняли участие арабист, профессор Шмидт, а позднее профессор М. Е. Массон и Турды Миргиязов. Ими были зарегистрированы и собраны из разных мест Средней Азии отдельные монетные находки и целые клады монет. Большая часть монет, зарегистрированных М. Е. Массоном и Т. Миргиязовым, включая клады, насчитывающие сотни и тысячи экземпляров, составляет теперь основную и научно наиболее ценную часть нумизматических коллекций Музея.

Среди коллекций Музея истории АН УзССР имеются такие особо интересные монеты, как дарик золотой ахеменидского царя Дария (VI в. до н. э.), монеты Александра Македонского, варварские подражания Александру Македонскому (IV—III вв. до н. э.), селевкидские (III в. до н. э.), греко-бактрийские и греко-индийские, кушанские, сасанидские, бухар-худатские (VII—VIII вв. н. э.), омейядские и аббасидские (VIII в.), саманидские, илекские, караханидские (X—XII вв.), хорезмийские, чингизидские, тимуридские, Бухарского ханства и др.

Эти монеты могут быть использованы как исторический источник для характеристики денежного обращения, торговли и других вопросов экономики.

Среди древних монет из коллекции Музея истории особого внимания заслуживают серебряные сасанидские монеты V в. н. э. с согдийской надчеканкой, которые были обнаружены в районе Ангрена в 1956 г. Самый ранний клад — серебряные караханидские монеты начала XI в., найденные в Кок-Таше Душамбинской области в мае 1931 г., в котором одна монета саманида Нух-Бин-Насра; караханидские монеты из низкопробного серебра (чекан от имени Караханидов) для Чаганиана (около 425 г. х.-1034 г.). Клад определен и обработан Турды Миргиязовым.

Клад золотых монет XII—XIII вв. найден в 1954 г. в Тахтабадском районе Андижанской области УзССР. В кладе обнаружены монеты хорезмшаха Текеша (1172—1200), Чингисхана и др. (клад обработан научным сотрудником Музея Г. Алимовым). Клад серебряных монет XIV в. найден в 1928 г. в Термезе и передан в Музей, где его определил и опубликовал М. Е. Массон. В кладе имелись чагатаидские, музаффаридские и тимуридские монеты. В коллекциях Музея имеется значительное количество позднесредневековых монет, в том числе 10 больших кладов. В одном из них, найденном в г. Ош, более 500 монет тимуридских и моголистанских (чекан середины XV в.). Особенность их — обилие надчеканов, часто по два и более на одной монете. Среди чеканов и надчеканов некоторые представляют особый интерес для характеристики мелкой розничной торговли. Клады в целом дают важный материал по денежному обращению в Средней Азии XV—XVI вв. в период правления тимуридов и шейбанидов. Кроме того, они позволяют выявить новые типы и варианты чекана, неизвестные до сих пор нумизматам по литературе о монетных дворах XV—XVI вв.

В Музее истории АН УзССР хранятся также золотые, серебряные и медные монеты, чеканенные в XVIII—XX вв. в Кокандском, Бухарском и Хивинском ханствах: медные монеты, боны (бумажные деньги), выпущенные в 1920—1921 гг. в Бухарской и Хорезмской народных советских республиках. Общее количество монет, медалей, гемм и печатей в коллекциях Музея истории АН УзССР к началу сентября 1960 г. превышало 36 тыс. экземпляров, представляющих большой историко-нумизматический интерес для изучения экономики и истории народов Средней Азии.

С. Ишанханов.

КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОДОКУМЕНТОВ

В Музее истории АН УзССР имеется коллекция фотодокументов, насчитывающая более 60 тыс. позитивных снимков и негативов. В ней хранятся материалы, отображающие не только историю Узбекистана, но и историю Туркмении, Таджикистана, Киргизии, входивших ранее в состав Туркестанского края.

Фотоархив имеет несколько разделов: археология, архитектура, эпоха феодализма, Туркестан в составе царской России, Советский период.

Собиранию фотодокументов по истории Туркестанского края положили начало члены Туркестанского кружка любителей археологии, работы которых сопровождались открытием ценнейших памятников материальной культуры. К сожалению, в Музей истории попал лишь разрозненный фотоматериал, собранный членами Туркестанского кружка любителей археологии, в том числе интересная фотография древнего погребения «мугхона» (1896 г.).

В фондах Музея хранится коллекция фотографий надгробных камней и наскальных изображений Монголии фотографов-любителей Г. А. Панкратьева и братьев Вырвижских (1896 г.); фотографии находок из Отрара, найденные и сфотографированные членами кружка, раскопки холма «Шаш-Тепе» в 1896 г. и др.

Страстным собирателем старины был фотограф-любитель Г. А. Панкратьев. В фотоархиве хранятся сделанные им в 90-х годах XIX в. снимки архитектурных памятников Средней Азии.

Хорошо сохранилась коллекция фотографий, отображающих быт народов Туркестанского края.

Большой интерес представляют репродукции коллекции Дудина, ставшие уникальными, так как подлинные негативы погибли в Ленинграде. Они ярко отображают кустарное ремесло, главным образом Самарканда начала XX в. Здесь и кожевник, и ткач, и чеканщик по меди и др.

Редкими являются фотографии, приобретенные у агронома Мелик-Саркисяна, любителя-фотографа. Часть его фотоснимков использовал Масальский в своей книге «Туркестанский край». Оригиналы хранятся в фондах Музея.

В коллекции много фотоснимков, зафиксировавших быт сельского населения Средней Азии: орудия труда дехкан, их жилища, одежду.

В фототеке имеется материал, отображающий национально-освободительную войну народов Средней Азии против са-

модержавия, крестьянские движения 80-х годов, восстание 1916 г. и др.

В архиве хранятся фотодокументы, освещающие развитие революционного движения и деятельность в Туркестане социал-демократических организаций, события революции 1905 г., восстание сапер в 1912 г., свержение самодержавия в Туркестанском крае.

Большая часть фотографий отражает события Великой Октябрьской социалистической революции: памятные места революционных событий, реликвии, фотокопии документов, портреты активных участников революции.

В фондах хранятся снимки, отражающие провозглашение Туркестанской Автономной Советской республики («Поднятие флага в честь провозглашения Туркестанской автономной республики», 1 мая 1918 г. и др.).

Широко отражены в фотодокументах события периода иностранной военной интервенции и гражданской войны: красноармейские отряды и партийные дружины, фотографии участников борьбы с басмачеством, много групповых снимков участников гражданской войны, относящихся к 1917—1959 гг.

В архиве хранятся фотографии, отражающие деятельность посланцев В. И. Ленина в Средней Азии — М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева. Имеются фотодокументы, на которых зафиксированы формирование национальных частей Красной Армии, участие курсантов Ленинского училища в борьбе с басмачеством.

Нашли свое отражение в фотофондах Музея и последующие периоды истории Советского Узбекистана: проведение национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г., образование Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, Киргизской автономной области; история восстановления промышленности, индустриализация и коллективизация в республиках Средней Азии, проведение земельно-водной реформы в 1925—1926 гг.

Многие фотодокументы рассказывают о развитии ирригационного строительства в Узбекской ССР. На снимках зафиксированы также моменты строительства Ташкентского текстильного комбината, гидроэлектростанций, Большого Ферганского канала, города Чирчика (1932—1933 г.). Имеется много фотоматериалов по истории Узбекистана в годы Великой Отечественной войны.

В Музее хранятся фотографии государственных и революционных деятелей Узбекской ССР: председателя Президиума Верховного Совета УзССР Юлдаша Ахунбабаева, приезд

М. И. Калинина в Узбекистан, фотодокументы братьев А. и С. Касымходжаевых, Д. Устабаева, Д. И. Манжары и др.

Интересны фотоматериалы по раскрепощению женщин в Узбекистане. Богато представлены в фотодокументах послевоенный период, дальнейшее развитие сельского хозяйства и промышленности Узбекистана: съезды и конференции, международные связи, новаторы и передовики производства, технический прогресс, бригады коммунистического труда, производственный подъем в честь XXII съезда КПСС.

Фонды Музея истории постоянно пополняются фотодокументами, которые приносят в дар участники Октябрьской революции и активные строители социалистического Узбекистана.

Л. М. Ушканова.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Н. Садыкова. Научно-исследовательская работа Музея . . .	9
Ю. И. Гласс. В борьбе за город коммунистического труда (по материалам экспедиции Музея истории АН УзССР в Чирчик).	17
Э. Ю. Бурякова. Узбекский металлургический завод им. В. И. Ленина (краткий исторический очерк).	28
Б. Джабаров. Генерал Сабир Рахимов (материалы к биографии).	43
Л. М. Ланда. Из истории профдвижения в Туркестане . . .	51
А. Д. Хаиров. Ахмеджан Ибрагимов (биографический очерк).	69
А. Мирхаликов. Трудящиеся Туркеспублики в борьбе за хлеб в 1920 г.	79
Ш. Музапаров. К вопросу о школьном строительстве в Туркестанской АССР (1918—1920 гг.).	89
Ю. Пулатов, А. Мирхаликов. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии (из оружейных коллекций Музея).	100
Ю. Ф. Буряков. Некоторые материалы по металлургии в долине Ангрена (IX—X вв.).	108
К. А. Шахурин. Еще раз о погребении Тимура	114
Ю. Ф. Буряков. Надписи на глазурованных сосудах Тункента.	12

Из прошлого музейного дела в Узбекистане

Л. М. Ушканова. Турды Миргиязов — археолог и краевед (1896—1951 гг.).	13
Г. В. Парфенов. Археологическая реконструкция Турды Миргиязова в пустыне Кызылкумы в 1928 г.	133

По фондам Музея

С. Ишанханов. Нумизматические коллекции.	136
Л. М. Ушканова. Коллекция фотодокументов.	138

Редактор *Ф. Десятник*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *Л. А. Самсонова*

Р-02021. Сдано в набор 15,Х-1962 г. Подписано к печати 25/1—63 г.
Бумага $60 \times 90^{1/16} = 4,5$ бум. л. 9,0 печ. л. 9,0 уч.—л. Изд. №575/62
Тираж 650 Цена 62 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9.
Заказ 1377. Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

Ташкент, Куйбышева, 15.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

**ХРОНИКА СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ.
ФЕВРАЛЬ — НОЯБРЬ 1917 г.**

На рус. яз. 287 стр.

Цена 1 руб. 34 коп.

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ (1917—1926 гг.).
СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ.**

На рус. яз. 796 стр.

Цена 5 руб. 0,2 коп.

**М. Гулямова
ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

На рус. яз. 96 стр.

Цена 63 коп

Б. В. Лунин

**НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА ТУРКЕСТАНА И ИХ ПРОГРЕССИВНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.**

На рус. яз. 344 стр.

Цена 1 руб. 60 коп.

О. А. Сухарева

**ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД БУХАРА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА.
РЕМЕСЛЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.**

На рус. яз. 194 стр., с илл.

Цена 1 руб. 30 коп.

Х. Зияев

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И СИБИРЬ (XVI—XIX вв.).

На узб. яз. 344 стр.

Цена 1 руб. 78 коп.

С заказами обращаться:

гор. Ташкент, ул. Навои, 30, Узглавкниготорг

Индивидуальным покупателям, библиотекам, организациям книги
высылаются наложенным платежом без задатка.